

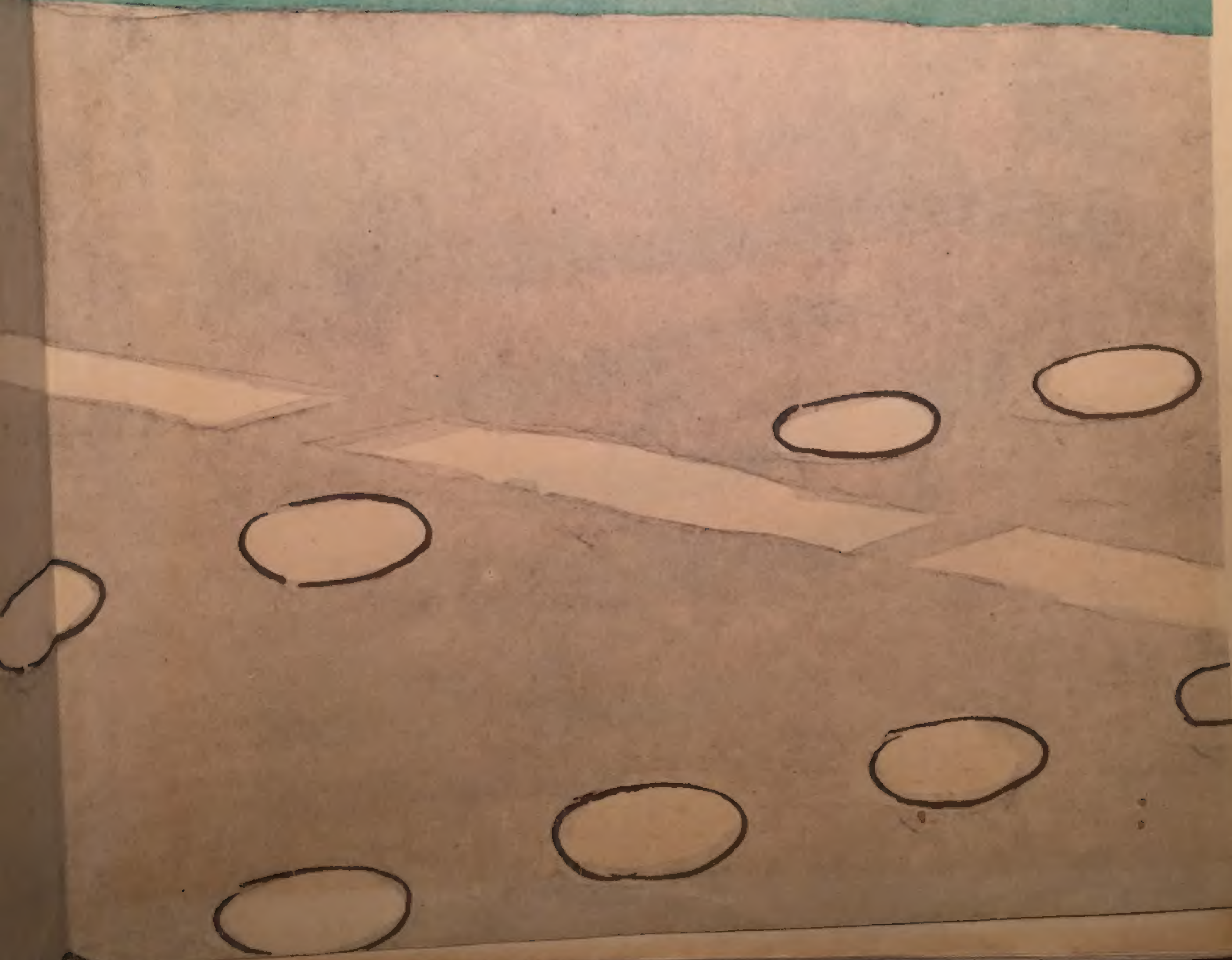

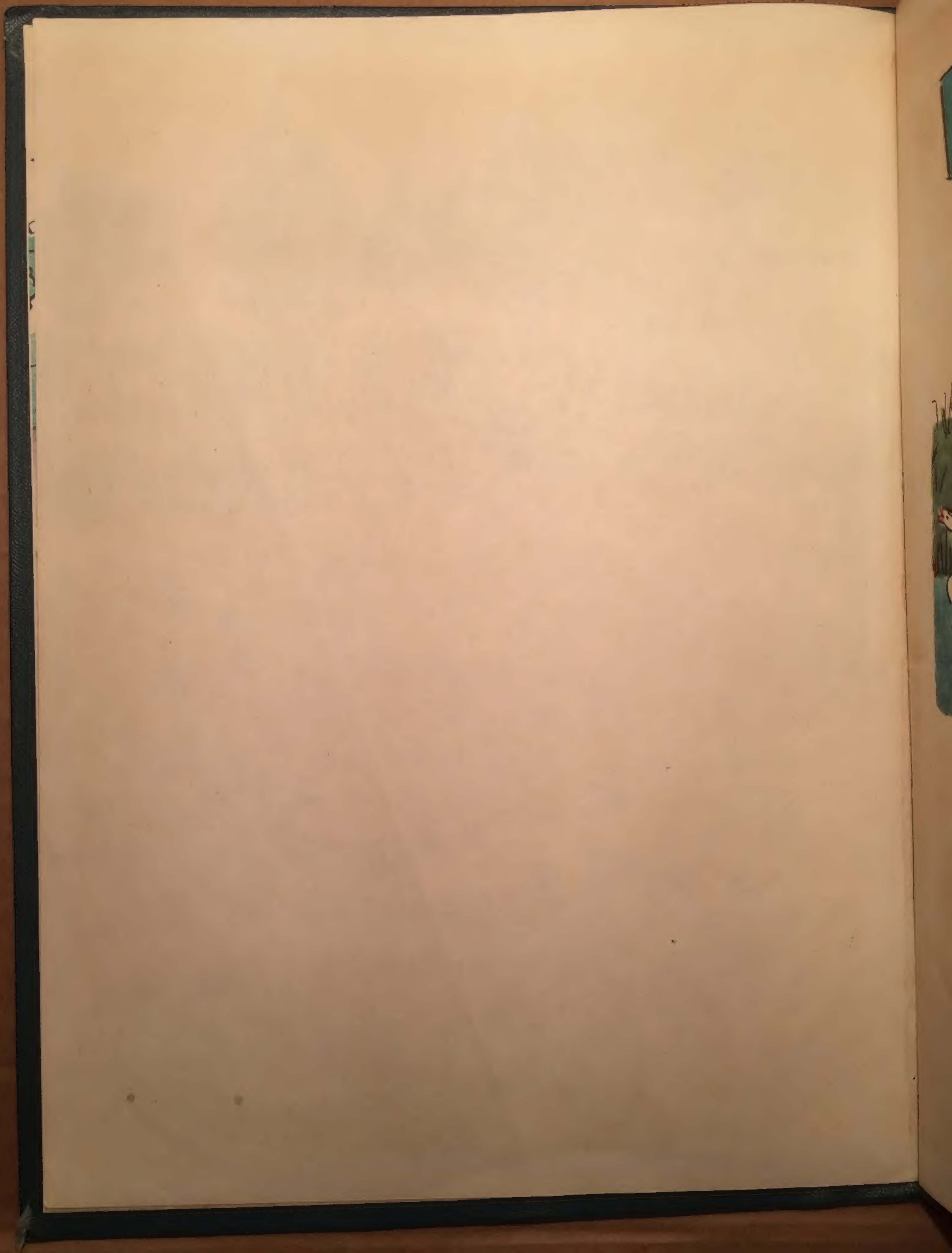
Н. НОСОВ

Весёлая
СЕМЕЙКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Н. НОСОВ Весёлая семейка

Рисунки А. Каневского

ПОВЕСТЬ И РАССКАЗЫ

МОСКВА · «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» · 1975

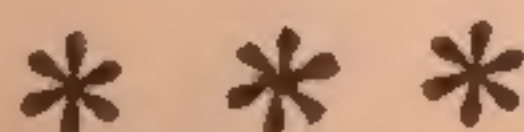
P 2
H 84

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об
этой книге присылать по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

СОДЕРЖАНИЕ

МИШКИНА КАША	3
ДРУЖОК	13
ТЕЛЕФОН	30
БЕНГАЛЬСКИЕ ОГНИ	40
ТУК-ТУК-ТУК	56
ОГОРОДНИКИ	64
АВТОМОБИЛЬ	74
НАШ КАТОК	79
ВЕСЁЛАЯ СЕМЕЙКА. <i>Повесть</i>	90

Д Л Я М Л А Д Ш Е Г О В О З Р А С Т А

Николай Николаевич Носов

ВЕСЁЛАЯ СЕМЕЙКА

Повесть и рассказы

Ответственный редактор Л. И. Гульбинская. Художественный редактор М. Д. Суховцева. Технический редактор Л. В. Гришина. Корректоры В. К. Мирингоф и Э. Н. Сизова.
Подписано к печати с диапозитивов 4/VII 1975 г. Формат 84×108^{1/16}. Бум. офс. № 1. Печ. л. 10. Усл. печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 9,86. Тираж 1 200 000 экз. Заказ № 1445. Цена 1 руб. 01 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература», Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Отпечатано с диапозитивов Калининского полиграфкомбината детской литературы им. 50-летия СССР.
Чеховский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Чехов Московской области.

МИШКИНА КАША

Один раз, когда я жил с мамой на даче, ко мне в гости приехал Мишка. Я так обрадовался, что и сказать нельзя! Я очень по Мишке соскучился. Мама тоже была рада его приезду.

— Это очень хорошо, что ты приехал, — сказала она. — Вам вдвоём здесь веселей будет. Мне, кстати, завтра надо в город поехать. Я, может быть, задержусь. Проживёте тут без меня два дня?

— Конечно, проживём, — говорю я. — Мы не маленькие!

— Только вам тут придётся самим обед готовить. Сумеете?

— Сумеем, — говорит Мишка. — Чего там не суметь!

— Ну, сварите суп и кашу. Кашу ведь просто варить.

— Сварим и кашу. Чего там её варить! — говорит Мишка.

Я говорю:

— Ты смотри, Мишка, а вдруг не сумеем! Ты ведь не варила раньше.

— Не беспокойся! Я видел, как мама варит. Сыт будешь, не помрёшь с голоду. Я такую кашу сварю, что пальцы оближешь!

Наутро мама оставила нам хлеба на два дня, варенья, чтобы мы чай пили, показала, где какие продукты лежат, объяснила, как варить суп и кашу, сколько крупы положить, сколько чего. Мы всё слушали, только я ничего не запомнил. «Зачем, — думаю, — раз Мишка знает».

Потом мама уехала, а мы с Мишкой решили пойти на реку рыбу ловить. Наладили удочки, накопили червей.

— Постой, — говорю я. — А обед кто будет варить, если мы на реку уйдём?

— Чего там варить! — говорит Мишка. — Одна возня! Съедем весь хлеб, а на ужин сварим кашу. Кашу можно без хлеба есть.

Нарезали мы хлеба, намазали его вареньем и пошли на реку. Сначала выкупались, потом разлеглись на песке. Греемся на солнышке и хлеб с вареньем жуём. Потом стали рыбу ловить. Только рыба плохо клевала: поймали всего с десяток пескариков. Целый день мы на реке проболтались. К вечеру вернулись домой. Голодные!

— Ну, Мишка, — говорю, — ты специалист. Что варить будем? Только такое, чтоб побыстрей. Есть очень хочется.

— Давай кашу, — говорит Мишка. — Кашу проще всего.

— Ну что ж, кашу так кашу.

Растопили плиту. Мишка насыпал в кастрюлю крупы. Я говорю:

— Сыпь побольше. Есть очень хочется!

Он насыпал полную кастрюлю и воды налил доверху.

— Не много ли воды? — спрашиваю. — Размазня получится.

— Ничего, мама всегда так делает. Ты только за печкой смотри, а я уж сварю, будь спокоен.

Ну, я за печкой смотрю, дрова подкладываю, а Мишка кашу варит, то есть не варит, а сидит да на кастрюлю смотрит, она сама варится.

Скоро стемнело, мы зажгли лампу. Сидим и ждём, когда каша сварится. Вдруг смотрю: крышка на кастрюле приподнялась, и из-под неё каша лезет.

Целый день мы на реке протолкались.

— Мишка, — говорю, — что это? Почему каша лезет?

— Куда?

— Шут её знает куда! Из кастрюли лезет!

Мишка схватил ложку и стал кашу обратно в кастрюлю впихивать. Мял её, мял, а она будто пухнет в кастрюле, так и вываливается наружу.

— Не знаю, — говорит Мишка, — с чего это она вылезать вздумала. Может быть, готова уже?

Я взял ложку, попробовал: крупа совсем твёрдая.

— Мишка, — говорю, — куда же вода девалась? Совсем сухая крупа!

— Не знаю, — говорит. — Я много воды налил. Может быть, дырка в кастрюле?

Стали мы кастрюлю осматривать: никакой дырки нет.

— Наверно, испарилась, — говорит Мишка. — Надо ещё подлить.

Он переложил лишнюю крупу из кастрюли в тарелку и подлил в кастрюлю воды. Стали варить дальше. Варили, варили — смотрим, опять каша наружу лезет.

— Ах, чтоб тебя! — говорит Мишка. — Куда же ты лезешь?

Схватил ложку, опять стал лишнюю крупу откладывать. Отложил и снова бух туда кружку воды.

— Вот видишь, — говорит, — ты думал, что воды много, а её ещё подливать приходится.

Варим дальше. Что за комедия! Опять вылезает каша.

Я говорю:

— Ты, наверно, много крупы положил. Она разбухает, и ей тесно в кастрюле становится.

— Да, — говорит Мишка, — кажется, я немного много крупы переложил. Это всё ты виноват: «Клади, говорит, побольше. Есть хочется!»

— А откуда я знаю, сколько надо класть? Ты ведь говорил, что умеешь варить.

— Ну и сварю, не мешай только.

— Пожалуйста, не буду тебе мешать.

Отошёл я в сторонку, а Мишка варит, то есть не варит, а только и делает, что лишнюю крупу в тарелки перекладывает.

— Ах, чтоб тебя! — говорит Мишка. — Куда же ты лезешь?

Весь стол уставил тарелками, как в ресторане, и всё время воды подливает.

Я не вытерпел и говорю:

— Ты что-то не так делаешь. Так ведь до утра можно варить!

— А что ты думаешь, в хорошем ресторане всегда обед с вечера варят, чтоб наутро поспел.

— Так то, — говорю, — в ресторане! Им спешить некуда, у них еды много всякой.

— А нам-то куда спешить?

— Нам надо поесть да спать ложиться. Смотри, скоро двенадцать часов.

— Успеешь, — говорит, — выспаться.

И снова бух в кастрюлю воды. Тут я понял, в чём дело.

— Ты, — говорю, — всё время холодную воду льёшь, как же она может свариться.

— А как, по-твоему, без воды, что ли, варить?

— Выложить, — говорю, — половину крупы и налить воды сразу побольше, и пусть себе варится.

Взял я у него кастрюлю, вытряхнул из неё половину крупы.

— Наливай, — говорю, — теперь воды доверху.

Мишка взял кружку, полез в ведро.

— Нету, — говорит, — воды. Вся вышла.

— Что же мы делать будем? Как за водой идти, темнота какая! — говорю. — И колодца не увидишь.

— Чепуха! Сейчас принесу.

Он взял спички, привязал к ведру верёвку и пошёл к колодцу. Через минуту возвращается.

— А вода где? — спрашиваю.

— Вода... там, в колодце.

— Сам знаю, что в колодце. Где ведро с водой?

— И ведро, — говорит, — в колодце.

— Как — в колодце?

— Так, в колодце.

— Упустил?

— Упустил.

— Ах ты, — говорю, — размазня! Ты что ж, нас уморить голодом хочешь? Чем теперь воды достать?

— Чайником можно.

Я взял чайник и говорю:

— Давай верёвку.

— А её нет, верёвки.

— Где же она?

— Там.

— Где — там?

— Ну... в колодце.

— Так ты, значит, с верёвкой ведро упустил?

— Ну да.

Стали мы другую верёвку искать. Нет нигде.

— Ничего, — говорит Мишка, — сейчас пойду попрошу у соседей.

— С ума, — говорю, — сошёл! Ты посмотри на часы: соседи спят давно.

Тут, как нарочно, обоим нам пить захотелось; кажется, сто рублей за кружку воды отдал бы! Мишка говорит:

— Это всегда так бывает: когда нет воды, так ещё больше пить хочется. Поэтому в пустыне всегда пить хочется, потому что там нет воды.

Я говорю:

— Ты не рассуждай, а ищи верёвку.

— Где же её искать? Я везде смотрел. Давай леску от удочки привяжем к чайнику.

— А леска выдержит?

— Может быть, выдержит.

— А если не выдержит?

— Ну, если не выдержит, то... оборвётся...

— Это и без тебя известно.

Размотали мы удочку, привязали к чайнику леску и пошли к колодцу. Я опустил чайник в колодец и набрал воды. Леска натянулась, как струна, вот-вот лопнет.

— Не выдержит! — говорю. — Я чувствую.

— Может быть, если поднимать осторожно, то выдержит, — говорит Мишка.

Стал я поднимать потихоньку. Только приподнял над водой, плюх — и нет чайника.

— Не выдержала? — спрашивает Мишка.

— Конечно, не выдержала. Чем теперь доставать воду?
— Самоваром, — говорит Мишка.
— Нет, уж лучше самовар просто бросить в колодец, по крайней мере возиться не надо. Верёвки-то нет.
— Ну, кастрюлей.
— Что у нас, — говорю, — по-твоему, кастрюльный магазин?

— Тогда стаканом.
— Это сколько придётся возиться, пока стаканом воды носишь!

— Что же делать? Надо ведь кашу доваривать. И пить до зарезу хочется.

— Давай, — говорю, — кружкой. Кружка всё-таки больше стакана.

Пришли домой, привязали леску к кружке так, чтоб она не переворачивалась. Вернулись к колодцу. Вытащили по кружке воды, напились. Мишка говорит:

— Это всегда так бывает. Когда пить хочется, так кажется, что целое море выпьешь, а когда станешь пить, так одну кружку выпьешь и больше уже не хочется, потому что люди от природы жадные...

Я говорю:

— Нечего тут на людей наговаривать! Тащи лучше кастрюлю с кашей сюда, мы прямо в неё воды натаскаем, чтоб не бегать двадцать раз с кружкой.

Мишка принёс кастрюлю и поставил на край колодца. Я её не заметил, зацепил локтем и чуть не столкнул в колодец.

— Ах ты, растяпа! — говорю. — Зачем мне кастрюлю под локоть сунул? Возьми её в руки и держи крепче. И отойди от колодца подальше, а не то и каша полетит в колодец.

Мишка взял кастрюлю и отошёл от колодца. Я натаскал воды.

Пришли мы домой. Каша у нас остыла, печь погасла. Растопили мы снова печь и опять принялись кашу варить. Наконец она у нас закипела, сделалась густая и стала пыхтеть: «Пых, пых!»

— О! — говорит Мишка. — Хорошая каша получилась, знатная!

Я взял ложку, попробовал:

— Тьфу! Что это за каша! Горькая, несолёная и воняет гарью.

Мишка тоже хотел попробовать, но тут же выплюнул.

— Нет, — говорит, — умирать буду, а такую кашу не стану есть!

— Такой каши наешься, и умереть можно! — говорю я.

— Что ж делать?

— Не знаю.

— Чудаки мы! — говорит Мишка. — У нас же пескари есть!

— Я говорю:

— Некогда теперь уже с пескарями возиться! Скоро светать начнёт.

— Так мы их варить не будем, а зажарим. Это ведь быстро — раз, и готово.

— Ну давай, — говорю, — если быстро. А если будет, как каша, то лучше не надо.

— В один момент, вот увидишь.

Мишка почистил пескарей и положил на сковородку. Сковородка нагрелась, пескари и прилипли к ней. Мишка стал отдирать пескарей от сковородки ножом, все бока ободрал им.

— Умник! — говорю. — Кто же рыбу без масла жарит!

Мишка взял бутылку с подсолнечным маслом. Налил масла на сковородку и сунул в печь прямо на горячие угли, чтоб поскорее зажарились. Масло зашипело, затрещало и вдруг вспыхнуло на сковородке пламенем. Мишка вытащил сковородку из печки — масло на ней пылает. Я хотел водой залить, а воды у нас во всём доме ни капли нет. Так оно и горело, пока всё масло не выгорело. В комнате дым и смрад, а от пескарей одни угольки остались.

— Ну, — говорит Мишка, — что теперь жарить будем?

— Нет, — говорю я, — больше я тебе ничего жарить не дам. Мало того, что ты продукты испортишь, так ты ещё пожар устроишь. Из-за тебя весь дом сгорит. Довольно!

— Что же делать? Есть-то ведь хочется!

Попробовали мы сырую крупу жевать — противно. Попробовали сырой лук — горько. Масло попробовали без хлеба

есть — тошно. Нашли банку из-под варенья. Ну, мы её вылили и легли спать. Уже совсем поздно было.

Наутро проснулись голодные. Мишка сразу полез за крупой, чтоб варить кашу. Я как увидел, так меня даже в дрожь бросило.

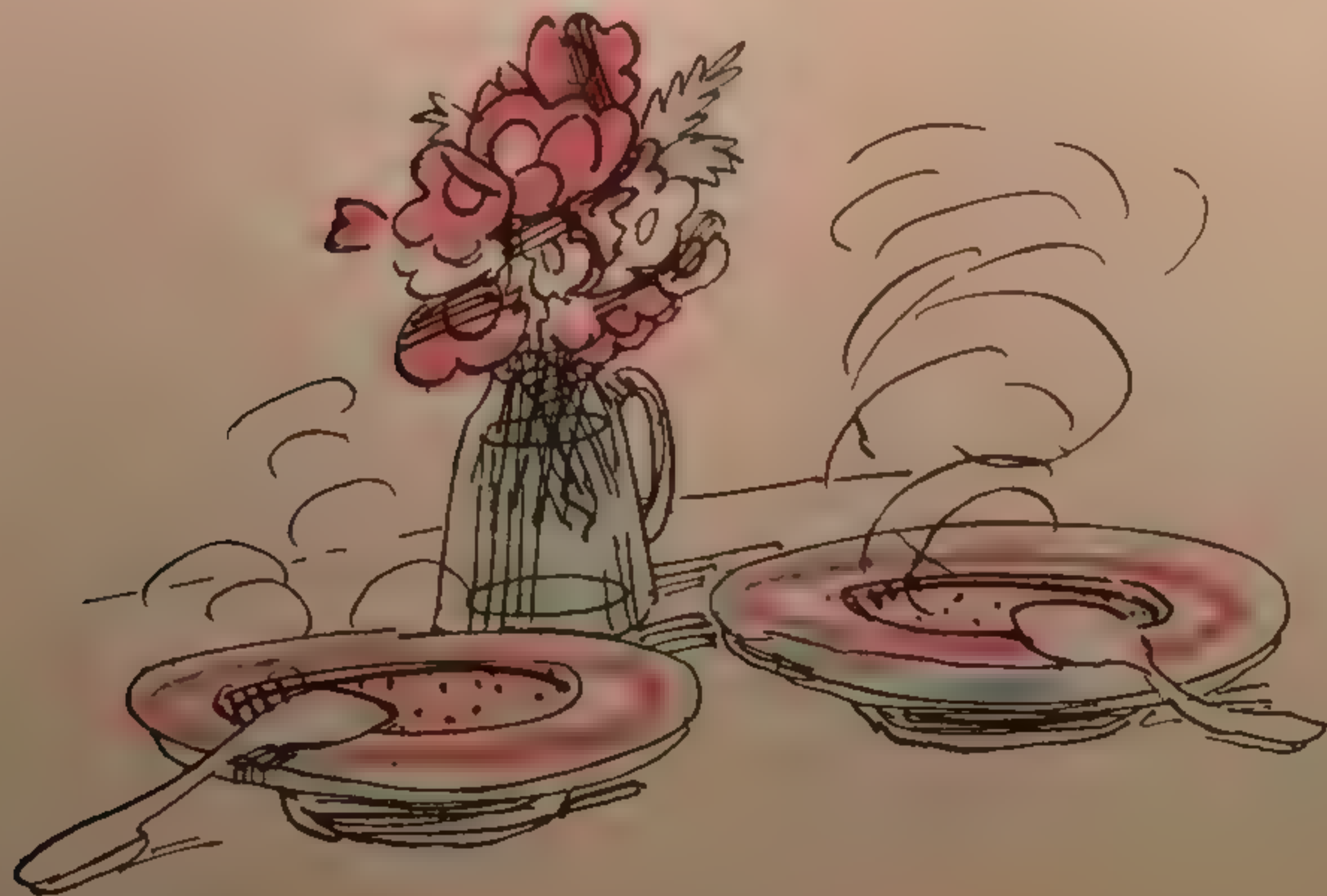
— Не смей! — говорю. — Сейчас я пойду к хозяйке, тётё Наташе, попрошу, чтобы она нам кашу сварила.

Мы пошли к тётё Наташе, рассказали ей всё, обещали, что мы с Мишкой все сорняки у неё на огороде выполем, только пусть она поможет нам кашу сварить. Тётя Наташа сжалилась над нами: напоила нас молоком, дала пирогов с капустой, а потом усадила завтракать. Мы всё ели и ели, так что тётё Наташин Вовка на нас удивлялся, какие мы голодные были.

Наконец мы наелись, попросили у тётё Наташи верёвку и пошли доставать из колодца ведро и чайник. Много мы провозились и, если бы Мишка не придумал якорёк из проволоки смастерить, так бы ничего и не достали. А якорьком, как крючком, подцепили и ведро и чайник. Ничего не пропало — всё вытащили. А потом мы с Мишкой и Вовкой сорняки на огороде пололи.

Мишка говорил:

— Сорняки — это чепуха! Совсем нетрудное дело. Гораздо легче, чем кашу варить!

ДРУЖОН

Замечательно нам с Мишкой жилось на даче! Вот где было раздолье! Делай что хочешь, иди куда хочешь. Можешь в лес за грибами ходить или за ягодами или купаться в реке, а не хочешь купаться — так лови рыбу, и никто тебе слова не скажет. Когда у мамы кончился отпуск и нужно было собираться обратно в город, мы даже загрустили с Мишкой. Тётя Наташа заметила, что мы оба ходим как в воду опущенные, и стала уговаривать маму, чтоб мы с Мишкой остались ещё пожить. Мама согласилась и договорилась с тётей Наташей, чтоб она нас кормила и всякое такое, а сама уехала.

Мы с Мишкой остались у тёти Наташи. А у тёти Наташи была собака Дианка. И вот как раз в тот день, когда мама уехала, Дианка вдруг ощенилась: шестерых щенков принесла. Пятеро чёрных с рыжими пятнами и один — совсем рыжий, только одно ухо у него было чёрное. Тётя Наташа увидела щенков и говорит:

— Чистое наказание с этой Дианкой! Каждое лето она щенков приносит! Что с ними делать, не знаю. Придётся их утопить.

Мы с Мишкой говорим:

— Зачем топить? Они ведь тоже хотят жить. Лучше отдать соседям.

— Да соседи не хотят брать, у них своих собак полно, — сказала тётя Наташа. — А мне ведь тоже не надо столько собак.

Мы с Мишкой стали просить:

— Тётечка, не надо их топить! Пусть они подрастут немножечко, а потом мы сами их кому-нибудь отдадим.

Тётя Наташа согласилась, и щеночки остались. Скоро они подросли, стали бегать по двору и лаять: «Тяф! Тяф!» — совсем как настоящие псы. Мы с Мишкой по целым дням играли с ними. Тётя Наташа несколько раз напоминала нам, чтоб мы раздали щенков, но нам было жалко Дианку. Ведь она станет скучать по своим детям, думали мы.

— Зря я вам поверила, — сказала тётя Наташа. — Теперь я вижу, что все щенки останутся у меня. Что я буду делать с такой оравой собак? На них одного корму сколько надо!

Пришлось нам с Мишкой братья за дело. Ну и помучились же мы! Никто не хотел брать щенков. Несколько дней подряд мы таскали их по всему посёлку и насилу пристроили трёх щенков. Ещё двоих мы отнесли в соседнюю деревню. У нас остался один щенок, тот, который был рыжий с чёрным ухом. Нам он больше всех нравился. У него была такая милая морда и очень красивые глаза, такие большие, будто он всё время чему-нибудь удивлялся. Мишка никак не хотел расставаться с этим щенком и написал своей маме такое письмо:

«Милая мамочка! Разрешите мне держать щеночка маленького. Он очень красивый, весь рыжий, а ухо чёрное, и я его

очень люблю. За это я тебя всегда буду слушаться, и буду хорошо учиться, и щеночка буду учить, чтоб из него выросла хорошая, большая собака».

Мы называли щеночка Дружком. Мишка говорил, что купит книжку о том, как дрессировать собак, и будет учить Дружка по книжке.

* * *

Прошло несколько дней, а от Мишкиной мамы так и не пришло ответа. То есть пришло письмо, но в нём совсем ничего про Дружка не было. Мишкина мама писала, чтобы мы приезжали домой, потому что она беспокоится, как мы тут живём одни.

Мы с Мишкой в тот же день решили ехать, и он сказал, что повезёт Дружка без разрешения, потому что он ведь не виноват, раз письмо не дошло.

— Как же вы повезёте своего щенка? — спросила тётя Наташа. — Ведь в поезде не разрешают возить собак. Увидит проводник и оштрафует.

— Ничего, — говорит Мишка, — мы его в чемодан спрячем, никто и не увидит.

Мы переложили из Мишкиного чемодана все вещи ко мне в рюкзак, просверлили в чемодане дырки гвоздём, чтоб Дружок в нём не задохнулся, положили туда краюшку хлеба и кусок жареной курицы на случай, если Дружок проголодается, а Дружка посадили в чемодан и пошли с тётей Наташей на станцию.

Всю дорогу Дружок сидел в чемодане молча, и мы были уверены, что довезём его благополучно. На станции тётя Наташа пошла взять нам билеты, а мы решили посмотреть, что делает Дружок. Мишка открыл чемодан. Дружок спокойно лежал на дне и, задрав голову кверху, жмурил глаза от света.

— Молодец Дружок! — радовался Мишка. — Это такой умный пёс!.. Понимает, что мы его везём тайком.

Мы погладили Дружка и закрыли чемодан. Скоро подошёл поезд. Тётя Наташа посадила нас в вагон, и мы попрощались с ней. В вагоне мы выбрали для себя укромное местечко.

Одна лавочка была совсем свободна, а напротив сидела старушка и дремала. Больше никого не было. Мишка сунул чемодан под лавку. Поезд тронулся, и мы поехали.

* * *

Сначала всё шло хорошо, но на следующей станции стали садиться новые пассажиры. К нам подбежала какая-то длинноногая девчонка с косичками и затрещала, как сорока:

— Тётя Надя! Дядя Федя! Идите сюда! Скорее, скорее, здесь места есть!

Тётя Надя и дядя Федя пробрались к нашей лавочке.

— Сюда, сюда! — трещала девчонка. — Садитесь! Я вот здесь сяду с тётей Надечкой, а дядечка Федечка пусть сядет рядом с мальчиками.

— Не шуми так, Леночка, — сказала тётя Надя.

И они вместе сели напротив нас, рядом со старушкой, а дядя Федя сунул свой чемодан под лавку и сел рядом с нами.

— Ой, как хорошо! — захлопала в ладоши Леночка. — С одной стороны три дяденьки сидят, а с другой — три тётенки.

Мы с Мишкой отвернулись и стали смотреть в окно. Сначала всё было тихо, только колёса постукивали. Потом под лавкой послышался шорох и начало что-то скрестись, словно мышь.

— Это Дружок! — зашептал Мишка. — А что если проводник придёт?

— Ничего, может быть, он и не услышит.

— А если Дружок лаять начнёт?

Дружок потихоньку скрёбся, будто хотел проскрести в чемодане дырку.

— Ай, мамочка, мышь! — завизжала эта егоза Леночка и стала поджимать под себя ноги.

— Что ты выдумываешь! — сказала тётя Надя. — Откуда тут мышь?

— А вот послушай! Послушай!

Тут Мишка изо всех сил стал кашлять и толкать чемодан

ногой. Дружок на минуту успокоился, потом потихоньку заскулил. Все удивлённо переглянулись, а Мишка поскорей стал тереть по стеклу пальцем так, чтоб стекло визжало. Дядя Федя посмотрел на Мишку строго и сказал:

— Мальчик, перестань! Это на нервы действует.

В это время сзади кто-то заиграл на гармошке, и Дружка не стало слышно. Мы обрадовались. Но гармошка скоро утихла.

— Давай будем песни петь! — шепчет Мишка.

— Неудобно, — говорю я.

— Ну, давай громко стихи читать.

— Ну, давай. Начинай.

Из-под лавки раздался писк. Мишка закашлял и поскорее начал стихи:

Травка зеленеет, солнышко блестит,
Ласточка с весною в сени к нам летит.

В вагоне раздался смех. Кто-то сказал:

— На дворе скоро осень, а у нас тут весна начинается!

Леночка стала хихикать и говорить:

— Какие мальчишки смешные! То скребутся, как мыши, то по стеклу пальцами скрипят, то стихи читают.

Но Мишка ни на кого не обращал внимания. Когда это стихотворение кончилось, он начал другое и отбивал такт ногами:

Как мой садик свеж и зелен!
Распустилась в нём сирень.
От черёмухи душистой
И от лип кудрявых тень.

— Ну, вот и лето пришло: сирень, видите ли, распустилась! — шутили пассажиры.

А у Мишки без всякого предупреждения грянула зима:

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь...

А потом почему-то всё пошло шиворот-навыворот и после зимы наступила вдруг осень:

Скучная картина!
Тучи без конца.
Дождик так и льётся,
Лужи у крыльца.

Тут Дружок жалобно завыл в чемодане, и Мишка закричал что было силы:

Что ты рано в гости,
Осень, к нам пришла?
Ещё просит сердце
Света и тепла!

Старушка, которая дремала напротив, проснулась, закивала головой и говорит:

— Верно, деточка, верно! Рано осень к нам пришла. Ещё ребятишкам погулять хочется, погреться на солнышке, а тут осень! Ты, миленький, хорошо стишки говоришь, хорошо!

И она принялась гладить Мишку по голове. Мишка незаметно толкнул меня под лавкой ногой, чтоб я продолжал чтение, а у меня, как нарочно, все стихи выскочили из головы, только одна песня вертелась. Недолго раздумывая, я гаркнул что было силы на манер стихов:

Ах вы сени, мои сени!
Сени новые мои!
Сени новые, кленовые, решётчатые!

Дядя Федя поморщился:

— Вот наказание! Ещё один исполнитель нашёлся!

А Леночка надула губки и говорит:

— Фи! Нашёл что читать! Какие-то сени!

А я отбарабанил эту песню два раза подряд и принялся за другую:

Сижу за решёткой, в темнице сырой,
Вскормлённый в неволе орёл молодой...

— Вот бы тебя засадить куда-нибудь, чтоб ты не портил людям нервы! — проворчал дядя Федя.

— Ты не волнуйся, — говорила ему тётя Надя. — Ребята стишки повторяют, что тут такого!

Но дядя Федя всё-таки волновался и тёр рукой лоб, будто у него голова болела. Я замолчал, но тут Мишка пришёл на помощь и стал читать с выражением:

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо, звёзды блещут...

— О! — засмеялись в вагоне. — На Украину попал! Куда-то ещё залетит?

На остановке вошли новые пассажиры:

— Ого, да тут стихи читают! Весело будет ехать.

А Мишка уже путешествовал по Кавказу:

Кавказ подо мною, один в вышине
Стою над снегами у края стремнины...

Так он объехал чуть ли не весь свет и попал даже на Север. Там он охрип и снова стал толкать меня под лавкой ногой. Я никак не мог припомнить, какие ещё бывают стихи, и опять принялся за песню:

Всю-то я вселенную проехал.
Нигде я милой не нашёл...

Леночка засмеялась:

— А этот всё какие-то песни читает!

— А я виноват, что Мишка все стихи перечитал? — сказал я и принялся за новую песню:

Голова ль ты моя удалая,
Долго ль буду тебя я носить?

— Нет, братец, — проворчал дядя Федя, — если будешь так донимать всех своими стихами, то не сносить тебе головы!

Он опять принялся тереть рукой лоб, потом взял из-под лавки чемодан и вышел на площадку.

...Поезд подходил к городу. Пассажиры зашумели, стали брать свои вещи и толпиться у выхода. Мы тоже схватили чемодан и рюкзак и стали пролезать на площадку. Поезд остановился. Мы вылезли из вагона и пошли домой. В чемодане было тихо.

— Смотри, — сказал Мишка, — когда не надо, так он молчит, а когда надо было молчать, он всю дорогу скулил.

— Надо посмотреть — может, он там задохнулся? — говорю я.

Мишка поставил чемодан на землю, открыл его... и мы остолбенели: Дружка в чемодане не было! Вместо него лежали какие-то книжки, тетради, полотенце, мыло, очки в роговой оправе, вязальные спицы.

— Что это? — говорит Мишка. — Куда же Дружок делся? Тут я понял, в чём дело.

— Стой! — говорю. — Да это ведь не наш чемодан!

Мишка посмотрел и говорит:

— Верно! В нашем чемодане были дырки просверлены, и, потом, наш был коричневый, а этот рыжий какой-то. Ах я разиня! Схватил чужой чемодан!

— Бежим скорей обратно, может быть, наш чемодан так и стоит под лавкой, — сказал я.

Прибежали мы на вокзал. Поезд ещё не ушёл. А мы забыли, в каком вагоне ехали. Стали бегать по всем вагонам и заглядывать под лавки. Обыскали весь поезд. Я говорю:

— Наверно, его забрал кто-нибудь.

— Давай ещё раз пройдем по вагонам, — говорит Мишка.

Мы ещё раз обыскали все вагоны. Ничего не нашли. Стоим с чужим чемоданом и не знаем, что делать. Тут пришёл проводник и прогнал нас.

— Нечего, — говорит, — по вагонам шнырять!

Пошли мы домой. Я зашёл к Мишке, чтобы выгрузить из рюкзака его вещи. Мишкина мама увидела, что он чуть не плачет, и спрашивает:

— Что с тобой?

— Дружок пропал!

— Какой дружок?

— Ну, щенок. Не получала письма разве?

— Нет, не получала.

— Ну вот! А я писал.

Мишка стал рассказывать, какой хороший был Дружок, как мы его везли и как он потерялся. Под конец Мишка заплакался, а я ушёл домой и не знаю, что было дальше.

* * *

На другой день Мишка приходит ко мне и говорит:

— Знаешь, теперь выходит — я вор!

— Почему?

— Ну, я ведь чужой чемодан взял.

— Ты ведь по ошибке.

— Вор тоже может сказать, что он по ошибке.

— Тебе ведь никто не говорит, что ты вор.

— Не говорит, а всё-таки совестно. Может быть, тому человеку этот чемодан нужен. Я должен вернуть.

— Да как же ты найдёшь этого человека?

— А я напишу записки, что нашёл чемодан, и расклею по всему городу. Хозяин увидит записку и придёт за своим чемоданом.

— Правильно! — говорю я.

— Давай записки писать.

Нарезали мы бумаги и стали писать:

«Мы нашли чемодан в вагоне. Получить у Миши Козлова. Песчаная улица, № 8, кв. 3».

Написали штук двадцать таких записок. Я говорю:

— Давай напишем ещё записки, чтоб нам вернули Дружка. Может быть, наш чемодан тоже кто-нибудь по ошибке взял.

— Наверно, его тот гражданин взял, который с нами в поезде ехал, — сказал Мишка.

Нарезали мы ещё бумаги и стали писать:

«Кто нашёл в чемодане щенка, очень просим вернуть Мише Козлову или написать по адресу: Песчаная улица, № 8, кв. 3».

Написали и этих записок штук двадцать и пошли их по городу расклеивать. Клеили на всех углах, на фонарных

столбах... Только записок оказалось мало. Мы вернулись домой и стали ещё записки писать. Писали, писали — вдруг звонок. Мишка побежал открывать. Вошла незнакомая тётя.

— Вам кого? — спрашивает Мишка.

— Мишу Козлова.

Мишка удивился: откуда она его знает?

— А зачем?

— Я, — говорит, — чемодан потеряла.

— А! — обрадовался Мишка. — Идите сюда. Вот он, ваш чемодан.

Тётя посмотрела и говорит:

— Это не мой.

— Как — не ваш? — удивился Мишка.

— Мой был побольше, чёрный, а этот рыжий.

— Ну, тогда вашего у нас нет, — говорит Мишка. — Мы другого не находили. Вот когда найдём, тогда пожалуйста.

Тётя засмеялась и говорит:

— Вы неправильно делаете, ребята. Чемодан надо спрятать и никому не показывать, а если придут за ним, то вы сначала спросите, какой был чемодан и что в нём лежало. Если вам ответят правильно, тогда отдавайте чемодан. А так ведь вам кто-нибудь скажет: «Мой чемодан», и заберёт, а это и не его вовсе. Всякие люди бывают!

— Верно! — говорит Мишка. — А мы и не сообразили!

Тётя ушла.

— Вот видишь, — говорит Мишка, — сразу подействовало! Не успели мы записки наклеить, а люди уже приходят. Ничего, может быть, и Дружок найдётся!

Мы спрятали чемодан под кровать, но в этот день к нам больше никто не пришёл. Зато на другой день у нас перебивало много народу. Мы с Мишкой даже удивлялись, как много людей теряют свои чемоданы и разные другие вещи. Один гражданин забыл чемодан в трамвае и тоже пришёл к нам, другой забыл в автобусе ящик с гвоздями, у третьего в прошлом году пропал сундук — все шли к нам, как будто у нас было бюро находок. С каждым днём приходило всё больше и больше народу.

— Удивляюсь! — говорил Мишка. — Приходят только те,

у которых пропал чемодан или хотя бы сундук, а те, которые нашли чемодан, преспокойно сидят дома.

— А чего им беспокоиться? Кто потерял, тот ищет, а кто нашёл, чего ему ещё ходить?

— Могли бы хоть письмо написать, — говорит Мишка. — Мы бы сами пришли.

* * *

Один раз мы с Мишкой сидели дома. Вдруг кто-то постучал в дверь. Мишка побежал отворять. Оказалось, почтальон. Мишка радостный вбежал в комнату с письмом в руках.

— Может быть, это про нашего Дружка! — сказал он и стал разбирать на конверте адрес, который был написан неразборчивыми каракулями.

Весь конверт был усеян штемпелями и наклейками с надписями.

— Это не нам письмо, — сказал наконец Мишка. — Это маме. Какой-то шибко грамотный человек писал. В одном слове две ошибки сделал: вместо «Песчаная» улица написал «Печная». Видно, письмо долго по городу ходило, пока куда надо дошло... Мама! — закричал Мишка. — Тебе письмо от какого-то грамотея!

— Что это за грамотей?

— А вот почитай письмо.

Мама разорвала конверт и стала читать вполголоса:

— «Милая мамочка! Разреши мне держать щеночка маленького. Он очень красивый, весь рыжий, а ухо чёрное, и я его очень люблю...» Что это? — говорит мама. — Это ведь ты писал!

Я засмеялся и посмотрел на Мишку. А он покраснел как варёный рак и убежал.

* * *

Мы с Мишкой потеряли надежду отыскать Дружка, но Мишка часто вспоминал о нём:

— Где он теперь? Какой у него хозяин? Может быть, он злой человек и обижает Дружка? А может быть, Дружок так и остался в чемодане и погиб там от голода? Пусть бы мне

не вернули его, а только хоть бы сказали, что он живой и что ему хорошо!

Скоро каникулы кончились, и пришла пора идти в школу. Мы были рады, потому что очень любили учиться и уже соскучились по школе. В этот день мы встали рано-рано, оделись во всё новое и чистое. Я пошёл к Мишке, чтоб разбудить его, и встретился с ним на лестнице. Он как раз шёл ко мне, чтобы разбудить меня.

Мы думали, что в этом году с нами будет заниматься Вера Александровна, которая учила нас в прошлом году, но оказалось, что у нас теперь будет совсем новая учительница, Надежда Викторовна, так как Вера Александровна перешла в другую школу. Надежда Викторовна дала нам расписание уроков, сказала, какие учебники будут нужны, и стала вызывать нас всех по журналу, чтоб познакомиться с нами. А потом спросила:

— Ребята, вы учили в прошлом году стихотворение Пушкина «Зима»?

— Учили! — загудели все хором.

— Кто помнит это стихотворение?

Все ребята молчали. Я шепчу Мишке:

— Ты ведь помнишь?

— Помню.

— Так поднимай руку!

Мишка поднял руку.

— Ну, выходи на середину и читай, — сказала учительница.

Мишка подошёл к столу и начал читать с выражением:

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь...

Он читал всё дальше и дальше, а учительница сначала смотрела на него пристально, потом наморщила лоб, будто вспоминала что-то, потом вдруг протянула к Мишке руку и говорит:

— Постой, постой! Я вспомнила: ты ведь тот мальчик, который ехал в поезде и всю дорогу читал стихи? Верно?

Нам открыла дверь Леночка.

Мишка сконфузился и говорит:

— Верно.

— Ну, садись, а после уроков зайдёшь ко мне в учительскую.

— А стихи не надо кончать? — спросил Мишка.

— Не надо. Я и так вижу, что ты знаешь.

Мишка сел и принялся толкать меня под партой ногой:

— Это она! Та тётя, которая с нами в поезде ехала. Ещё с нею была девчонка Леночка и дяденька, который сердился. Дядя Федя, помнишь?

— Помню, — говорю. — Я её тоже узнал, как только ты стихи стал читать.

— Ну, что теперь будет? — беспокоился Мишка. — Зачем она меня в учительскую вызвала? Наверно, достанется нам за то, что мы тогда шумели в поезде!

Мы с Мишкой так волновались, что не заметили даже, как занятия кончились. Последними вышли из класса, и Мишка пошёл в учительскую. Я остался ждать его в коридоре. Наконец он оттуда вышел.

— Ну, что тебе учительница сказала? — спрашиваю я.

— Оказывается, мы её чемодан взяли, то есть не её, а того дяденьки. Но это всё равно. Она спросила, не взяли ли мы по ошибке чужой чемодан. Я сказал, что взяли. Она стала расспрашивать, что в этом чемодане было, и узнала, что это их чемодан. Она велела сегодня же принести ей чемодан и дала адрес.

Мишка показал мне бумажку, на которой был записан адрес. Мы поскорей пошли домой, взяли чемодан и отправились по адресу.

Нам открыла дверь Леночка, которую мы видели в поезде.

— Вам кого? — спросила она.

А мы забыли, как звать учительницу.

— Пойдите, — говорит Мишка. — Вот тут на бумажке записано... Надежду Викторовну.

Леночка говорит:

— Вы, наверно, чемодан принесли?

— Принесли.

— Ну, заходите.

Дружок сидел на руках у Мишки.

Она привела нас в комнату и закричала:

— Тётя Надя! Дядя Федя! Мальчики чемодан принесли!

Надежда Викторовна и дядя Федя вошли в комнату. Дядя Федя открыл чемодан, увидел свои очки и сразу надел их на нос.

— Вот они, мои любимые старые очки! — обрадовался он. — Как хорошо, что они нашлись! А то я к новым очкам никак не могу привыкнуть.

Мишка говорит:

— Мы ничего не трогали. Всё ждали, когда хозяин отыщется. Мы даже везде объявления наклеили, что нашли чемодан.

— Ну вот! — сказал дядя Федя. — А я никогда не читаю объявлений на стенах. Ну ничего, в следующий раз буду умнее — всегда буду читать.

Леночка куда-то ушла, а потом вернулась в комнату, а за ней бежал щенок. Он был весь рыжий, только одно ухо у него было чёрное.

— Смотри! — прошептал Мишка.

Щенок насторожился, приподнял своё ухо и поглядел на нас.

— Дружок! — закричали мы.

Дружок завизжал от радости, кинулся к нам, принялся прыгать и лаять. Мишка схватил его на руки:

— Дружок! Верный мой пёс! Значит, ты не забыл нас?

Дружок лизал ему щёки, а Мишка целовал его прямо в морду. Леночка смеялась, хлопала в ладоши и кричала:

— Мы его в чемодане с поезда принесли! Мы по ошибке ваш чемодан взяли. Это всё дядечка Федечка виноват!

— Да, — сказал дядя Федя, — это моя вина. Я первый взял ваш чемодан, а потом уж вы мой взяли.

Они отдали нам чемодан, в котором Дружок ехал в поезде. Леночка, видно, очень не хотела расставаться с Дружком. На глазах у неё даже слёзы были. Мишка сказал, что на следующий год у Дианки снова будут щенки, тогда мы выберем самого красивого и привезём ей.

— Обязательно привезите, — сказала Леночка.

Мы попрощались и вышли на улицу. Дружок сидел на ру-

ках у Мишки, вертел во все стороны головой, и глаза у него были такие, будто он всему удивлялся. Наверно, Леночка всё время держала его дома и ничего ему не показывала.

Когда мы подошли к дому, у нас на крыльце сидели две тётки и дядька. Они, оказывается, нас ждали.

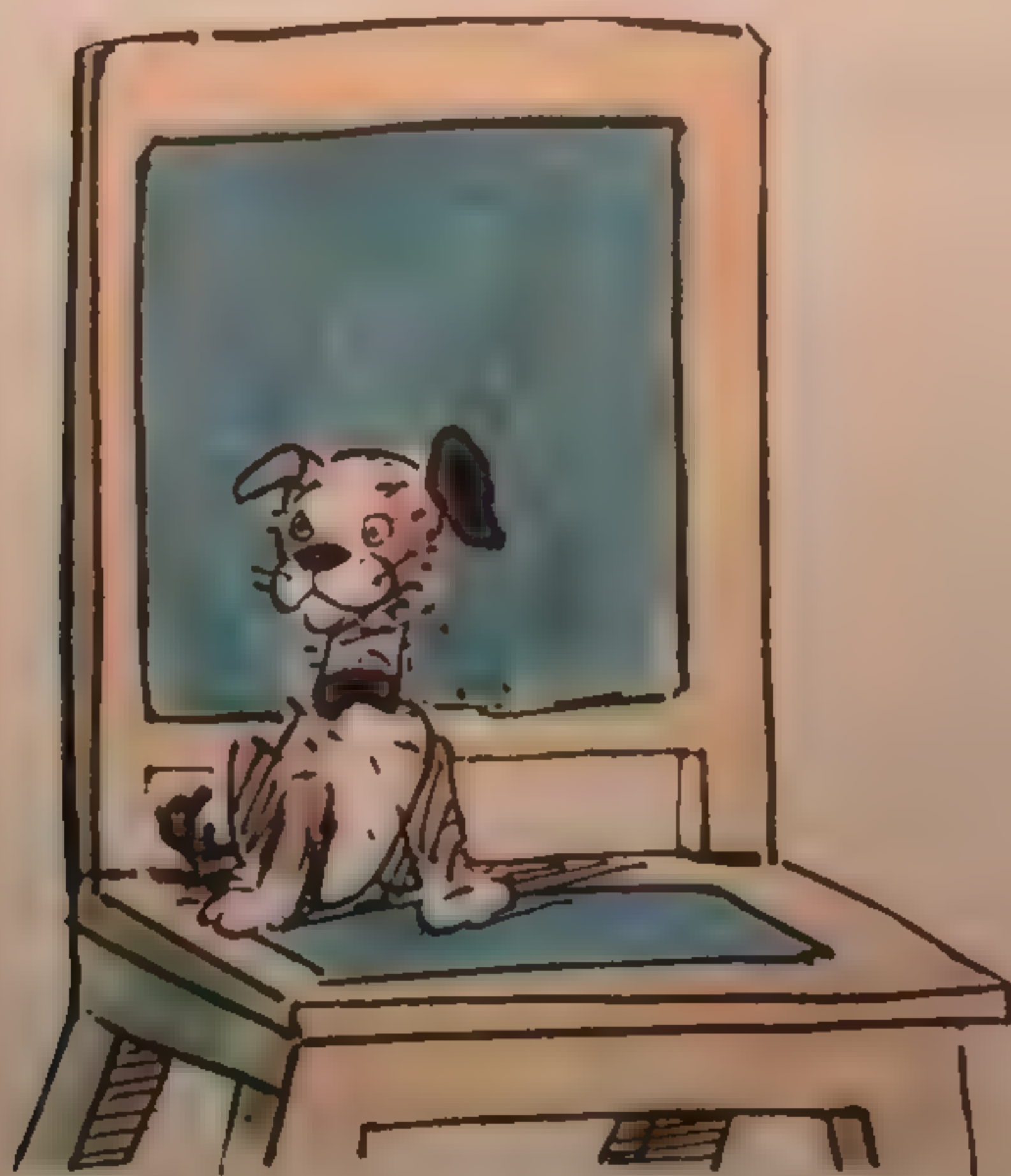
— Вы, наверно, за чемоданом пришли? — спросили мы их.

— Да, — сказали они. — Это вы те ребята, которые чемодан нашли?

— Да, это мы, — говорим мы. — Только никакого чемодана у нас теперь нет. Уже нашёлся хозяин, и мы отдали.

— Так вы бы поснимали свои записки, а то только людей смущаете. Приходится из-за вас даром время терять!

Они поворчали и разошлись. А мы с Мишкой в тот же день обошли все места, где наклеили записки, и ободряли их.

ТЕЛЕФОН

Один раз мы с Мишкой были в игрушечном магазине и увидели замечательную игрушку — телефон. В большой деревянной коробке лежали два телефонных аппарата, две трубки, в которые говорить и слушать, и целая катушка проволоки. Продавщица объяснила нам, что если один телефон поставить в одной квартире, а другой — у соседей и соединить оба аппарата проволокой, то можно переговариваться.

— Вот нам бы купить! Мы как раз соседи, — сказал Мишка. — Хорошая штука! Это не какая-нибудь простая игрушка, которую поломаешь и выбросишь. Это полезная вещь!

— Да, — говорю я, — очень полезная штука! Захотел поговорить, взял трубку — поговорил, и ходить никуда не надо.

— Удобство! — восторгался Мишка. — Сидишь дома и разговариваешь. Замечательно!

Мы с Мишкой решили собирать деньги, чтобы купить телефон. Две недели подряд мы не ели мороженого, не ходили в кино — всё деньги копили. Наконец насобирали сколько было нужно и купили телефон.

Примчались из магазина домой с коробкой. Один телефон у меня поставили, другой — у Мишки и от моего телефона протянули проволоку через форточку вниз, прямо к Мишкиному телефону.

— Ну, — говорит Мишка, — попробуем разговаривать. Беги наверх и слушай.

Я помчался к себе, взял трубку и слушаю, а трубка уже кричит Мишкиным голосом:

— Алло! Алло!

Я тоже как закричу:

— Алло!

— Слышно что-нибудь? — кричит Мишка.

— Слышно. А тебе слышно?

— Слышно. Вот здорово! Тебе хорошо слышно?

— Хорошо. А тебе?

— И мне хорошо! Ха-ха-ха! Слышно, как я смеюсь?

— Слышно. Ха-ха-ха! А тебе слышно?

— Слышно. Послушай, сейчас я к тебе приду.

Мишка прибежал ко мне, и мы принялись обниматься от радости:

— Хорошо, что купили телефон! Правда? — говорит Мишка.

— Конечно, — говорю, — хорошо.

— Слушай, сейчас я пойду обратно и позвоню тебе.

Он убежал и позвонил снова.

Я взял трубку:

— Алло!

— Алло!

— Слышно?

— Слышно.

- Хорошо?
- Хорошо.
- И у меня хорошо. Давай разговаривать.
- Давай, — говорю. — А о чём разговаривать?
- Ну, о чём... О чём-нибудь... Хорошо, что мы купили телефон, правда?
- Правда.
- Вот если бы не купили, было бы плохо. Правда?
- Правда.
- Ну?
- Что «ну»?
- Чего же ты не разговариваешь?
- А ты почему не разговариваешь?
- Да я не знаю, о чём разговаривать, — говорит Мишка. — Это всегда так бывает: когда надо разговаривать, так не знаешь, о чём разговаривать, а когда не надо разговаривать, так разговариваешь и разговариваешь...
- Я говорю:
- Давай вот что: подумаем, а когда придумаем, тогда позвоним.
- Ладно.
- Я повесил трубку и стал думать. Вдруг звонок. Я взял трубку.
- Ну, придумал? — спрашивает Мишка.
- Нет ещё, не придумал.
- Я тоже ещё не придумал.
- Зачем же ты звонишь, раз не придумал?
- А я думал, что ты придумал.
- Я сам тогда позвонил бы.
- А я думал, что ты не догадаешься.
- Что ж я, по-твоему, осёл?
- Нет, какой же ты осёл! Ты совсем не осёл! Разве я говорю, что ты осёл!
- А что ты говоришь?
- Ничего. Говорю, что ты не осёл.
- Ну ладно, довольно тебе про осла твердить! Давай лучше уроки учить.
- Давай.

Я повесил трубку и сел за уроки. Вдруг Мишка снова звонит:

— Слушай, сейчас я буду петь и на рояле играть по телефону.

— Ну, пой, — говорю.

Послышалось какое-то шипение, потом забренчала музыка, и вдруг Мишка запел не своим голосом:

Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни-и-и?

«Что это? — думаю. — Где он так петь выучился?»

Вдруг Мишка сам является. Рот до ушей.

— Ты думал, это я пою. Это патефон по телефону поёт! Дай-ка, я послушаю.

Я дал ему трубку. Он слушал, слушал, потом как бросит трубку — и бегом вниз. Я взял трубку, а там «Пш-ш-ш! Пш-ш-ш! Др-р-р! Др-р-р!» Наверно, пластинка кончилась. Я снова сел за уроки. Опять звонок. Я взял трубку:

— Алло!

А из трубки:

— Ав! Ав! Ав!

— Ты чего, — говорю, — по-собачьи лаешь?

— Это не я. Это с тобой Дружок разговаривает. Слышишь, как он кусает трубку зубами?

— Слышу.

— Это я ему в морду тыкаю трубкой, а он её зубами грызёт.

— Ты бы лучше не портил трубку.

— Ничего, она железная... Ай! Пошёл вон! Я тебе покажу, как кусаться! Вот тебе! (Ав! Ав! Ав!) Кусается, понимаешь?

— Понимаю, — говорю.

Снова сел за уроки. Через минуту звонок. Я взял трубку, а там что-то жужжит:

«Жжу-у-у-у!»

— Алло, — кричу я.

«Жуу-у! Жжу-у!»

— Чем это ты там жужжишь?

— Мухой.

— Какой мухой?

— Ну, простой мухой. Я её держу перед трубкой, а она крылышками машет и жужжит.

Целый вечер мы с Мишкой звонили друг другу и выдумывали разные фокусы: пели, кричали, рычали, мычали, даже шёпотом разговаривали — всё было слышно. Уроки я кончил поздно и думаю:

«Позвоню ещё раз Мишке, перед тем как лечь спать».

Позвонил, а он не отвечает. «Что же это? — думаю. — Неужели телефон испортился?»

Позвонил ещё раз — опять нет ответа! Думаю:

«Надо пойти узнать, в чём дело».

Прибегаю к нему... Батюшки! Он телефон положил на стол и ломает. Батарейку из аппарата вытащил, звонок разобрал и уже трубку развинчивает.

— Стой! — говорю. — Ты зачем телефон ломаешь?

— Да я не ломаю. Я только хочу посмотреть, как он устроен. Разберу, а потом соберу обратно.

— Так разве ты соберёшь? Это понимать надо.

— Ну я и понимаю. Чего тут ещё не понимать!

Он развинтил трубку, вынул из неё какие-то железки и стал отковыривать круглую пластинку, которая внутри была. Пластинка вывалилась, и из трубки посыпался чёрный порошок. Мишка испугался и стал собирать порошок обратно в трубку.

— Ну, вот видишь, — говорю, — что ты наделал!

— Ничего, — говорит, — я сейчас соберу всё, как было.

И стал собирать. Возился, возился... Винтики маленькие, завинчивать трудно. Наконец собрал трубку, только железка у него одна осталась и два винтика лишних.

— А это откуда — железка? — спрашиваю.

— Ах я разиня! — говорит Мишка. — Забыл! Её надо было там внутри привинтить. Придётся снова разбирать трубку.

— Ну, — говорю, — я пойду домой, а ты, как только будет готово, позвони мне.

Пошёл я домой и стал ждать. Ждал, ждал, так ничего не дождался и спать лёг.

— Ты чего, — говорю, — по-собачьи лаешь?

Наутро телефон как зазвонит! Я вскочил не одетый, схватил трубку и кричу:

— Слушаю!

А из трубки в ответ:

— Ты чего хрюкаешь?

— Как это — хрюкаю? Я не хрюкаю, — говорю я.

— Брось хрюкать! Говори по-человечески! — кричит Мишка.

— Я и говорю по-человечески. Зачем хрюкать?

— Ну, довольно тебе баловаться! Всё равно я не поверю, что ты поросёнка в комнату притащил.

— Да говорят же тебе, что никакого поросёнка нет! — рассердился я.

Мишка замолчал. Через минуту приходит ко мне:

— Ты чего хрюкал по телефону?

— Я не хрюкал.

— Я ведь слышал.

— Да зачем же мне хрюкать?

— Не знаю, — говорит. — Только у меня в трубке всё «хрю-хрю» да «хрю-хрю». Вот пойдёшь, если не веришь, послушай.

Я пошёл к нему и позвонил по телефону:

— Алло!

Сначала ничего не было слышно, а потом потихоньку так:

«Хрюк! Хрюк! Хрюк!»

Я говорю:

— Хрюкает.

А в ответ снова:

«Хрюк! Хрюк! Хрюк!»

— Хрюкает! — кричу я.

А из трубки опять:

«Хрюк! Хрюк! Хрюк! Хрюк!»

Тут я понял, в чём дело, и побежал к Мишке.

— Это ты, — говорю, — телефон испортил!

— Почему?

— Ты разбирал его, вот и испортил у себя в трубке что-то.

— Наверно, я что-нибудь неправильно собрал, — говорит Мишка. — Надо исправить.

— Как же теперь исправишь?

— А я посмотрю, как твой телефон устроен, и свой сделаю так же.

— Не дам я свой телефон разбирать!

— Да ты не бойся! Я осторожно. Надо же починить!

И стал чинить. Возился, возился — и починил так, что совсем ничего не стало слышно. Даже хрюкать перестало.

— Ну, что теперь делать? — спрашиваю я.

— Знаешь, — говорит Мишка, — пойдём в магазин, может быть, там починят.

Пошли мы в игрушечный магазин, но там телефонов не чинили и даже не знали, где чинят. Целый день мы ходили скучные. Вдруг Мишка придумал:

— Чудаки мы! Ведь мы можем по телеграфу переговариваться!

— Как — по телеграфу?

— Очень просто: точка, тире. Звонок-то ведь действует! Короткий звонок — точка, а длинный — тире. Выучим азбуку Морзе и будем переговариваться!

Достали мы азбуку Морзе и стали учить: «А» — точка, тире; «Б» — тире, три точки; «В» — точка, два тире... Выучили всю азбуку и стали переговариваться. Сначала у нас получалось медленно, а потом мы научились, как настоящие телеграфисты: «трень-трень-трень!» — и всё понятно. Это даже интереснее было, чем простой телефон. Только это продолжалось недолго. Один раз звоню Мишке утром, а он не отвечает. «Ну, — думаю, — спит ещё». Позвонил позже — опять не отвечает. Пошёл к нему и стучу в дверь. Мишка открыл и говорит:

— Ты чего в дверь барабанишь? Не видишь, что ли?

И показывает на двери кнопку.

— Что это? — спрашиваю.

— Кнопка.

— Какая?

— Электрическая. У нас теперь электрический звонок есть, так что можешь звонить.

— Где ты взял?

— Сам сделал.

— Из чего?

— Из телефона.

— Как — из телефона?

— Очень просто. Звонок из телефона выдрал, кнопку — тоже. И батарею из телефона вынул. Была игрушка — стала вещь!

— Какое же ты имел право телефон разбирать? — говорю я.

— Какое право! Я свой телефон разобрал. Твоего ведь не трогал.

— Так телефон-то наш общий! Если бы я знал, что ты станешь ломать, то и не стал бы с тобой покупать! Зачем мне телефон, если разговаривать не с кем!

— А зачем нам разговаривать? Небось недалеко живём, можно и так прийти поговорить.

— Я с тобой и разговаривать после этого не хочу!

Рассердился я на него и три дня с ним не разговаривал. От скуки и я свой телефон разобрал и сделал из него электрический звонок. Только не так, как у Мишки. Я всё аккуратно устроил. Батарею поставил возле двери на полочке, от неё по стене провода протянул к электрическому звонку и кнопке. А кнопку к двери хорошенько винтиками привинтил, чтоб она не болталась на одном гвозде, как у Мишки. Даже папа и мама похвалили меня за то, что я устроил такую полезную вещь в доме.

Я пошёл к Мишке, чтобы рассказать ему, что у меня теперь тоже электрический звонок есть.

Подхожу к двери, звоню... Нажимал кнопку, нажимал — никто не открывает. «Может быть, звонок испортился?» — думаю. Стал в дверь стучать. Мишка открыл. Я спрашиваю:

— Что же звонок, не действует?

— Не действует.

— Почему?

— Да я батарею разобрал.

— Зачем?

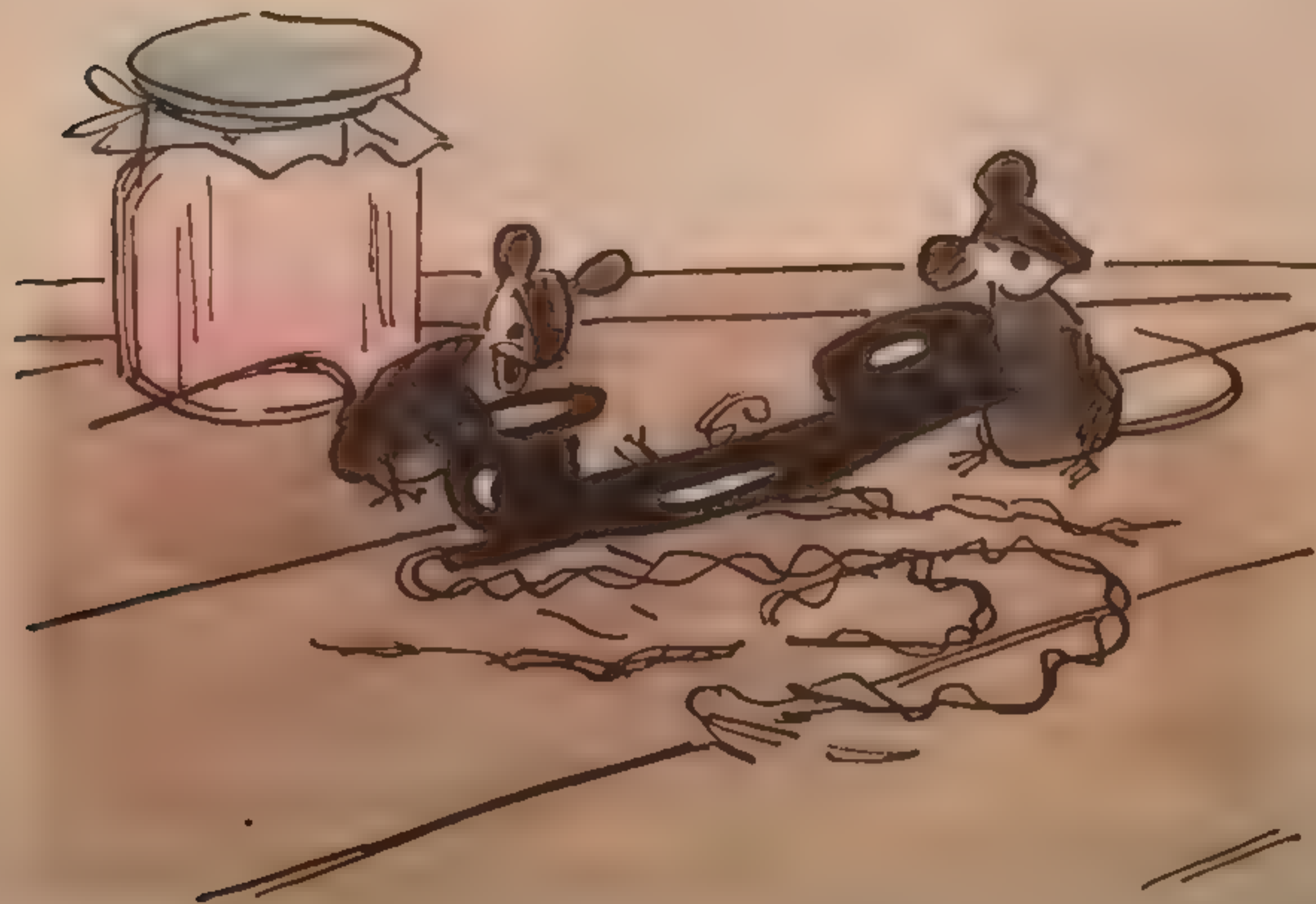
— Ну, я хотел посмотреть, из чего батарея сделана.

— Как же, — говорю, — ты теперь будешь — без телефона и без звонка?

— Ничего, — вздохнул он, — как-нибудь буду!

Пошёл я домой, а сам думаю: «Почему Мишка такой нескладный? Зачем он всё ломает?!» Мне даже жалко стало его.

Вечером я лёг спать и долго не мог заснуть, всё вспоминал: как у нас был телефон и как из него получился электрический звонок. Потом я стал думать об электричестве, как оно получается в батарее и из чего. Все давно уже спали, а я всё думал про это и никак не мог заснуть. Тогда я встал, зажёл лампу, снял с полки батарею и разломал её. В батарее оказалась какая-то жидкость, в которой мокла чёрная палка, завернутая в тряпочку. Я понял, что электричество получалось из этой жидкости. Потом лёг в постель и быстро заснул.

БЕНГАЛЬСКИЕ ОГНИ

Сколько хлопот у нас с Мишкой было перед Новым годом! Мы уже давно готовились к празднику: клеили бумажные цепи на ёлку, вырезали флажки, делали разные ёлочные украшения. Всё было бы хорошо, но тут Мишка достал где-то книгу «Занимательная химия» и вычитал в ней, как самому сделать бенгальские огни.

С этого и началась кутерьма! По целым дням он толк в ступе серу и сахар, делал алюминиевые опилки и поджигал

смесь на пробу. По всему дому шёл дым и воняло удушливыми газами. Соседи сердились, и никаких бенгальских огней не получалось.

Но Мишка не унывал. Он позвал к себе на ёлку даже многих ребят из нашего класса и хвастал, что у него будут бенгальские огни.

— Они знаете какие! — говорил он. — Они сверкают, как серебро, и рассыпаются во все стороны огненными брызгами.

Я говорю Мишке:

— Что же ты наделал? Позвал ребят, а никаких бенгальских огней не будет.

— Почему не будет? Будет! Ещё времени много. Всё успею сделать.

Накануне Нового года он приходит ко мне и говорит:

— Слушай, пора нам за ёлками ехать, а то останемся мы на праздник без ёлок.

— Сегодня уже поздно, — ответил я. — Завтра поедем.

— Так ведь завтра уже украшать ёлку надо.

— Ничего, — говорю я. — Украшать надо вечером, а мы поедем днём, сейчас же после школы.

Мы с Мишкой уже давно решили поехать за ёлками в Горелкино, где мы жили у тёти Наташи на даче. Тёти Наташин муж работал лесничим и ещё летом сказал, чтобы мы приезжали к нему в лес за ёлками. Я даже заранее упросил маму, чтоб она разрешила мне в лес поехать.

На другой день я прихожу к Мишке после обеда, а он сидит и толчёт бенгальские огни в ступе.

— Что ж ты, — говорю, — не мог раньше сделать? Ехать пора, а ты возишься!

— Да я делал и раньше, только, наверно, мало серы клал. Они шипят, дымят, а гореть не горят.

— Ну и брось, всё равно ничего не выйдет.

— Нет, теперь, наверно, выйдет. Надо только побольше серы класть. Дай-ка мне алюминиевую кастрюлю, вон на подоконнике.

— Где же кастрюля? Тут только сковородка, — говорю я.

— Сковородка?.. Эх, ты! Да это и есть бывшая кастрюля. Давай её сюда.

Я передал ему сковородку, и он принялся скоблить её по краям напильником.

— Это у тебя, значит, кастрюля в сковородку превратилась? — спрашиваю я.

— Ну да, — говорит Мишка. — Я её пилил напильником, пилил, вот она и сделалась сковородкой. Ну ничего, сковородка тоже нужна в хозяйстве.

— Что же тебе мама сказала?

— Ничего не сказала. Она ещё не видела.

— А когда увидит?

— Ну что ж... Увидит так увидит. Я, когда вырасту, новую кастрюлю ей куплю.

— Это долго ждать, пока ты вырастешь!

— Ничего.

Мишка наскоблил опилок, высыпал порошок из ступки, налил клею, размешал всё это, так что у него получилось тесто вроде замазки. Из этой замазки он наделал длинных колбасок, навертел их на железные проволоочки и разложил на фанерке сушиться.

— Ну вот, — говорит, — высохнут — и будут готовы, только надо от Дружка спрятать.

— Зачем от него прятать?

— Слопает.

— Как — слопает? Разве собаки бенгальские огни едят?

— Не знаю. Другие, может быть, и не едят, а Дружок ест. Один раз я оставил их сохнуть, захожу — а он их грызёт. Наверно, думал, что это конфеты.

— Ну, спрячь их в печь. Там тепло, и Дружок не достанет.

— В печку тоже нельзя. Один раз я их спрятал в печь, а мама пришла и затопила — они и сгорели. Я их лучше на шкаф положу, — говорит Мишка.

Мишка взобрался на стул и положил фанерку на шкаф.

— Ты ведь знаешь, какой Дружок, — говорит Мишка. — Он всегда мои вещи хватает! Помнишь, он затащил мой левый ботинок, так что мы его нигде найти не могли. Пришлось мне тогда три дня ходить в валенках, пока другие ботинки не купили. На дворе теплынь, а я хожу в валенках, как будто обмороженный! А потом уже, когда купили другие ботинки, мы

По всему дому шел дым и воняло удушливыми газами.

этот ботинок, который один остался, выбросили, потому что кому он нужен — один ботинок! А когда его выбросили, отыскался тот ботинок, который потерялся. Оказалось — его Дружок затащил на кухню под печь. Ну, мы и этот ботинок выбросили, потому что если б первый не выбросили, то и второй бы не выбросили, а раз первый выбросили, то и второй выбросили. Так оба и выбросили.

Я говорю:

— Довольно тебе болтать! Одевайся скорее, ехать надо.

Мишка оделся, мы взяли топор и помчались на вокзал. А тут поезд как раз ушёл, так что пришлось нам дожидаться другого. Ну ничего, дождались, поехали. Ехали, ехали, наконец приехали. Слезли в Горелкине и пошли прямо к лесничему. Он дал нам квитанцию на две ёлки, показал делянку, где разрешалось рубить, и мы пошли в лес. Ёлок кругом много, только Мишке они все не нравились.

— Я такой человек, — хвалился он, — уж если поехал в лес, то срублю самую лучшую ёлку, а то и ездить не стоит.

Забрались мы в самую чащу.

— Надо рубить поскорей, — говорю я. — Скоро и темнеть начнёт.

— Что ж рубить, когда нечего рубить!

— Да вот, — говорю, — хорошая ёлка.

Мишка осмотрел ёлку со всех сторон и говорит:

— Она, конечно, хорошая, только не совсем. По правде сказать, совсем нехорошая: куцая.

— Как это — куцая?

— Верхушка у неё короткая. Мне такой ёлки и даром не надо!

Нашли мы другую ёлку.

— А эта хромая, — говорит Мишка.

— Как — хромая?

— Так, хромая. Видишь, у неё нога внизу закривляется.

— Какая нога?

— Ну, ствол.

— Ствол! Так бы и говорил!

Нашли мы ещё одну ёлку.

— Лысая, — говорит Мишка.

— Сам ты лысый! Как это ёлка может быть лысая?

— Конечно, лысая! Видишь, какая она реденькая, вся просвечивает. Один ствол виден. Просто не ёлка, а палка!

И так всё время: то лысая, то хромая, то ещё какая-нибудь!

— Ну, — говорю, — тебя слушать — до ночи ёлки не срубишь!

Нашёл себе подходящую ёлочку, срубил и отдал топор Мишке:

— Руби поскорей, нам домой ехать пора.

А он словно весь лес взялся обыскать. Уж я и просил его и бранил — ничего не помогало. Наконец он нашёл ёлку по своему вкусу, срубил, и мы пошли обратно на станцию. Шли, шли, а лес всё не кончается.

— Может, мы не в ту сторону идём? — говорит Мишка.

Пошли мы в другую сторону. Шли, шли — всё лес да лес! Тут и темнеть начало. Мы давай сворачивать то в одну сторону, то в другую. Заплутались совсем.

— Вот видишь, — говорю, — что ты наделал!

— Что же я наделал? Я ведь не виноват, что так скоро наступил вечер.

— А сколько ты ёлку выбирал? А дома сколько возился? Вот придётся из-за тебя в лесу ночевать!

— Что ты! — испугался Мишка. — Ведь ребята сегодня придут. Надо искать дорогу.

Скоро стемнело совсем. На небе засверкала луна. Чёрные стволы деревьев стояли, как великаны, вокруг. За каждым деревом нам чудились волки. Мы остановились и боялись идти вперёд.

— Давай кричать! — говорит Мишка.

Тут мы как закричим вместе:

— Ау!

«Ау!» — ответило эхо.

— Ау! Ау-у! — закричали мы снова что было силы.

«Ау! Ау-у!» — повторило эхо.

— Может быть, нам лучше не кричать? — говорит Мишка.

— Почему?

— Ещё волки услышат и прибегут.

— Тут, наверно, никаких волков нет.

— А вдруг есть! Лучше пойдём скорее.

Я говорю:

— Давай прямо идти, а то мы никак на дорогу не выберемся.

Пошли мы снова. Мишка всё оглядывался и спрашивал:

— А что делать, когда нападают волки, если ружья нет?

— Бросать в них горящие головешки, — говорю я.

— А где их брать, эти головешки?

— Развести костёр — вот тебе и головешки.

— А у тебя есть спички?

— Нету.

— А они на дерево могут влезть?

— Кто?

— Да волки.

— Волки? Нет, не могут.

— Тогда, если на нас нападут волки, мы залезем на дерево и будем сидеть до утра.

— Что ты! Разве просидишь на дереве до утра!

— Почему не просидишь?

— Замёрзнешь и свалишься.

— Почему замёрзнешь? Нам ведь не холодно.

— Нам не холодно, потому что мы двигаемся, а попробуй посиди на дереве без движения — сразу замёрзнешь.

— А зачем сидеть без движения? — говорит Мишка. — Можно сидеть и ногами дрыгать.

— Это устанешь — целую ночь на дереве ногами дрыгать!

Мы продирались сквозь густые кустарники, спотыкались о пни, тонули по колено в снегу. Идти становилось трудней и трудней.

Мы очень устали.

— Давай бросим ёлки! — говорю я.

— Жалко, — говорит Мишка. — Ко мне ребята сегодня придут. Как же я без ёлки буду?

— Тут нам бы самим, — говорю, — выбраться! Чего ещё о ёлках думать!

— Постой, — говорит Мишка. — Надо одному вперёд идти и протапывать дорогу, тогда другому будет легче. Будем меняться по очереди.

За каждым деревом нам чудились волки.

Мы остановились, передохнули. Потом Мишка впереди пошёл, а я за ним следом. Шли, шли... Я остановился, чтоб переложить ёлку на другое плечо. Хотел идти дальше, смотрю — нет Мишки! Исчез, словно провалился под землю вместе со своей ёлкой.

Я кричу:

— Мишка!

А он не отвечает.

— Мишка! Эй! Куда же ты делся?

Нет ответа.

Я пошёл осторожно вперёд, смотрю — а там обрыв! Я чуть не свалился с обрыва. Вижу — внизу шевелится что-то тёмное.

— Эй! Это ты, Мишка?

— Я! Я, кажется, с горы скатился!

— Почему же ты не отвечаешь? Я тут кричу, кричу...

— Ответишь тут, когда я ногу ушиб!

Я спустился к нему, а там дорога. Мишка сидит посреди дороги и коленку руками трёт.

— Что с тобой?

— Коленку ушиб. Нога, понимаешь, подвернулась.

— Больно?

— Больно! Я посижу.

— Ну, давай посидим, — говорю я.

Уселись мы с ним на снегу. Сидели, сидели, пока нас не пробрал холод.

Я говорю:

— Тут и замёрзнуть можно! Может быть, пойдём по дороге? Она нас куда-нибудь выведет: или на станцию, или к лесничему, или в деревню какую-нибудь. Не замерзать же в лесу!

Мишка хотел встать, но тут же заохал и опять сел.

— Не могу, — говорит.

— Что же теперь делать? Давай я понесу тебя на закорках, — говорю я.

— Да разве ты донесёшь?

— Давай попробую.

Мишка поднялся и начал взбираться ко мне на спину. Кряхтел, кряхтел, насилиу залез. Тяжёлый! Я согнулся в три погибели.

— Ну, неси! — говорит Мишка.

Только прошёл я несколько шагов, поскользнулся — и бух в снег.

— Ай! — заорал Мишка. — У меня нога болит, а ты меня в снег кидаешь!

— Я же не нарочно!

— Не брался бы, если не можешь!

— Горе мне с тобой! — говорю я. — То ты с бенгальскими огнями возился, то ёлку до самой темноты выбирал, а теперь вот зашибся... Пропадёшь тут с тобой!

— Можешь не пропадать!..

— Как же не пропадать?

— Иди один. Это всё я виноват. Я уговорил тебя за ёлками ехать.

— Что же, я тебя бросить должен?

— Ну и что ж? Я и один дойду. Посижу, нога пройдёт — я и пойду.

— Да ну тебя! Никуда я без тебя не пойду. Вместе приехали, вместе и вернуться должны. Надо придумать что-нибудь.

— Что же ты придумаешь?

— Может быть, санки сделать? У нас топор есть.

— Как же ты из топора санки сделаешь?

— Да не из топора, голова! Срубить дерево, а из дерева — санки.

— Всё равно гвоздей нет.

— Надо подумать, — говорю я.

И стал думать. А Мишка всё на снегу сидит. Я подтащил к нему ёлку и говорю:

— Ты лучше на ёлку сядь, а то простудишься.

Он уселся на ёлку. Тут мне пришла в голову мысль.

— Мишка, — говорю я, — а что, если тебя повезти на ёлке?

— Как — на ёлке?

— А вот так: ты сиди, а я буду за ствол тащить. Ну-ка, держись!

Я схватил ёлку за ствол и потащил. Вот как ловко придумал! Снег на дороге твёрдый, укатанный, ёлка по нему легко идёт, а Мишка на ней — как на санках!

— Замечательно! — говорю я. — На-ка, держи топор.

Отдал ему топор. Мишка уселся поудобнее, и я повёз его по дороге. Скоро мы выбрались на опушку леса и сразу увидели огоньки.

— Мишка! — говорю. — Станция!

Издали уже слышался шум поезда.

— Скорей! — говорит Мишка. — Опоздаем на поезд!

Я припустился изо всех сил. Мишка кричит:

— Ещё поднажми! Опоздаем!

Поезд уже подъезжал к станции. Тут и мы подоспели. Подбегаем к вагону. Я посадил Мишку. Поезд тронулся, я вскочил на подножку и ёлку за собой втащил. Пассажиры в вагоне стали бранить нас за то, что ёлка колючая.

Кто-то спросил:

— Где вы взяли такую ободранную ёлку?

Мы стали рассказывать, что с нами в лесу случилось. Тогда все стали жалеть нас. Одна тётенька усадила Мишку на скамейку, сняла с него валенок и осмотрела ногу.

— Ничего страшного нет, — сказала она. — Просто ушиб.

— А я думал, что ногу сломал, так она у меня болела, — говорит Мишка.

Кто-то сказал:

— Ничего, до свадьбы заживёт!

Все засмеялись. Одна тётенька дала нам по пирогу, а другая — конфет. Мы обрадовались, потому что очень проголодались.

— Что же мы теперь будем делать? — говорю я. — У нас на двоих одна ёлка.

— Отдай её на сегодня мне, — говорит Мишка, — и дело с концом.

— Как это — с концом? Я её тащил через весь лес да ещё тебя на ней вёз, а теперь сам без ёлки останусь?

— Так ты мне её только на сегодня дай, а завтра я тебе возвращу обратно.

— Хорошенькое, — говорю, — дело! У всех ребят праздник, а у меня даже ёлки не будет!

— Ну ты пойми, — говорит Мишка, — ко мне ребята сегодня придут! Что я буду без ёлки делать?

Я схватил ёлку за ствол и потащил.

— Ну, покажешь им свои бенгальские огни. Что, ребята ёлки не видели?

— Так бенгальские огни, наверно, не будут гореть. Я их уже двадцать раз делал — ничего не получается. Один дым, да и только!

— А может быть, получится?

— Нет, я и вспоминать про это не буду. Может, ребята уже забыли.

— Ну нет, не забыли! Не надо было заранее хвастаться.

— Если б у меня ёлка была, — говорит Мишка, — я бы про бенгальские огни что-нибудь сочинил и как-нибудь выкрутился, а теперь просто не знаю, что делать.

— Нет, — говорю, — не могу я тебе ёлку отдать. У меня ещё ни в одном году так не было, чтоб ёлки не было.

— Ну будь другом, выручи! Ты меня уже не раз выручал!

— Что же, я тебя всегда выручать должен?

— Ну, в последний раз! Я тебе что хочешь за это дам. Возьми мои лыжи, коньки, волшебный фонарь, альбом с марками. Ты ведь сам знаешь, что у меня есть. Выбирай что угодно.

— Хорошо, — сказал я. — Если так, отдай мне своего Дружка.

Мишка задумался. Он отвернулся и долго молчал. Потом посмотрел на меня — глаза у него были печальные — и сказал:

— Нет, Дружка я не могу отдать.

— Ну вот! Говорил «что угодно», а теперь...

— Я забыл про Дружка... Я, когда говорил, думал про вещи. А Дружок ведь не вещь, он живой.

— Ну и что ж? Простая собака! Если б он хоть породистый был.

— Он же не виноват, что он не породистый! Всё равно он любит меня. Когда меня нет дома, он думает обо мне, а когда я прихожу, радуется и машет хвостом... Нет, пусть будет что будет! Пусть ребята смеются надо мной, а с Дружком я не расстанусь, даже если бы ты мне дал целую гору золота!

— Ну ладно, — говорю я, — бери тогда ёлку даром.

— Зачем даром? Раз я обещал любую вещь, так и бери лю-

бую вещь. Хочешь, я тебе дам волшебный фонарь со всеми картинками? Ты ведь очень хотел, чтоб у тебя был волшебный фонарь.

— Нет, не надо мне волшебного фонаря. Бери так.

— Ты ведь столько трудился из-за ёлки — зачем отдавать даром?

— Ну и пусть! Мне ничего не надо.

— Ну, и мне даром не надо, — говорит Мишка.

— Так это ведь не совсем даром, — говорю я. — Просто так, ради дружбы. Дружба ведь дороже волшебного фонаря! Пусть это будет наша общая ёлка.

Пока мы разговаривали, поезд подошёл к станции. Мы и не заметили, как доехали. У Мишки нога совсем перестала болеть. Он только немного прихрамывал, когда мы сошли с поезда.

Я сначала забежал домой, чтоб мама не беспокоилась, а потом помчался к Мишке — украшать нашу общую ёлку.

Ёлка уже стояла посреди комнаты, и Мишка заклеивал ободренные места зелёной бумагой. Мы ещё не кончили украшать ёлку, как стали собираться ребята.

— Что же ты, позвал на ёлку, а сам даже не украсил её! — обиделись они.

Мы стали рассказывать про наши приключения, а Мишка даже приврал, будто на нас напали в лесу волки и мы от них спрятались на дерево. Ребята не поверили и стали смеяться над нами. Мишка сначала уверял их, а потом махнул рукой и сам стал смеяться. Мишкины мама и папа пошли встречать Новый год к соседям, а для нас мама приготовила большой круглый пирог с вареньем и других разных вкусных вещей, чтоб мы тоже могли хорошо встретить Новый год.

Мы остались одни в комнате. Ребята никого не стеснялись и чуть ли не на головах ходили. Никогда я не слыхал такого шума! А Мишка шумел больше всех. Ну, я-то понимал, почему он так разошёлся. Он старался, чтоб кто-нибудь из ребят не вспомнил про бенгальские огни, и выдумывал всё новые и новые фокусы.

Потом мы зажгли на ёлке разноцветные электрические лампочки, и тут вдруг часы начали бить двенадцать часов.

— Ура! — закричал Мишка. — С Новым годом!

— Ура! — подхватили ребята. — С Новым годом! Ур-а-а!

Мишка уже считал, что всё кончилось благополучно, и закричал:

— А теперь садитесь за стол, ребята, будет чай с пирогом!

— А бенгальские огни где же? — закричал кто-то.

— Бенгальские огни? — растерялся Мишка. — Они ещё не готовы.

— Что же ты, позвал на ёлку, говорил, что бенгальские огни будут... Это обман!

— Честное слово, ребята, никакого обмана нет! Бенгальские огни есть, только они ещё сырые...

— Ну-ка, покажи. Может быть, они уже высохли. А может, никаких бенгальских огней нету?

Мишка нехотя полез на шкаф и чуть не свалился оттуда вместе с колбасками. Они уже высохли и превратились в твёрдые палочки.

— Ну вот! — закричали ребята. — Совсем сухие! Что ты обманываешь!

— Это только так кажется, — оправдывался Мишка. — Им ещё долго сохнуть надо. Они не будут гореть.

— А вот мы сейчас посмотрим! — закричали ребята.

Они расхватили все палочки, загнули проволоочки крючками и развесили их на ёлке.

— Пойдите, ребята, — кричал Мишка, — надо проверить сначала!

Но его никто не слушал.

Ребята взяли спички и подожгли все бенгальские огни сразу.

Тут раздалось шипение, будто вся комната наполнилась змеями. Ребята шарахнулись в стороны. Вдруг бенгальские огни вспыхнули, засверкали и рассыпались кругом огненными брызгами. Это был фейерверк! Нет, какой там фейерверк — северное сияние! Извержение вулкана! Вся ёлка сияла и сыпала вокруг серебром. Мы стояли как зачарованные и смотрели во все глаза.

Наконец огни догорели, и вся комната наполнилась каким-то едким, удушливым дымом. Ребята стали чихать, кашлять,

тереть руками глаза. Мы все гурьбой бросились в коридор, но дым из комнаты повалил за нами. Тогда ребята стали хватать свои пальто и шапки и начали расходиться.

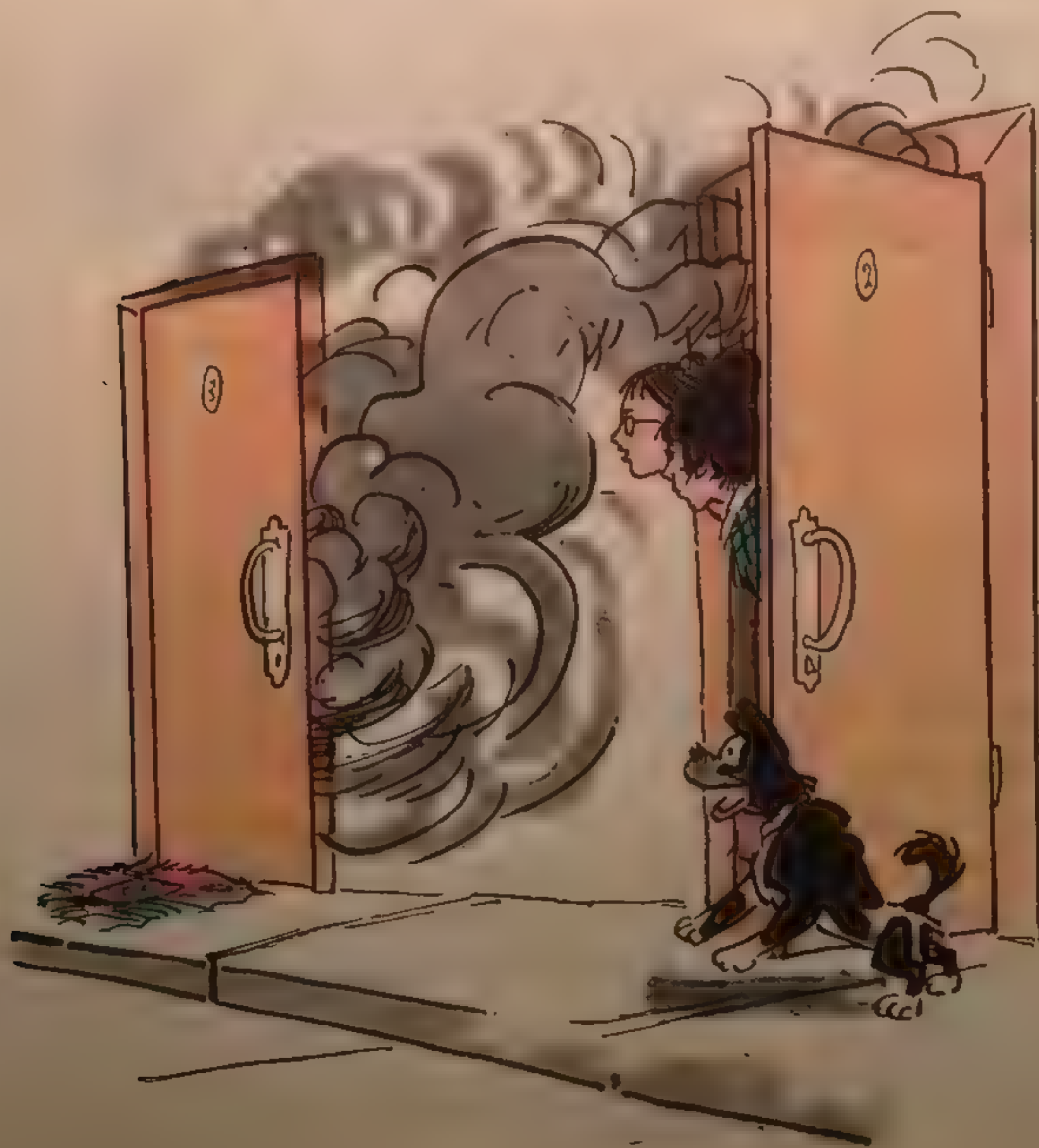
— Ребята, а чай с пирогом? — надрывался Мишка.

Но никто не обращал на него внимания. Ребята кашляли, одевались и расходились. Мишка вцепился в меня, отнял мою шапку и закричал:

— Не уходи хоть ты! Остайся хоть ради дружбы! Будем пить чай с пирогом!

Мы с Мишкой остались одни. Дым понемногу рассеялся, но в комнату всё равно нельзя было войти. Тогда Мишка завязал рот мокрым платком, подбежал к пирогу, схватил его и притащил в кухню.

Чайник уже вскипел, и мы стали пить чай с пирогом. Пирог был вкусный, с вареньем, только он всё-таки пропитался дымом от бенгальских огней. Но это ничего. Мы с Мишкой съели полпирога, а другую половину доел Дружок.

ТУН-ТУН-ТУН

Мы втроём — я, Мишка и Костя — приехали в пионерлагерь на день раньше всего отряда. У нас было задание: украсить помещение к приезду ребят. Мы сами просили нашего вожатого Витю отправить нас вперёд. Нам очень хотелось поскорей в лагерь.

Витя согласился и сам поехал с нами. Когда мы приехали, в доме уже заканчивалась уборка. Мы развесили на стенах плакаты, картины, которые привезли с собой, потом нарезали из разноцветной бумаги флажков, нанизали их на верёвочки

и повесили под потолком. Потом нарвали в поле цветов, делали из них букетов и расставили на окнах в банках с водой. Хорошо получилось!

Вечером вожатый Витя уехал обратно в город. Марья Максимовна, лагерный сторож, которая жила рядом в маленьком домике, сказала, чтобы мы шли ночевать к ней, но мы не захотели. Мишка сказал, что мы ничего не боимся и будем ночевать одни в доме. Марья Максимовна ушла, а мы поставили во дворе самовар, сели на крылечке и отдыхали.

Хорошо было в лагере! Возле самого дома росли высокие рябины, а вдоль забора — огромные старые липы. На них множество круглых вороньих гнёзд.

Вороны кружились над липами и громко кричали. В воздухе гудели майские жуки. Они носились в разные стороны, налетали на стены дома и шлёпались на землю. Мишка подбирал их и складывал в коробочку.

А потом солнышко скрылось за лесом, и облака на небе вспыхнули красным пламенем. Так красиво стало! Если бы у меня были краски, я бы тут же нарисовал картину: вверху красные облака, а внизу наш самовар. А от самовара поднимается дым прямо к облакам, как из паровой трубы.

Потом облака потухли и стали серые, как будто горы. Всё переменилось вокруг. Нам даже стало казаться, что мы попали каким-то чудом в другие края.

Самовар вскипел. Мы перенесли его в комнату, зажгли лампу и сели пить чай. В окно налетели ночные бабочки; они кружились вокруг лампы, будто плясали. Всё было как-то необыкновенно. Тихо так, только самовар на столе шумит. Мы сидим и чай пьём, сами себе хозяева.

После чая Мишка запер на крючок дверь и ещё верёвкой за ручку привязал.

— Чтоб не забрались разбойники, — говорит.

— Не бойся, — говорим мы, — никто не заберётся.

— Я не боюсь. Так, на всякий случай. И ставни надо закрыть.

Мы посмеялись над ним, но ставни всё-таки закрыли, на всякий случай, и стали укладываться спать. Сдвинули три кровати вместе, чтоб удобнее было разговаривать.

Мишка стал просить пустить его в середину. Костя говорит:
— Ты, видно, хочешь, чтоб разбойники сначала нас убили, а потом только до тебя добрались. Ну ладно, ложись.

Пустили его в середину. Но он всё равно, должно быть, боялся: взял в кухне топор и сунул его себе под подушку. Мы с Костей чуть со смеху не лопнули.

— Ты только нас не заруби по ошибке, — говорим. — А то примешь нас за разбойников и тяпнешь по голове топором.

— Не бойтесь, — говорит Мишка, — не тяпну!

Потушили мы лампу и стали в темноте рассказывать друг другу сказки. Сначала рассказал Мишка, потом я, а когда очередь дошла до Кости, он начал какую-то длинную страшную сказку про колдунов, про ведьм, про чертей и про Кощея Бессмертного. Мишка от страха закутался с головой в одеяло и стал просить Костю не рассказывать больше эту сказку. А Костя, чтоб попугать Мишку, принялся ещё кулаками по стене стучать и говорить, что это черти стучат. Мне самому сделалось страшно, и я сказал Косте, чтоб он перестал.

Наконец Костя унялся. Мишка успокоился и уснул. Стало тихо. Мы с Костей почему-то долго не могли уснуть. Лежим, прислушиваемся, как Мишкины жуки в коробке шуршат.

— Темно, как в погребе! — сказал Костя.

— Это потому, что ставни закрыты, — говорю я.

— А всё-таки мы храбрые! Не боимся одни ночевать! — говорит Костя.

Скоро чуточку посветлело. Стали видны щели в ставнях.

— Наверно, уже рассвет, — говорит Костя. — Теперь ночи совсем короткие.

— А может быть, луна взошла?

Наконец я задремал. Вдруг слышу сквозь сон:

Тук-тук-тук!

Я проснулся. Мишка и Костя спят. Я разбудил Костю.

— Кто-то стучит, — говорю.

— Кто же может стучать?

— А вот послушай.

Прислушались мы. Тихо. Потом снова:

Тук-тук-тук!

— В дверь стучат, — говорит Костя. — Кто же это?

Подождали мы. Не стучат больше.

«Может быть, показалось», — думаем.

Вдруг опять:

Тук-тук-тук! Тук-тук-тук!

— Тише, — шепчет Костя, — не надо отзываться. Может быть, постучит и уйдёт.

Подождали. Вдруг снова:

Тук-тук-тук! Тра-та-та-та!

— Ах, чтоб тебя разорвало! Не уходит! — говорит Костя.

— Может быть, это из города кто-нибудь приехал? — говорю я.

— Зачем же в такую поздноту ездить? Подождём. Если постучат ещё, спросим.

Ждём. Никого нет.

— Наверно, ушёл, — говорит Костя.

Только мы было успокоились, вдруг снова:

Тра-та-та-та!

Я подскочил в постели от неожиданности.

— Пойдём, — говорю, — спросим.

— Пойдём.

Подкрались мы к двери.

— Кто там? — спрашивает Костя.

Тихо. Никто не отвечает.

— Кто там?

Молчит.

— Кто там?

Никакого ответа.

— Наверно, ушёл, — говорю я.

Пошли мы обратно. Только отошли от двери:

Тук-тук-тук! Трах-та-тах!

Бросились снова к дверям:

— Кто там?

Молчит.

— Что он, глухой, что ли? — говорит Костя.

Стоим мы, прислушиваемся. За дверью будто об стенку кто-то трётся.

— Кто там?

Ничего не отвечает.

Отошли мы от двери. Вдруг снова:

Тук-тук-тук!

Забрались мы на кровать и дышать боимся. Сидели, сидели — не стучит больше. Легли. Думаем, не будет больше стучать.

Тихо. Вдруг слышим — шуршит по крыше. И вдруг по железу:

Бух-бух-бух! Трах!

— На крышу забрался! — прошептал Костя.

Вдруг с другой стороны:

Бум-бум-бум! Бах!

— Да тут не один, а двое! — говорю я. — Что ж это они, крышу разобрать хотят?

Вскочили мы с кроватей, закрыли дверь в соседнюю комнату, откуда был ход на чердак. К двери стол придвинули и ещё другим столом и кроватью подпёрли. А на крыше всё стучат: то один, то другой, то вместе разом. И ещё третий к ним прибавился. И ещё кто-то снова в дверь колотить начал.

— Может быть, это кто-нибудь нарочно, чтоб напугать нас, — говорю я.

— Выйти, — говорит Костя, — да наcostылять им по шее, чтоб не мешали спать!

— Ещё нам, — говорю, — наcostыляют. Вдруг их там человек двадцать!

— А может, это и не люди!

— А кто же?

— Черти какие-нибудь.

— Брось, — говорю, — сказки рассказывать! И без сказок страшно!

А Мишка спит и ничего не слышит. Ему хоть бы что!

— Может быть, разбудить его? — спрашиваю.

— Не надо. Пусть пока спит, — говорит Костя. — Знаешь, какой он трус. До смерти перепугается.

Устали мы, прямо с ног валимся. Спать хочется! Костя забрался в постель и говорит:

— Надоела мне вся эта музыка! Пусть там себе хоть головы расшибут на крыше. Очень мне нужно обращать внимание.

*Я вытащил у Мишки из-под подушки топор, положил его
рядом с собой в кровати...*

Я вытащил у Мишки из-под подушки топор, положил его рядом с собой в кровать и тоже прилёг отдохнуть. Стук на крыше становился всё чаще и тише. Мне стало казаться, что это дождь по крыше стучит, и я не заметил, как снова уснул.

Утром просыпаемся от страшного стука. Во дворе шум и крик.

Я схватил топор, подбежал к двери.

— Кто там? — спрашиваю.

И вдруг слышу голос Вити, вожатого:

— Откройте, ребята! Что там с вами случилось? Полчаса достучаться не можем.

Я открыл дверь. Все ребята гурьбой ввалились в комнату. Витя увидел топор.

— Зачем топор? — спрашивает. — И что у вас за разгром такой?

Мы с Костей стали рассказывать, что здесь ночью случилось. Но никто нам не верил, все смеялись над нами и говорили, что это нам с перепугу показалось. Мы с Костей чуть не плакали от обиды.

Вдруг сверху послышался стук.

— Тише! — закричал Костя и поднял палец кверху.

Ребята умолкли и стали прислушиваться.

Тук-тук-тук! — стучало что-то по крыше.

Ребята застыли от удивления. Мы с Костей открыли дверь и потихоньку вышли во двор. Все пошли за нами. Мы отошли от дома в сторону и взглянули на крышу. Там сидела обыкновенная ворона и что-то клевала.

Тук-тук-тук! Бух-бух! — стучала она по железу клювом.

Ребята увидели ворону и расхохотались так громко, что ворона хлопала крыльями и улетела. Ребята сейчас же притащили лестницу; несколько человек забрались на крышу посмотреть, что там клевала ворона.

— Здесь прошлогодние ягоды рябины лежат. Наверно, вороны клюют их и стучат по крыше! — закричали ребята.

— Откуда же здесь ягоды рябины берутся? — говорим мы.

— Да тут ведь вокруг рябины растут. Вот ягоды прямо на крышу и падают.

— Пойдите, а в дверь-то кто стучал? — говорю я.

— Да, — говорит Костя, — зачем это воронам понадобилось в дверь стучать? Вы ещё скажете, что вороны нарочно в дверь стучали, чтоб мы их переночевать пустили.

На это никто не мог ничего ответить. Все побежали на крыльцо и стали осматривать дверь. Витя поднял с крыльца ягоду и сказал:

— Они и не стучали в дверь. Они клевали на крыльце ягоды, а вам показалось, что стучат в дверь.

Мы посмотрели: на крыльце валялось несколько ягод рябины.

— Храбрецы! — смеялись над нами ребята. — Втроём испугались вороны!

— И совсем не втроём, а вдвоём, — говорю я, — Мишка спал как убитый и ничего не слышал.

— Молодец, Мишка! — закричали ребята. — Значит, ты один не боялся вороны?

— Я ничего не боялся, — ответил Мишка. — Я спал и ничего не знаю.

С тех пор все считают Мишку храбрецом, а нас с Костей трусами.

ОГОРОДНИКИ

Через день после того, как мы приехали в пионерлагерь, наш вожатый Витя сказал, что у нас будет свой огород. Мы собрались и стали решать, как будем обрабатывать землю и что сажать. Решили поделить землю на участки и чтобы на каждом участке бригада из двух человек работала. Сразу будет видно, кто впереди, а кто отстаёт. Отстающим решили помогать, чтобы вся земля была хорошо обработана и дала большой урожай.

Мы с Мишкой попросили записать нас в одну бригаду. Мы ещё в городе условились, что будем работать вместе и рыбу ловить вместе. Всё у нас было общее: и лопаты и удочки.

— Ребята, — сказал Вадик Зайцев, — я предлагаю сделать красное знамя и на нём написать: «Лучшему огороднику». Кто первый вскопает участок, у того на участке поставим знамя.

— Правильно, — согласились ребята. — А потом будем за это знамя бороться. Кто лучше проведёт посадку, к тому перейдёт на участок знамя. Потом знамя будем передавать за прополку. А у кого окажется самый большой урожай, тому подарим осенью это знамя, и пусть он везёт его с собой в город.

Мы с Мишкой решили бороться за красное знамя.

— Как возьмём его в самом начале, так до конца не выпустим и домой увезём, — говорил Мишка.

Наш огород был недалеко от реки. Мы измерили землю рулеткой, наметили участки и вбили колышки с номерами. Нам с Мишкой достался двенадцатый участок. Мишка тут же стал кричать, что нам самый плохой участок дали.

— Да чем он плохой? — спрашивает Витя.

— Дырка вон тут в земле!

— Ну, что это за дырка! — засмеялся Витя. — Лошадь копытом продавila.

— И пенёк вон торчит, — говорит Мишка.

— И на других участках есть пни, посмотри.

Но Мишка уже никуда смотреть не хотел и кричал:

— Его ведь из земли выковыривать надо!

— Что ж, выкорчуете. Сами не справитесь, ребята помогут.

— Уж если возьмёмся — справимся, — обиделся Мишка. — Ещё и ребятам поможем, на буксир кого надо возьмём.

— Вот и хорошо, — сказал Витя.

Все ребята стали вскапывать землю. И мы с Мишкой стали копать.

Мишка то и дело бежал смотреть, сколько другие ребята вскопали. Я говорю ему:

— Ты не бегай, работай, а то мы меньше всех вскопаем.

— Ничего, — говорит, — я ещё поднажму.

И стал поднажимать. Поднажмёт, поднажмёт и снова убежит куда-нибудь.

В этот день мы мало работали. Скоро вожатый Витя позвал всех обедать. После обеда мы с Мишкой схватили лопаты и снова хотели на огород бежать, но Витя не позволил. Он сказал:

— Работать будем только до обеда. После обеда — отдыхать, а то у нас найдутся такие ребята, которые в первый же день перетрутся и потом не смогут работать.

На следующее утро мы раньше всех примчались на огород и стали копать. Потом Мишка выпросил у Вити рулетку и принялся землю мерять, сколько у нас на участке вскопано да сколько осталось. Покопает немного и снова меряет. И всё ему кажется мало.

Я говорю:

— Конечно, будет мало, если я один копаю, а ты только меряешь!

Он бросил рулетку и стал копать. Только недолго копал. Корень ему в земле попался, так он этот корень стал из земли выдирать. Драл его, драл, весь участок разворотил. Даже на соседний участок залез и там выдирает этот корень.

— Да брось ты его, — говорю. — Чего ты к нему привязался?

— Я, — говорит, — думал, что он короткий, а он вон какой длинный, как удав.

— Ну и перестань с ним возиться!

— Да должен же он где-нибудь кончиться!

— А тебе будто не всё равно?

— Нет, — говорит, — я такой человек: если за что-нибудь взялся, обязательно до конца сделаю.

И снова ухватился руками за корень. Тогда я рассердился, подошёл и отрубил этот корень лопатой. А Мишка корень рулеткой измерил и говорит:

— Ого! Шесть с половиной метров! А если бы ты не отрубил, так он, может быть, метров двадцать был бы!

Я говорю:

— Если бы я знал, что ты так будешь работать, то с тобой бы не связывался.

А он:

— Можешь отдельно. Я же тебя не заставляю.

— Как же теперь отдельно, когда у нас столько вскопано! Вот не получим из-за тебя красного знамени.

— Почему не получим? Ты посмотри, сколько у Вани Ложкина и Сени Боброва. Ещё меньше нашего.

Он побежал на участок Вани и Сени и стал над ними смеяться:

— Эх, вы! Придётся вас на буксир брать!

А они его прогоняют:

— Смотри, как бы тебя не взяли!

Я говорю:

— Чудак ты! Над другими смеёшься, а сам сколько сделал? И чего я только с тобой связался!

— Ничего, — говорит, — я одну штуку придумал. Завтра знамя будет на нашем участке.

— С ума, — говорю — сошёл! Тут на два дня работы, а с тобой и четыре провозишься.

— Вот увидишь, я потом тебе расскажу.

— Ты лучше работай. Всё равно земля сама не вскопается.

Он взял лопату, но тут Витя сказал, чтобы все шли обедать. Ну, Мишка лопату на плечо и помчался впереди всех в лагерь.

После обеда Витя стал красный флаг делать, а мы все ему помогали: кто палку строгал, кто материю подшивал, кто разводил краски. Флаг получился красивый. Палку выкрасили золотой краской, а на красной материи Витя написал серебряными буквами: «Лучшему огороднику».

Мишка сказал:

— Давайте ещё пугало сделаем, чтоб вороны огород не клевали.

Эта затея всем очень понравилась. Взяли мы жердь и к ней крест-накрест палку привязали, достали старый мешок и сшили из него рубаху. Потом натянули эту рубаху на жердь, а сверху глиняный горшок надели. На горшке Мишка нарисовал углём нос, рот, глаза. Страшная рожа получилась! Поставили это пугало посреди двора. Все смотрели на него и смеялись.

Мишка отвёл меня в сторону и говорит:

— Вот что я придумал: давай, когда все лягут спать, уйдём на огород и вскопаем свой участок. Оставим на утро кусочек маленький, завтра быстро вскопаем и получим знамя.

Я говорю:

— Если бы ты работал! А то ведь с разными пустяками возишься.

— Я буду хорошо работать, вот увидишь!

— Ну ладно, только если ты снова возьмёшься за старое, брошу всё и уйду.

Вечером все легли спать. И мы с Мишкой легли, только для виду. Я уже начал дремать. Вдруг меня Мишка толкает в бок:

— Вставай! А то не видать нам знамени как своих ушей!

Встал я. Мы вышли так, чтобы никто нас не видел. Взяли лопаты и пошли на огород. Луна светила, и всё было видно.

Пришли на огород.

— Вот наш участок, — говорит Мишка. — Видишь, и пенёк торчит.

Стали мы копать. На этот раз Мишка хорошо работал, и мы много вскопали. Дошли до пня и решили его выкорчевать. Обкопали со всех сторон и стали из земли тащить. Тащили, тащили, а он не лезет. Пришлось обрубать корни лопатой. Устали, как лошади! Всё-таки вытащили. Землю заровняли, а пенёк Мишка на соседний участок бросил.

Я говорю:

— Это ты нехорошо сделал!

— А куда его девать?

— Нельзя же на чужой участок!

— Ну, давай его в реку бросим!

Взяли мы пенёк и потащили к реке. А он тяжёлый! Насилу дотащили — и бултых в воду! Он поплыл по реке, как будто спрут или осьминог какой. Мы посмотрели ему вслед и пошли домой. Больше в этот раз уже не могли работать, устали очень. Да нам совсем небольшой кусочек осталось вскопать.

Утром проснулись мы позже всех. Всё тело у нас болит: руки болят, ноги болят, спина болит.

— Что это? — спрашивает Мишка.

— Перетрудились, — говорю, — слишком много работали.

Встали мы, размялись немного. За завтраком Мишка стал перед ребятами хвастать, что красное знамя достанется нам.

После завтрака все помчались на огород, а мы с Мишкой пошли не спеша. Куда нам спешить! Пришли на огород. Все, как кроты, роются, а мы ходим да посмеиваемся.

— Не видать вам знамени, — говорим, — как своих ушей! Ребята отвечают:

— Вы бы работали! Только другим мешаете.

Тут Мишка говорит:

— А это вот чей участок? Совсем мало вскопано. И хозяев нет. Наверно, дрыхнут ещё!

Я посмотрел:

— Номер двенадцатый. Да это ведь наш участок!

— Не может быть, — говорит Мишка. — Мы больше вскопали.

— Мне, — говорю, — тоже казалось, что больше.

— Может быть, нарочно кто-нибудь номерки переменил?

— Нет, всё правильно. Вот одиннадцатый, а там тринадцатый.

Смотрим, и пенёк торчит. Мы растерялись даже.

— Послушай, — говорю я. — Если это наш участок, то откуда же пенёк взялся? Мы ведь его уже выкорчевали!

— Правда, — говорит Мишка. — Не мог же за ночь новый пенёк вырасти.

Вдруг слышим, Ваня Ложкин на своём участке кричит:

— Ребята, смотрите, какое чудо! У нас тут вчера пенёк был, а сегодня нету. Куда он делся?

Все побежали на это чудо смотреть. Подошли и мы с Мишкой.

«Что такое! — думаем. — Вчера у них и до половины не было вскопано, а сегодня совсем небольшой кусочек остался».

— Мишка, — говорю я, — да это ведь мы ночью по ошибке на их участке работали и пенёк им выкорчевали!

— Да что ты!

— Верно!

— Ах мы ослы! — говорит Мишка. — Да что же нам

теперь делать? По правилу, они должны нам свой участок отдать, а себе пусть берут наш. Что мы, даром у них работали?

— Молчи! — говорю. — Хочешь, чтоб над нами весь лагерь смеялся?

— Что же делать?

— Копать, — говорю, — вот что!

Схватили мы лопаты. Да не тут-то было: руки болят, ноги болят, спина не разгибается.

Скоро Ваня Ложкин и Сенька Бобров на своём участке работу кончили. Витя поздравил их и отдал им красное знамя.

Они поставили его посреди участка. Все собрались вокруг и в ладоши захлопали.

Мишка говорит:

— Это неправильно!

— Почему неправильно? — спрашивает Витя.

— Потому и неправильно, что за них кто-то пень выкорчевал. Они сами сказали.

— А мы виноваты? — говорит Ваня. — Может быть, его кто-нибудь себе на дрова выкорчевал. Разве мы запрещать будем?

— А может быть, его кто-нибудь по ошибке вместо своего выкорчевал, — ответил Мишка.

— Тогда бы он здесь был, а его нигде нет, — сказал Ваня.

— А может быть, они его в реку бросили, — говорит Мишка.

— Ну что ты пристал: «может быть» да «может быть»!

— Может быть, вам и участок кто-нибудь ночью вскопал, — не унимался Мишка.

Я его толкаю, чтоб он не проговорился.

Ваня говорит:

— Всё может быть. Мы землю не меряли.

Пошли мы на свой участок и стали копать. А Ваня и Сенька стали рядом и хихикают.

— Вот работают! — говорит Сенька. — Будто во сне молчалку жуют.

— Надо их на буксир взять, — сказал Ваня. — У них ведь меньше всех вскопано.

Взяли мы пугало и бросили в реку.

Ну и взяли нас на буксир. Помогли нам копать и пень выкорчевать. Всё равно мы позже всех кончили.

Ребята говорят:

— Давайте на их участке, как на отстающем, поставим пугало.

Все согласились и поставили пугало на нашем участке. Мы с Мишкой обиделись. А ребята говорят:

— Добивайтесь, чтоб ваш участок стал лучшим, когда посадка и прополка будут, вот и уберём тогда с вашего огорода пугало.

Юра Козлов предложил:

— Давайте пугало ставить отстающим.

— Давайте, — обрадовались все.

— А осенью подарим тому, у кого будет самый плохой урожай, — говорит Сенька Бобров.

Мы с Мишкой решили стараться изо всех сил, чтоб отделаться от этого пугала. Только у нас так ничего и не получилось. Всё лето простояло оно на нашем участке, потому что на посадке Мишка всё перепутал и посадил свёклу там, где уже была морковка посажена, а при прополке вместо сорняков петрушку повыдергал. Пришлось на этом месте в спешном порядке редиску посадить. Сколько раз я хотел отделиться от Мишки, да никак не мог. «Кто же, — думаю, — в беде товарища покидает!» Так и маялся с ним до конца.

Зато осенью красное знамя нам с Мишкой досталось. У нас самый большой урожай помидоров и кабачков оказался.

Ребята стали спорить.

— Это неправильно! — говорили они. — Всё время были отстающие, и вдруг самый большой урожай!

Но Витя сказал:

— Ничего, ребята, всё правильно. Хоть они и отставали, но землю хорошо обрабатывали, старались и добивались, чтоб большой урожай был.

Ваня Ложкин сказал:

— У них земля была хорошая. А вот нам с Сеней скверная земля попалась. И урожай маленький, хоть мы и старались. За что же нам пугало подарили? Пусть они тогда и пугало берут себе, раз оно у них всё лето стояло.

— Ничего, — говорит Мишка, — мы возьмём и пугало. Давайте его сюда.

Все засмеялись, а Мишка сказал:

— Если б не это пугало, то мы и знамени не получили бы.

— Это почему же? — удивились все.

— Потому что на нашем участке оно ворон пугало, а на других вороны не боялись, вот и урожай получился меньше. И потом, из-за этого пугала мы не забывали, что нам надо стараться и работать лучше.

Я говорю Мишке:

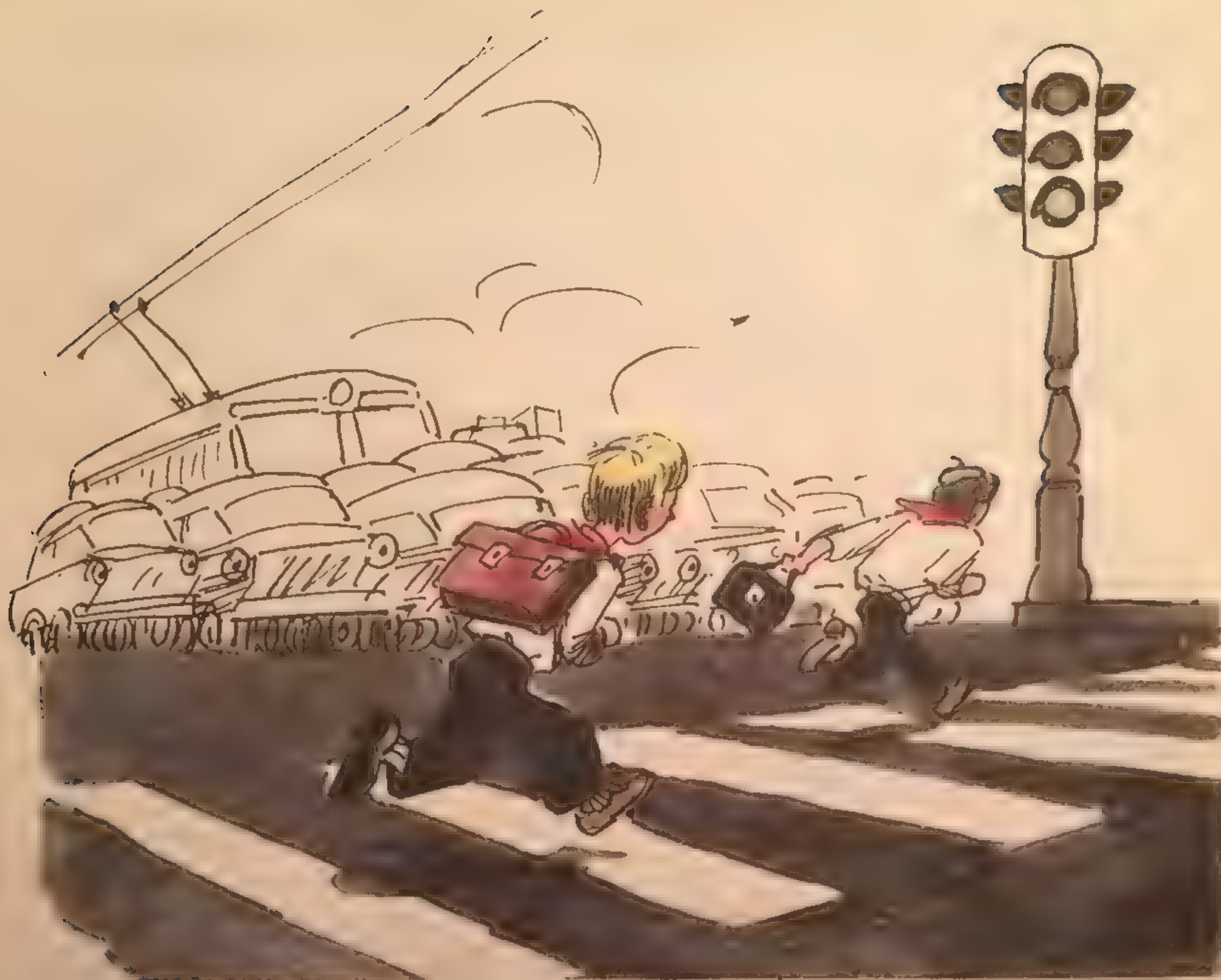
— Зачем ты взял это пугало? Для чего оно нам?

— Ну, давай его в реку бросим, — говорит Мишка.

Взяли мы пугало и бросили в реку. Оно поплыло по реке, растопырив руки. Мы посмотрели ему вслед и стали в него камнями бросать. А потом пошли в лагерь.

В тот же день Лёшка Курочкин снял нас фотоаппаратом вместе со знаменем. Так что, если кому-нибудь хочется карточку, мы можем прислать.

А В Т О М О Б И Л Ь

Когда мы с Мишкой были совсем маленькими, нам очень хотелось покататься на автомобиле, только это никак не удавалось. Сколько мы ни просили шофёров, никто не хотел нас катать. Однажды мы гуляли во дворе. Вдруг смотрим — на улице, возле наших ворот, остановился автомобиль. Шофёр из машины вылез и куда-то ушёл. Мы подбежали. Я говорю:

— Это «Волга».

А Мишка:

— Нет, это «Москвич».

— Много ты понимаешь! — говорю я.

— Конечно, «Москвич», — говорит Мишка. — Посмотри, какой у него капор.

— Какой, — говорю, — капор? Это у девчонок бывает капор, а у машины — капот! Ты посмотри, какой кузов.

Мишка посмотрел и говорит:

— Ну, такое пузо, как у «Москвича».

— Это у тебя, — говорю, — пузо, а у машины никакого пуза нет.

— Ты же сам сказал «пузо».

— «Кузов» я сказал, а не «пузо»! Эх, ты! Не понимаешь, а лезешь!

Мишка подошёл к автомобилю сзади и говорит:

— А у «Волги» разве есть буфер? Это у «Москвича» — буфер.

Я говорю:

— Ты бы лучше молчал. Выдумал ещё буфер какой-то. Буфер — это у вагона на железной дороге, а у автомобиля бампер. Бампер есть и у «Москвича» и у «Волги».

Мишка потрогал бампер руками и говорит:

— На этот бампер можно сесть и поехать.

— Не надо, — говорю я ему.

А он:

— Да ты не бойся. Проедем немного и спрыгнем.

Тут пришёл шофёр и сел в машину. Мишка подбежал сзади, уселся на бампер и шепчет:

— Садись скорей! Садись скорей!

Я говорю:

— Не надо!

А Мишка:

— Иди скорей! Эх ты, трусишка!

Я подбежал, прицепился рядом. Машина тронулась и как помчится!

Мишка испугался и говорит:

— Я спрыгну! Я спрыгну!

— Не надо, — говорю, — расшибёшься!

А он твердит:

— Я спрыгну! Я спрыгну!

И уже начал опускать одну ногу. Я оглянулся назад, а за нами другая машина мчится. Я кричу:

— Не смей! Смотри, сейчас тебя машина задавит!

Люди на тротуаре останавливаются, на нас смотрят. На перекрёстке милиционер засвистел в свисток. Мишка перепугался, прыгнул на мостовую, а руки не отпускает, за бампер держится, ноги по земле волочатся. Я испугался, схватил его за шиворот и тащу вверх. Автомобиль остановился, а я всё тащу. Мишка наконец снова залез на бампер. Вокруг народ собрался. Я кричу:

— Держись, дурак, крепче!

Тут все засмеялись. Я увидел, что мы остановились, и слез.

— Слезай, — говорю Мишке.

А он с перепугу ничего не понимает. Насилу я оторвал его от этого бампера. Подбежал милиционер, номер записывает. Шофёр из кабины вылез — все на него набросились:

— Не видишь, что у тебя сзади делается?

А про нас забыли. Я шепчу Мишке:

— Пойдём!

Отошли мы в сторонку и бегом в переулок. Прибежали домой, запыхались. У Мишки обе коленки до крови ободраны и штаны порваны. Это он когда по мостовой на животе ехал. Досталось ему от мамы!

Потом Мишка говорит:

— Штаны — это ничего, зашить можно, а коленки сами заживут. Мне вот только шофёра жалко: ему, наверно, из-за нас достанется. Видал, милиционер номер машины записывал?

Я говорю:

— Надо было остаться и сказать, что шофёр не виноват.

— А мы милиционеру письмо напишем, — говорит Мишка.

Стали мы письмо писать. Писали, писали, листов двадцать бумаги испортили, наконец написали:

«Дорогой товарищ милиционер! Вы неправильно записали номер. То есть Вы записали номер правильно, только

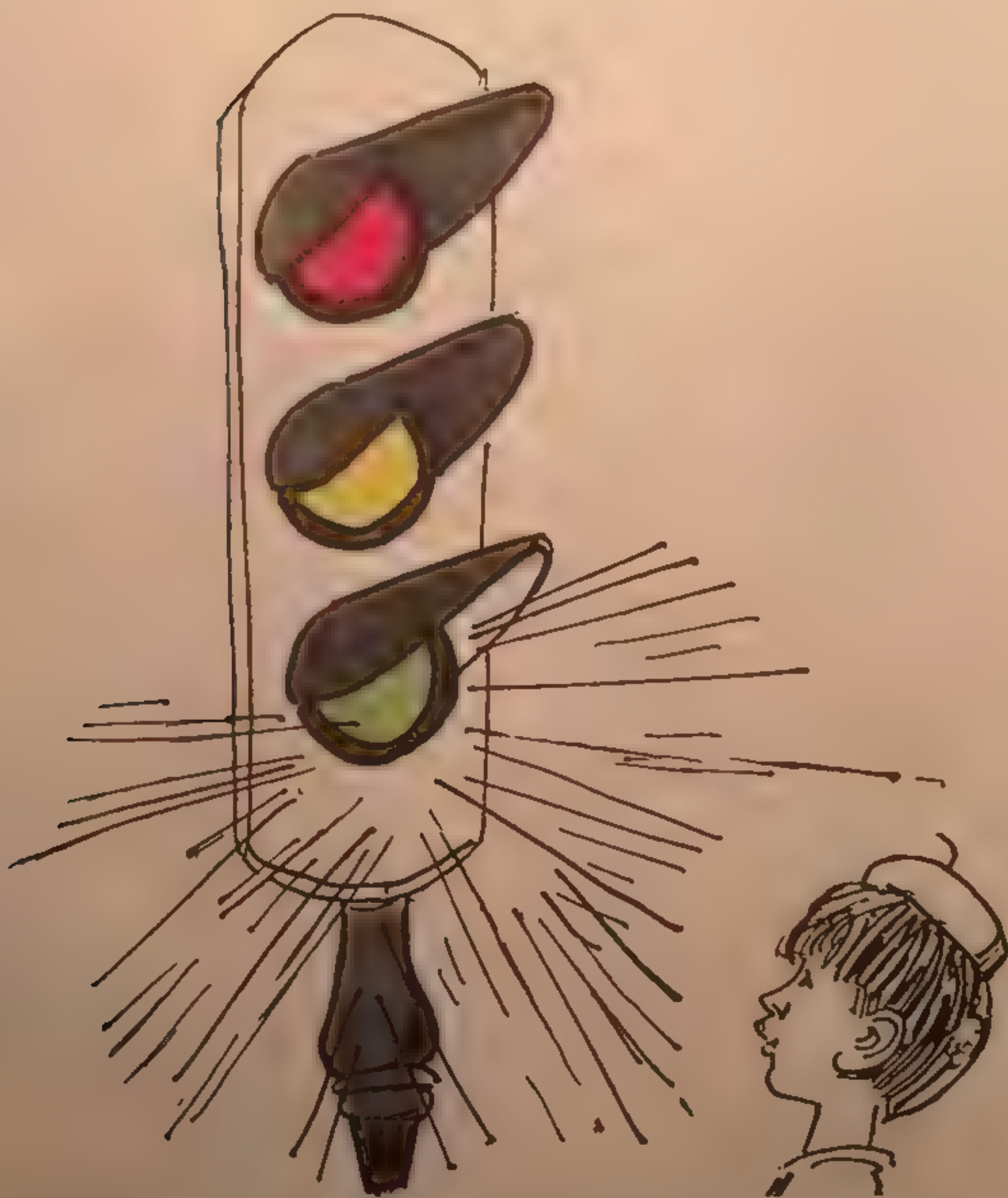
Запечатали писъмо и бросили в ящик.

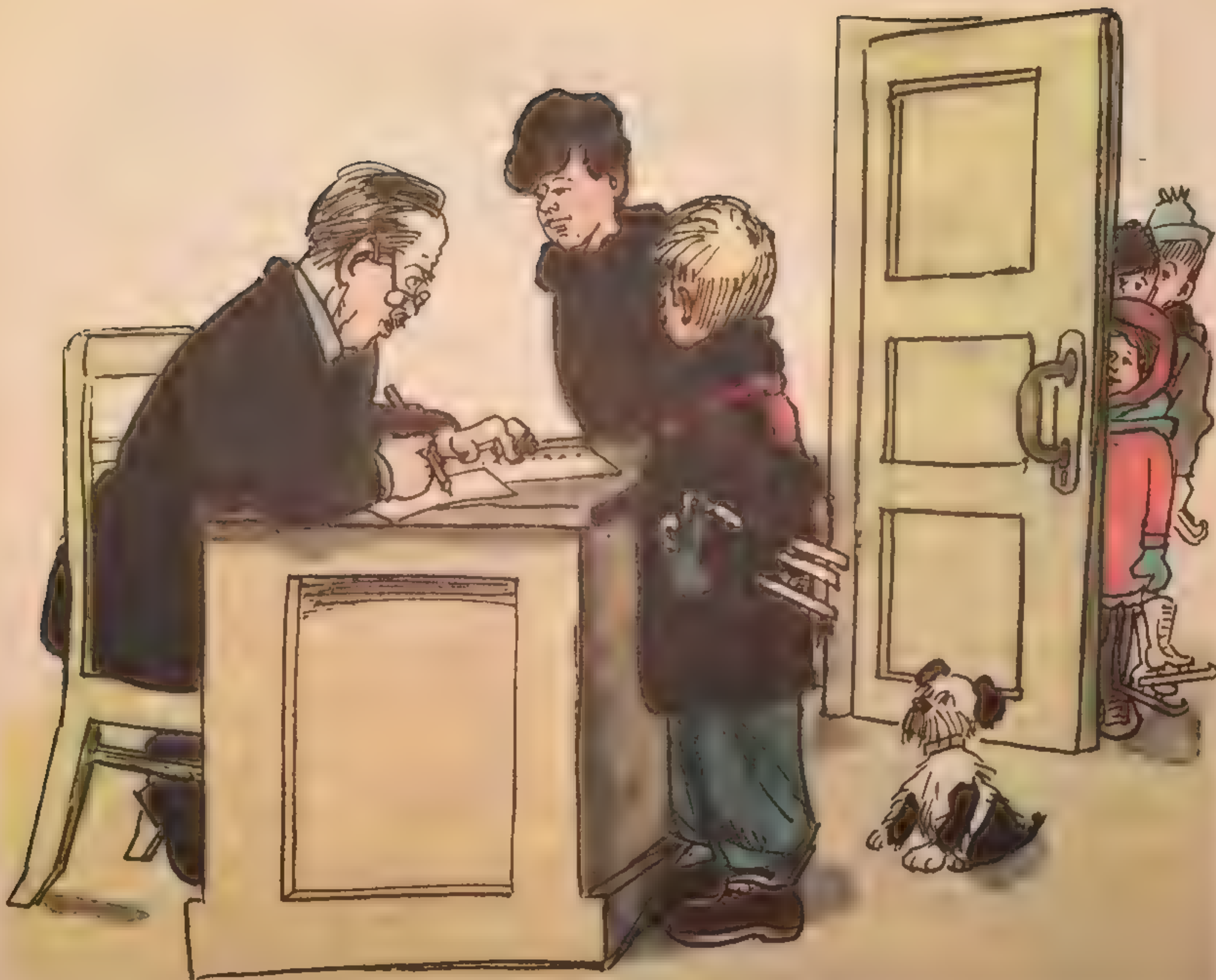
неправильно, что шофёр виноват. Шофёр не виноват: виноваты мы с Мишкой. Мы прицепились, а он не знал. Шофёр хороший и ездит правильно».

На конверте написали:

«Угол улицы Горького и Большой Грузинской, получить милиционеру».

Запечатали письмо и бросили в ящик. Наверно, дойдёт.

НАШ КАТОК

Осенью, когда стукнул первый мороз и земля сразу промёрзла чуть ли не на целый палец, никто не поверил, что уже началась зима. Все думали, что скоро опять развезёт, но мы с Мишкой и Костей решили, что сейчас самое время начинать делать каток. Во дворе у нас был садик не садик, а так, не поймёшь что, просто две клумбы, а вокруг газончик с травой, и всё это заборчиком огорожено. Мы решили сделать каток в этом садике, потому что зимой клумбы всё равно никому не видны.

Костя сказал:

— Только надо, ребята, сначала получить разрешение у управдома. Иначе и начинать нельзя. Дворничиха всё равно ничего делать не даст.

— А вдруг управдом не позволит? — сказал Мишка. — Летом просили волейбольную площадку устроить — не разрешил, зверь такой!

— Я думаю, разрешит, — сказал Костя. — Дмитрий Савельевич хороший человек. Только с ним надо дипломатично поговорить.

— Это как — дипломатично? — не понял Мишка.

— Ну, значит, вежливо. Взрослые любят, чтоб с ними вежливо разговаривали, а такие слова, как «зверь», никому не могут понравиться.

— Что ты! — замахал Мишка руками. — Да разве я такие слова когда говорю? Это я ведь за глаза только.

— «За глаза»! — усмехнулся Костя. — Ты в глаза ещё и не такое скажешь! Я тебя хорошо изучил. Вот придём в домоуправление, так ты уж лучше молчи, я сам поговорю с управдомом как надо.

Мишка говорит:

— Ладно.

Мы тут же отправились в домоуправление. На наше счастье, управдом оказался на месте. Он сидел за столом, заваленным ворохом разных бумажек. Посреди этого вороха лежала тетрадка. Левой рукой управдом водил по цифрам, которые были в тетрадке, а правой что-то записывал.

— Здравствуйте, Дмитрий Савельевич, — сказал Костя вежливо.

— Здравствуй, дружок, здравствуй! — Управдом даже не обратил на нас внимания и продолжал водить пальцем по цифрам.

— Мы к вам, Дмитрий Савельевич.

— Вижу, дружок, вижу. Зачем пришли?

— Хотим немножко поговорить с вами, — продолжал Костя.

— Ну, говори, говори.

— Хотим спросить у вас.

— Спрашивай, спрашивай.

— Мы хотим спросить у вас, Дмитрий Савельевич, одну вещь: скажите, пожалуйста, вы должны вести у нас какую-нибудь спортивную работу?

— Какую это спортивную работу? — спросил Дмитрий Савельевич и, прижав пальцем цифру в тетрадке, посмотрел на нас поверх очков.

— Ну, как управдом вы должны вести у нас спортивную работу.

Дмитрий Савельевич поставил карандашом отметку возле прижатой цифры, провёл по голове рукой, будто хотел причесать волосы, и сказал:

— То есть, по-моему, это вы... Вы сами должны вести спортивную работу.

— Мы это понимаем, — ответил Костя. — Мы сами должны вести спортивную работу. А вот вы нам помогать будете?

Управдом наклонил набок голову, развёл над столом руками:

— А что вы хотите сделать?

— Мы хотим устроить каток на зиму.

— А, хорошо, хорошо! Делайте, что ж... А где вы его хотите сделать?

Костя рассказал, что мы хотим разровнять в садике землю, полить водой и провести электричество, чтобы можно было кататься при свете.

Управдом одобрил наш план. Он заметно повеселел, так как сначала испугался и подумал, что мы хотим заставить его самого вести спортивную работу, но, увидев, что от него ничего такого не требует, я, сказал:

— Действуйте, ребята, а если что понадобится, приходите ко мне.

— Вот что значит дипломатический разговор! — сказал Мишка, когда мы вышли от управдома. — Ты молодец, Костя. Я теперь тоже так буду.

После этого мы организовали ребят и сказали, что, кто не будет работать, того не пустим кататься. Поэтому все рьяно взялись за дело. Кто-то из ребят придумал разломать

с одной стороны заборчик и отнести его шагов на десять в сторону, чтобы каток получился шире.

Всё у нас шло очень ловко и хорошо, но только до тех пор, пока нашу работу не заметила Лёлькина мама.

— Это что у вас за строительство? — спросила она. — Зачем разоряете садик?

Мы с Костей стали объяснять ей, что здесь будет каток.

— Ну каток, — говорит она. — А зачем же клумбы уничтожать? Делайте себе каток вокруг клумб.

Мы с Костей хотели объяснить ей всё вежливо, но тут в дело вмешался Мишка.

— Как же вокруг клумб кататься? — с презрением на лице сказал он. — Разве вы не видите, что они четырёхугольные? Или вы ничего не понимаете своей головой?

— Я-то своей головой всё понимаю, — ответила Лёлькина мама. — А вот ты, видно, не понимаешь. Вот пойду скажу управдому, что вы здесь затеяли.

— Ха-ха! — сказал Мишка. — Идите. И скажите. И посмотрим, что вам управдом скажет.

От управдома Лёлькина мама вернулась злая-презлая. Видно, он объяснил ей, что разрешил нам делать каток. Она больше ничего не сказала нам, но вместо этого стала говорить всем жильцам, что теперь маленьким детям даже погулять будет негде, и Григорию Кузьмичу из пятой квартиры наябедничала, что мы перенесли заборчик и теперь он не сможет выехать из гаража на своей автомашине. Григорий Кузьмич моментально из дома выскочил и стал требовать, чтоб мы перенесли заборчик обратно. Мы с Костей вежливо начали объяснять ему, что машина проедет, но тут снова вмешался Мишка.

— Смотрите, — закричал он, — колько здесь для проезда места осталось! Разве вы не понимаете, что машина очень свободно проедет? Должна же у вас голова хоть немного соображать!

Услышав такую грубость, Григорий Кузьмич страшно рассердился, привёл управдома и стал доказывать, что заборчик надо поставить на место, а управдом стал доказывать, что заборчик может и здесь стоять. Кончилось тем, что они поссо-

рились и Григорий Кузьмич побежал писать на управдома жалобу, а управдом сказал нам:

— Имейте в виду, больше я ни с кем из-за вас ругаться не стану. Если ещё хоть кто-нибудь на вас пожалуется, запрещаю делать каток!

— Это всё ты виноват! — сказал Костя Мишке. — И что ты всё лезешь со своими грубостями? Не можешь говорить дипломатично — молчи!

— Я ведь дипломатично, — ответил Мишка.

В общем, из-за Мишки мы со всеми жильцами поссорились. Все были недовольны нами и только и делали, что ворчали на нас.

Через несколько дней наступила оттепель, и работать нам стало легче. Мы разровняли площадку, сделали по краям земляной бортик, даже заборчик покрасили и принялись за устройство электрического фонаря. Деньги собрали со всех ребят, купили электрический шнур, лампочку и патрон. Столб для фонаря у нас уже давно был. Он остался после ремонта дома и лежал посреди двора. Мы его врыли в землю, а проводку нам помог сделать дядя Серёжа из девятой квартиры. Такой хороший человек оказался. Мы даже хотели про него написать в газету, но сначала некогда было, а потом как-то забыли.

И вот, когда всё было сделано и наш фонарь готов был засиять над катком ярким светом, в дело вмешалась дворничиха тётя Даша.

— Вот что, ребятушки, — сказала она, — столб вам придётся отдать, потому что на будущее лето он для ремонта понадобится.

Костя принялся доказывать ей, что столбу мы ничего плохого не сделаем, и в конце концов он, наверное, уговорил бы её, но тут Мишка не выдержал.

— Пстой, — говорит, — сейчас я ей всё дипломатически объясню. — Он оттолкнул Костю и давай кричать: — Это что, по-вашему, столб? А для чего, по-вашему, сделали столб? По-вашему, столб сделали, чтоб он, дожидаясь ремонта, целую зиму под снегом гнил? У вас что на плечах, голова или ещё что-нибудь?

Кончилось тем, что тётя Даша рассердилась и побежала в домоуправление.

— Вот видишь, что ты наделал, — сказал Костя. — Управдом ведь предупредил, что больше терпеть не станет.

Все ребята на Мишку набросились.

— Из-за тебя, — говорят, — каток запретят! Даром трудились только!

Мишка готов был рвать на себе волосы от досады.

— И как это у меня вырвалось? — убивался он.

Вдруг смотрим — тётя Даша обратно бежит, а за ней управдом. Мишка увидел, уцепился руками за столб и как завоет:

— Не отдам столб, не отдам! Я накоплю денег и заплачу вам за него. Целую зиму не буду мороженого есть.

Управдом услышал и только рукой махнул.

— Ладно, — говорит, — берите себе этот столб.

И ушёл. А тётя Даша увидела, что у неё ничего не вышло, и говорит:

— Хорошо же! Мы ещё поговорим с вами!

И вот потянулись самые тяжёлые дни. Две недели подряд стояла оттепель, даже лёгонького морозца не было. Снег иногда падал, но тут же таял и только разводил слякоть. Мы с Мишкой начали думать, что в этом году уже совсем не будет зимы, и приходили в отчаяние.

Наконец ударил долгожданный мороз. И тут у нас начались новые приключения. Никто не хотел нам давать воды для катка. Сначала мы пошли к тёте Даше и стали просить, чтоб она дала нам свой дворницкий шланг, чтобы полить каток из шланга, но она не дала.

Говорит:

— Я вообще против вашего катка. Весной растает, а убирать мне! Все жильцы против катка. Вот мы напишем управдому заявление, чтоб разорил.

Мы говорим:

— Не даёте, мы и без вас польём. Каток замёрзнет, сами придёте к нам кататься.

— И не приду! А замёрзнет, так я его золой посыплю, всё равно никто не будет кататься.

Мы стали таскать воду вёдрами из кухни шестой квартиры, но нас скоро оттуда прогнали: сказали, что мы нанесли им грязи. А какая там грязь, когда во дворе никакой грязи не было! Стали мы таскать воду из первой квартиры, но нас и оттуда выгнали. Мы пошли в четвёртую, нас стали и оттуда гнать.

Тут Мишка вспомнил, что у дяди Андрея из двадцатой квартиры есть маленький шланг. Мы все видели, как дядя Андрей обмывал летом из этого шланга свой мотоцикл. Мы пошли и попросили у него этот шланг. И какой оказался человек добрый! Дал шланг и даже сказал, что пусть будет у нас до конца зимы. Бывают же такие люди на свете! Мы про него тоже решили написать в газету, но потом тоже почему-то забыли. Всё было как-то не до того.

Завладев шлангом, мы пошли на кухню четвёртой квартиры. Там два водопроводных крана.

Мишка сказал:

— Здесь мы никому не помешаем: к одному крану привернём шланг, а из другого пусть жильцы берут воду.

Мы присоединили шланг к крану и принялись поливать каток. Сначала дело шло хорошо. Струя воды с силой била из шланга и доставала во все уголки площадки. Мишка держал шланг обеими руками и улыбался во всю ширину лица. Струя шипела, трещала, так что у всех становилось радостно на душе. Неожиданно произошла задержка: струя вдруг стала слабее, потом словно увяла и совсем перестала течь.

— Что такое? — удивился Мишка. — Наверно, шланг отскочил от крана.

Прибежали на кухню. Шланг на месте, а вода не течёт. Смотрим — кран закрыт.

— Что за ехидство? — говорит Мишка. — Кому это понадобилось привернуть кран?

Отвернули мы кран, стали поливать снова. Вдруг опять — стоп! — не течёт вода. Прибегаем на кухню, снова никого нет, а кран привёрнут.

И так несколько раз.

Наконец мы догадались поставить у крана стражу, и только после этого дело пошло на лад. Поздней ночью мы

кончили поливать каток, но так и не узнали, кто придумал это озорство с краном.

За ночь вода замёрзла крепко-накрепко. На следующий день состоялось торжественное открытие катка. Все ребята собрались вокруг. Лёд блестел что твоё зеркало. Мишка первый выехал на середину льда.

— Каток объявляю открытым! — закричал он и тут же шлёпнулся.

Все, как по команде, бросились на лёд, и пошло катание. Катались и на коньках и без коньков. Все смеялись и падали. Коньки звенели и с шипением резали лёд. Катались даже те, которые не строили катка, но мы им не запрещали. Хотелось, чтоб в такой день все были радостные и счастливые.

Даже многие взрослые вышли во двор и смотрели на наше веселье. А управдом Дмитрий Савельевич тоже пришёл и сказал:

— Вот куплю себе коньки и буду приходить по вечерам кататься. Вспомню молодость!

Потом он на самом деле купил коньки и часто ночью, когда ребята уже давно спали, приходил и катался на нашем катке. Настолько хороший человек оказался, что хотелось написать о нём в газету!

Наш каток был хороший, большой и крепкий. Про него ничего нельзя было сказать плохого. Но скоро катающихся оказалось так много, что всем не хватало места. И вот Мишка, чтоб разгрузить каток, придумал меру: у кого двойка — не пускать на каток, пока не исправит. С тех пор каждый, кто приходил кататься, должен был показать свой дневник. Некоторым двоечникам пришлось подтянуться.

Кончилось дело тем, что Мишка сам схватил двоечку по русскому языку. Уж очень он увлёкся катанием. После школы он даже не пошёл на каток. Ему стыдно было показывать свой дневник ребятам.

В этот день на катке шла игра в хоккей. Многие взрослые пришли посмотреть на нашу игру. Все глядели на нас, и никто не ругался. Даже тётя Даша смотрела и ласково улыбалась. Она была довольна, что её маленький Шурик играет

Коньки звенели и с шипением резали лёд.

вместе со старшими ребятами и никто не прогоняет его. Когда хоккейный мячик выскакивал с катка за бортик, она поднимала его и бросала обратно на лёд.

Вдруг Глебкина мама заметила, что среди играющих нет Мишки.

— Слушайте, где же Миша? — спросила она. — Строил, строил каток, а сам не катается. Может быть, он болен?

— Надо бы проведать его, — сказала Лёлькина мама.

Они обе решили пойти проведать Мишку. Я пошёл проводить их. Когда мы пришли, Мишка сидел за столом и делал уроки.

— Почему же ты, Миша, не катаешься? — спросила Глебкина мама.

Мишка сказал, что ему задали много уроков и сегодня он на каток не пойдёт.

— Ты хороший мальчик, — сказала Глебкина мама. — Это вы хорошее дело придумали — устроить каток.

А Лёлькина мама сказала:

— С катком и родителям стало гораздо спокойнее. В прошлую зиму моя Лёлочка каталась на улице и чуть не попала под автомобиль. В прошлом году все ребята катались на улице, а теперь их на улицу и калачом не заманишь. Все липнут к этому катку, как не знаю к чему!

Они поговорили между собой и ушли.

— Вот видишь! — сказал Мишка. — А помнишь, как все нас ругали, говорили — золой засыпят, не давали нам шланг, не давали воды! А теперь сами благодарят. Да ладно, — махнул он рукой. — Что с них спрашивать!

Мне было жалко, что Мишка не может пойти на каток. Я тоже решил не кататься в этот день, а вместо этого засесть за уроки, потому что и у меня кое-что было сильно запущено. Я пошёл домой и занимался до поздней ночи, сделал уроки как следует, а когда всё было выучено, я, вместо того чтоб лечь спать, нацепил коньки и вышел во двор.

Над нашим катком ярко горела лампочка. Вокруг стояли деревья с белыми, точно сахарными, веточками. Сверху падали крупные хлопья снега и мягко ложились на лёд. А среди этих хлопьев кружилась по катку маленькая фигурка. Я при-

смотрелся получше и увидел, что эта фигурка был просто Мишка. Он тоже, вроде меня, не мог прожить ни одного дня без катка.

Недавно в вечерней газете писали, что первым в этом сезоне открылся каток динамовцев на Петровке. Но это неправда! Первый каток в эту зиму был открыт у нас во дворе. Он начал работать на полторы недели раньше, чем каток на Петровке, только никто не догадался написать об этом в газету.

ВЕСЁЛАЯ СЕМЕЙКА

ПОВЕСТЬ

Важное решение

Это случилось после того, как взорвалась паровая машина, которую мы с Мишкой делали из консервной банки. Мишка слишком сильно нагрел воду, банка лопнула, и горячим паром ему обожгло руку. Хорошо, что Мишкина мама тут же намазала ему руку нафталиновой мазью. Это очень хорошее средство. Кто не верит, пусть сам попробует. Только мазать нужно сейчас же, как обожжёшься, пока не сошла кожа.

После того как машина лопнула, Мишкина мама запретила нам с ней возиться и выбросила её в мусорный ящик. Пришлось нам некоторое время слоняться без дела. Скука была смертельная. Началась весна. Снег таял повсюду. По улицам журчали ручьи. Солнышко уже по-весеннему светило в окна. Но ничто нас не радовало. Такой уж у нас с Мишкой характер — нам обязательно нужно какое-нибудь занятие. Когда нечего делать, мы начинаем скучать и скучаем до тех пор, пока не находим какого-нибудь дела.

Один раз я прихожу к Мишке, а он сидит за столом, носом уткнулся в какую-то книгу, голову обхватил руками и ничего на свете, кроме этой книги, не видит и даже не замечает, что я пришёл. Я нарочно хлопнул погромче дверью, чтобы он обратил на меня внимание.

— А, это ты, Николадзе! — обрадовался Мишка.

Он никогда не называл меня по имени. Вместо того чтобы сказать просто «Коля», он называет меня то Никола, то Микола, то Микула Селянинович, то Миклухо-Маклай, а один раз даже стал называть по-гречески — Николаки. Словом, что ни день, то новое имя. Но я не обижаюсь. Пусть себе зовёт, если ему так нравится.

— Да, это я, — говорю я. — А что это у тебя за книжка? Чего ты в неё вцепился, как клещ?

— Очень интересная книга, — говорит Мишка. — Я её сегодня утром в газетном киоске купил.

Я посмотрел: на обложке — петух и курица и написано «Птицеводство», а на каждой странице — какие-то курятники и чертежи.

— Что же тут интересного? — говорю я. — Это какая-то научная книжка.

— Вот и хорошо, что научная. Это тебе не какие-нибудь сказки. Тут всё правда. Это полезная книга.

Мишка такой человек — ему обязательно надо, чтоб от всего была польза. Когда у него бывают лишние деньги, он идёт в магазин и покупает какую-нибудь полезную книжку. Один раз он купил книгу, которая называется «Обратные тригонометрические функции и полиномы Чебышева». Конечно, он ни слова в этой книжке не понял и решил прочитать её

потом, когда немножко поумнеет. С тех пор эта книга лежит у него на полке — ждёт, когда он поумнеет.

Мишка отметил страницу, на которой читал, и закрыл книжку.

— Тут, брат, про всё есть, — сказал он, — как разводить кур, уток, гусей, индюков.

— Уж не собираешься ли ты разводить индюков? — спросил я.

— Нет, что ты! Просто интересно почитать про это. Оказывается, можно устроить такую машину — инкубатор, и цыплята сами будут выводиться, без курицы.

— Кто же этого не знает! — говорю я. — В прошлом году я был с мамой в колхозе и видел инкубатор. Там цыплята выводились каждый день штук по пятьсот или по тысяче. Их насилу успевали вынимать из инкубатора.

— Что ты говоришь! — удивился Мишка. — А я раньше не знал об этом. Я думал, что цыплат всегда высиживает курица. Когда мы жили в деревне, я видел, как наседка высиживает цыплат.

— Я тоже видел наседку. Но инкубатор гораздо лучше. Под наседку положишь десяток яиц — и всё, а в инкубатор можно заложить сразу тысячу.

— Я знаю, — говорит Мишка. — Здесь про это написано. И потом, пока курица сидит на яйцах и воспитывает цыплат, она не несёт яиц, а если цыплат высиживает инкубатор, курица всё время несётся, и яиц получается гораздо больше.

Мы стали высчитывать, сколько лишних яиц получится, если все куры не станут высиживать цыплат, а вместо этого будут нести яйца. Оказалось, что курица высиживает цыплат двадцать один день, потом она выращивает маленьких цыплат, так что пройдёт три месяца, прежде чем она снова начнёт нестись.

— Три месяца — это девяносто дней, — сказал Мишка. — Если бы курица не высиживала цыплат, она смогла бы снести за год на девяносто яиц больше. В каком-нибудь маленьком хозяйстве, где всего десять кур, за год получилось бы на девятьсот яиц больше. А если взять такое хозяйство, как колхоз или совхоз, где на птицеферме тысяча кур, то там полу-

чится на девяносто тысяч больше яиц. Подумать только — на девяносто тысяч!

Мы долго рассуждали о том, какая польза получается от инкубатора. Потом Мишка сказал:

— А что, если нам самим сделать маленький инкубатор, чтоб в нём вывелись из яиц цыплята?

— Как же мы это сделаем? — говорю я. — Ведь всё надо знать, как делать.

— Ничего хитрого нет, — говорит Мишка. — В книжке тут всё написано. Главное, чтобы яйца нагревались ровно двадцать один день подряд, и тогда из них выведутся цыплята.

Мне вдруг очень захотелось, чтоб у нас были маленькие цыплята, потому что я очень люблю всяких птиц и зверей. Осенью мы с Мишкой даже записались в кружок юннатов и работали в живом уголке, а потом Мишка придумал делать эту паровую машину, и мы перестали ходить на кружок. Витя Смирнов, который был у нас старостой, сказал, что вычеркнет нас из списка, если мы не будем работать, но мы сказали, что будем, и он не вычеркнул.

Мишка принялся рассказывать, как будет хорошо, когда у нас выведутся маленькие цыплята.

— Они будут такие хорошенькие! — говорил он. — Можно будет отгородить им угол на кухне, и пусть они там живут, а мы будем кормить их и ухаживать за ними.

— Но ведь придётся три недели возиться, пока они выведутся! — говорю я.

— Чего возиться? Сделаем инкубатор — они и выведутся.

Я задумался.

Мишка с беспокойством поглядывал на меня. Я видел, что ему очень хочется взяться поскорее за дело.

— Ну ладно! — говорю я. — Делать нам всё равно нечего, попробуем.

— Я так и знал, что ты согласишься! — обрадовался Мишка. — Я и сам взялся бы за это дело, да мне без тебя скучно.

Неожиданное препятствие

— Давай не будем делать инкубатор, а положим яйца в кастрюлю и поставим на печку, — предложил я.

— Что ты, что ты! — замахал Мишка руками. — Печка остынет, и тогда всё пропало. В инкубаторе должна быть всё время одинаковая температура — тридцать девять градусов.

— Почему тридцать девять?

— Потому что такая температура бывает у курицы, когда она сидит на яйцах.

— Разве у курицы бывает температура? — говорю я. — Температура бывает у человека, когда он болен.

— Много ты понимаешь! Температура есть у каждого человека — и у больного и у здорового, только у больного она повышается.

Мишка раскрыл книгу и стал показывать чертежи:

— Вот смотри, как настоящий инкубатор устроен. Здесь — бак с водой. От бака проведена трубка к ящику с яйцами. Внизу бак нагревается. Нагретая вода проходит по трубке и обогревает ящик с яйцами. Здесь вот градусник, чтоб можно было следить, какая температура.

— Постой, — говорю я, — где же мы возьмём бак?

— А зачем нам бак? Вместо бака возьмём консервную банку. Ведь нам небольшой инкубатор надо.

— А чем нагревать? — спрашиваю я.

— Нагревать можно керосиновой лампой. У нас где-то в сарае есть старая керосиновая лампа.

Мы пошли в сарай и стали рыться в куче рухляди, которая лежала в углу. Тут были старые ботинки, калоши, сломанный зонтик, очень хорошая медная трубка, множество бутылок и старых консервных банок. Мы перерыли всю кучу, но лампы там не было, а потом я увидел, что она стояла вверху на полке. Мишка полез и достал её. Лампа вся была покрыта пылью, но стекло было цело, а внутри оказался даже фитиль. Мы очень обрадовались, взяли лампу и медную трубку, выбрали самую хорошую консервную банку и потащили всё это на кухню.

Лампа горела исправно.

Сначала Мишка вычистил лампу, налил в неё керосину и попробовал зажечь. Лампа горела исправно. Фитилёк можно было подкручивать и делать пламя то больше, то меньше.

Мы потушили лампу и принялись мастерить инкубатор. Первым делом мы сколотили из фанеры большую коробку, чтобы в неё поместилось штук пятнадцать яиц. Эту коробку мы выложили внутри ватой, а поверх ваты обили ещё войлоком, чтобы яйцам было теплей. Сверху к коробке приделали крышку с дырочкой. В эту дырочку просунули градусник, чтобы следить за температурой.

После этого мы приступили к устройству нагревательного аппарата. Взяли консервную банку, просверлили в ней два круглых отверстия: одно — вверху, другое — внизу. К верхнему отверстию припаяли медную трубку, потом проделали в инкубаторе сбоку дырочку, просунули в неё трубку и согнули её так, чтобы она проходила внутри коробки, как будто паровое отопление. Конец трубки мы вывели наружу и припаяли к нижнему отверстию консервной банки.

Теперь нужно было устроить так, чтобы банку можно было нагревать снизу лампой. Мишка принёс на кухню фанерный ящик. Мы поставили его стоймя, прорезали в верхней стенке ящика круглую дырку и установили инкубатор так, чтобы консервная банка находилась как раз над дыркой. Лампу мы поставили в ящик снизу, чтоб она могла нагревать банку.

Наконец всё было сделано. Мы налили в банку воды и зажгли лампу. Вода в банке начала нагреваться. Она проходила по трубке и нагревала наш инкубатор.

Ртуть в градуснике стала подниматься и постепенно дошла до тридцати девяти градусов. Она, наверно, поднялась бы и выше, но тут пришла Мишкина мама.

— Почему керосином воняет? Что вы тут делаете? — спросила она.

— Инкубатор, — говорит Мишка.

— Какой инкубатор?

— Ну, чтоб цыплята вывелись.

— Какие ещё цыплята?

— Ну какие... Обыкновенные. Сюда, понимаешь, кладутся яйца, а вот тут, понимаешь, лампа...

— А лампа зачем?

— Как же по-твоему? Без лампы? Без лампочки ничего не получится.

— Нет, ты уж, пожалуйста, это оставь! Лампочка опрокинется, керосин загорится.

— Не загорится. Мы будем смотреть.

— Нет, нет! Что это ещё за игрушки с огнём! Мало тебе, что кипятком обварился, ещё хочешь пожар устроить?

Как ни просил Мишка маму, она не разрешила нам жечь керосиновую лампу.

— Вот тебе и вывели цыплят! — сказал Мишка с досадой.

Выход найден

В эту ночь я долго не мог заснуть.

Целый час я лежал в постели и думал об инкубаторе. Сначала я хотел попросить мою маму, чтоб она разрешила нам жечь керосиновую лампу, но потом понял, что и моя мама не позволит нам возиться с огнём, так как она очень боится пожара и всегда прячет от меня спички. К тому же Мишкина мама отняла у нас керосиновую лампу и ни за что не отдала бы обратно. Все давно уже спали, а я думал об этом и никак не мог заснуть.

Вдруг в мою голову пришла очень хорошая мысль: «А что, если нагревать воду на электрической лампочке?»

Я потихоньку встал, зажёл настольную лампу и приложил к ней палец, чтобы узнать, много ли от электрической лампочки получается тепла. Лампочка быстро нагрелась, так что палец невозможно стало держать. Тогда я снял со стены градусник и прислонил к лампочке.

Ртуть быстро поднялась и упёрлась в верхний конец, так что на градуснике не хватило даже делений. Значит, тепла получалось много.

Я успокоился и повесил градусник на место. Впоследствии, через некоторое время, мы обнаружили, что этот градусник стал врать и показывать неправильную температуру. Когда в комнате было прохладно, он почему-то показывал градусы

сорок жары, а когда становилось теплей, ртуть забиралась на самый верх и торчала там до тех пор, пока её не стряхивали. Меньше тридцати градусов жары он никогда не показывал, так что мы даже зимой могли бы прожить без отопления, если бы он не врал.

Может быть, это случилось оттого, что я прикладывал градусник к лампе? Не знаю.

На другой день я рассказал о своей выдумке Мишке.

Когда мы вернулись из школы, я выпросил у мамы старую настольную лампу, которая стояла у нас в шкафу, и мы решили попробовать нагревать воду электричеством. Мы поставили настольную лампу вместо керосиновой в ящик, а чтобы лампочка была поближе к банке с водой и лучше нагревала её, Мишка подложил под неё несколько книжек. Я включил электричество, и мы стали следить за градусником. Сначала ртуть в градуснике долго стояла на месте, и мы даже стали бояться, что у нас ничего не выйдет. Потом электрическая лампочка постепенно нагрела воду, и ртуть начала медленно подниматься кверху.

Через полчаса она поднялась до тридцати девяти градусов. Мишка от радости захлопал в ладоши и закричал:

— Ура! Вот она, настоящая куриная температура!.. Оказывается, электричество не хуже керосина.

— Конечно, — говорю, — не хуже. Электричество ещё даже лучше, потому что от керосина может случиться пожар, а от электричества ничего не получится.

Тут мы заметили, что ртуть в градуснике полезла выше и поднялась до сорока градусов.

— Стой! — закричал Мишка. — Стой! Смотри, куда она лезет!

— Надо как-нибудь остановить её, — говорю я.

— А как её остановишь? Если бы это была керосиновая лампа, можно было бы подкрутить фитилёк.

— Какой же тут фитилёк, когда это электричество!

— Никуда оно не годится, твоё электричество! — рассердился Мишка.

— Почему моё электричество? — обиделся я. — Оно такое же моё, как и твоё.

— Но это ведь ты выдумал нагревать электричеством. Смотри, уже сорок два градуса! Если так пойдёт, то все яйца сварятся и никаких цыплят не получится.

— Постой, — говорю я. — По-моему, надо лампочку опустить ниже, тогда она станет слабей нагревать воду и температура понизится.

Мы вытащили из-под лампы самую толстую книжку и стали смотреть, что будет. Ртуть медленно поползла вниз и опустилась до тридцати девяти градусов. Мы облегчённо вздохнули, и Мишка сказал:

— Ну, теперь всё в порядке. Можно начинать выводить цыплят. Сейчас я попрошу у мамы денег, а ты беги домой и тоже попроси денег. Мы сложимся вместе и купим в магазине десяток яиц.

Я побежал поскорей домой и стал просить у мамы денег на яйца.

Мама никак не могла понять, зачем мне понадобились яйца. Насилу я растолковал ей, что мы устроили инкубатор и хотим вывести цыплят.

— Да у вас ничего не выйдет, — сказала мама. — Шуточное ли дело — вывести без насадки цыплят! Вы только время потеряете даром.

Но я не отставал от мамы и всё просил.

— Ну хорошо, — согласилась мама. — А где же вы хотите покупать яйца?

— В магазине, — говорю я. — Где же ещё?

— Яйца из магазина для такого дела не годятся, — говорит мама. — Для цыплят нужны самые свежие яйца, которые курица недавно снесла, а из тех яиц, которые долго лежали, цыплята уже не выведутся.

Я вернулся к Мишке и рассказал ему, о чём говорила мне мама.

— Ах я разиня! — говорит Мишка. — Ведь и в книжке об этом написано. Совсем забыл!

Мы решили поехать на другой день в деревню к тёте Наташе, у которой мы жили в прошлом году на даче. У тёти Наташи свои куры, и мы были уверены, что достанем у неё самых свежих яиц.

На другой день

Вот как смешно получается в жизни! Ещё вчера мы и не думали никуда ехать, а на другой день мы уже сидели в поезде и катили в деревню к тётё Наташе. Нам хотелось поскорей привезти яиц и начать выводить цыплят. Поезд, как нарочно, тащился черепашёным шагом, и дорога нам показалась ужасно длинной. Это всегда так бывает: когда спешишь, то всё, как будто назло, делается медленно. Мы с Мишкой нервничали и боялись, что тётя Наташа куда-нибудь уйдёт и мы не застанем её дома.

Но всё обошлось благополучно. Тётя Наташа оказалась дома. Она очень обрадовалась нам и даже подумала, что мы уже приехали к ней на дачу.

— Да ведь у нас ещё каникулы не начинались, — говорит Мишка.

— Мы по делу приехали, — говорю я, — за яйцами.

— За какими яйцами?

— Ну, за обыкновенными, за куриными. Нам нужны свежие куриные яйца.

— Только и всего? — сказала тётя Наташа. — Неужели в городе негде купить яиц?

— Конечно, негде, — говорит Мишка. — Яйца-то в магазине есть, только они все несвежие.

— Как — несвежие? Не может быть, чтоб в магазинах продавали несвежие яйца!

— Почему же не может быть? — говорит Мишка. — Вот как только курица снесёт яйцо, ведь его не везут сейчас же в магазин, правда?

— Правда.

— Вот то-то и есть! — обрадовался Мишка. — Яйца собирают, чтоб получилось сразу много; может быть, целую неделю собирают, а то и две, и только тогда везут в магазин.

— Ну и что же? — говорит тётя Наташа. — Не могут же яйца за две недели испортиться.

— Как — не могут? У нас в книжке ясно написано, что если яйца пролежали больше десяти дней, то из них уже цыплята не выведутся.

— У вас тут небось всё есть: петухи, куры, гуси...

— Цыплята — это другое дело, — сказала тётя Наташа. — Для цыплят нужны самые свежие яйца, а в пищу годятся яйца, которые лежали и месяц и два... Вы ведь не собираетесь выводить цыплят?

— Почему не собираемся? Мы как раз собираемся. Затем и приехали, — говорю я.

— Как же вы будете их выводить? — спрашивает тётя Наташа. — Для этого ведь наседка нужна.

— А мы без наседки — мы инкубатор сделали.

— Инкубатор сделали? Вот чудеса! Да зачем вам инкубатор понадобился?

— Ну, чтоб цыплят выводить.

— А цыплята зачем?

— Так просто, — говорит Мишка. — Без цыплят как-то скучно... У вас тут небось всё есть: петухи, куры, гуси, коровы, свиньи, а у нас ничего нет.

— Потому что у нас тут деревня. А в городе кто же станет коров держать?

— Ну, коров, конечно, никто не станет, а вот мелкую какую-нибудь скотину, наверно, можно.

— В городе и с мелкой скотиной замучишься! — засмеялась тётя Наташа.

— Почему — замучишься? — говорит Мишка. — У нас в доме один человек живёт и держит птиц. У него в клетках разные птицы живут: чижики, канарейки, щеглы и даже скворцы.

— Ну, так у него птицы в клетках сидят. Разве вы станете держать цыплят в клетках?

— Нет, цыплят можно держать просто на кухне. Уж мы подыщем им хорошее место. Только вы дайте нам самых хороших яиц, самых что ни на есть свежих, потому что из плохих яиц цыплята не выведутся.

— Дам, дам, — сказала тётя Наташа. — Уж я знаю, какие вам яйца нужны: такие, что под наседку кладут. У меня недавно занесли куры, так что яйца будут самые свежие.

Тётя Наташа пошла на кухню и отобрала полтора десятка яиц. Все они были как на подбор: чистенькие, беленькие, без единого пятнышка. Сразу видно, что самые свежие. Она

положила яйца в корзинку, которую мы привезли с собой, а сверху накрыла тёплым платком, чтоб они не простудились в дороге.

— Желаю вам успеха! — сказала тётя Наташа.

На дворе уже стало темнеть, и мы с Мишкой поспешили обратно на станцию.

Домой мы вернулись в двенадцатом часу ночи. Мама принялась бранить меня за то, что я задержался так поздно. Мишке тоже досталось от его мамы. Но это всё ничего! Досаднее всего было то, что в этот день мы уже не могли начать выводить цыплят. Пришлось это дело отложить на завтра.

Начало

На другой день, вернувшись из школы, мы принесли на кухню корзину и уложили яйца в инкубатор. Места оказалось достаточно, даже ещё немного осталось.

Мы накрыли инкубатор крышкой, вставили в отверстие градусник и уже хотели зажечь лампу, но тут Мишка сказал:

— Надо подумать, всё ли мы правильно сделали. Может быть, сначала надо нагреть инкубатор, а потом класть в него яйца?

— Вот этого я уж не знаю, — говорю я. — Надо почитать. Наверно, в книге написано.

Мишка взял книгу и стал читать. Читал, читал, потом говорит:

— Ты знаешь: мы чуть не задушили их!

— Кого?

— Яйца. Они, оказывается, живые.

— Что ты! Яйца живые? — удивился я.

— Правда, правда! Вот почитай: «Яйца — это живые существа. Только жизнь не заметна в них. Она как будто дремлет внутри яйца. Но, если яйцо начать нагревать, жизнь пробуждается, и внутри яйца станет развиваться зародыш, который постепенно превращается в маленького птенца. Как и все живые существа, яйца дышат...» Понял? Мы с тобой дышим, и яйца дышат.

— Сказки! — говорю я. — Мы с тобой дышим ртом, а яйца чем дышат? Где у них рот?

— Мы с тобой дышим не ртом, а лёгкими, — говорит Мишка. — Воздух попадает к нам в лёгкие через рот, а яйца дышат прямо через скорлупу. Воздух проходит сквозь скорлупу, и они дышат.

— Ну и пусть себе дышат, — говорю я. — Разве мы не даём им дышать?

— Да как же они могут дышать в коробке? Ведь при дыхании выделяется углекислый газ. Если ты залезешь в коробку и тебя в ней закрыть, то от твоего дыхания в коробке накопится много углекислого газа, и ты задохнёшься.

— Зачем же я полезу в коробку? Очень мне нужно задыхаться! — говорю я.

— Конечно, ты не полезешь... А яйца-то мы куда кладём? В коробку. Вот они и задохнутся в коробке.

— Что же нам делать?

— Надо устроить вентиляцию, — говорит Мишка. — В настоящих инкубаторах всегда делают вентиляцию.

Мы осторожно вынули из коробки все яйца и сложили их в корзину. Потом Мишка принёс сверло и провертел в инкубаторе несколько маленьких дырочек, чтобы углекислый газ мог выходить наружу.

Когда всё было сделано, мы уложили яйца обратно в коробку и снова накрыли крышкой.

— Постой, — говорит Мишка. — Мы ведь так и не узнали, что нужно сделать сначала: нагреть инкубатор или положить яйца.

Он снова принялся читать книжку. Потом говорит:

— Опять у нас чепуха получается. Тут написано, что в инкубаторе должен быть влажный воздух, потому что если воздух будет сухой, то из яиц сквозь скорлупу будет испаряться много жидкости и зародыши могут погибнуть. В инкубатор всегда помещают сосуды с водой. Вода испаряется из сосудов, и воздух становится влажным.

Мы снова вынули из инкубатора яйца и решили поставить в него два стакана с водой. Но стаканы оказались слишком высокими, и крышка не закрывалась. Мы стали искать

какую-нибудь другую посуду, но ничего подходящего не было. Тут Мишка вспомнил, что у его младшей сестрёнки Майки есть игрушечная деревянная посуда, и говорит:

— Может быть, взять у Майки чашки от этой посуды?

— Верно! — говорю я. — Тащи!

Мишка разыскал Майкину посуду и взял четыре деревянные чашки. Они оказались подходящими. Мы налили в них воды и поставили в инкубатор — в каждый угол по чашке — и стали укладывать яйца. Но теперь чашки заняли место, и все яйца не помещались. Укладывалось только двенадцать яиц, а три яйца никак не помещались.

— Ну ладно, — говорит Мишка. — Хватит с нас двенадцати цыплят. Куда нам больше? На них одного корма сколько понадобится.

Тут пришла Майка, увидела у нас свои чашки и подняла крик.

— Послушай, — говорю я, — мы ведь не навсегда берём. Через двадцать один день отдадим обратно, а за это, если хочешь, подарим тебе три яйца.

— Зачем мне яйца? Они пустые!

— Нет, не пустые. Они с желтком и с белком — всё как следует.

— Если б они с цыплятами были!

— Ну, мы подарим тебе одного цыплёнка, когда выведутся.

— А не обманете?

— Нет, не обманем.

Майка согласилась, и мы её выпроводили.

— Теперь иди себе, — говорим, — нам надо заниматься делом. Мы тут и без тебя не разберёмся, с чего начинать: то ли положить в инкубатор яйца, а потом нагревать, то ли сначала нагреть, а потом положить.

Мишка снова засел за книжку и вычитал, что можно делать и так и так.

— Тогда включай электричество, и приступим к делу, — говорю я.

— Даже как-то приступать страшно, — говорит Мишка. — Включай лучше ты: я несчастливый.

— Почему же это ты такой несчастливый?

— Мне не везёт в жизни. Я за какое дело ни возьмусь, обязательно неудача будет.

— У меня ведь тоже всегда неудачи, — говорю я.

Мы стали припоминать разные случаи из нашей жизни, и оказалось, что мы оба страшные неудачники.

— Нельзя нам начинать такое дело, — говорит Мишка, — всё равно ничего не выйдет.

— Может быть, позвать Майку? — предложил я.

Мишка позвал Майку:

— Слушай, Майка, ты счастливая?

— Счастливая.

— У тебя какие-нибудь неудачи были в жизни?

— Не было.

— Вот это хорошо! Видишь в ящике лампочку, которая стоит на книжках?

— Вижу.

— Ну-ка, подойди и поверни выключатель.

Майка подошла к инкубатору и зажгла лампу.

— А теперь что? — спрашивает.

— А теперь, — говорит Мишка, — уходи-ка отсюда и не мешай нам.

Майка обиделась и ушла. Мы поскорее накрыли инкубатор крышкой и стали следить за градусником. Сначала ртуть в градуснике стояла на восемнадцати градусах, потом медленно стала двигаться вверх, добралась до двадцати градусов, полезла немножко быстрее, добралась до двадцати пяти градусов, потом — до тридцати, потом стала двигаться медленнее. За полчаса она поднялась до тридцати шести градусов и застыла на месте. Я положил под лампу ещё одну книжку, и ртуть снова начала подниматься. Она долезла до тридцати девяти градусов, но не остановилась на месте, а полезла ещё выше.

— Стоп! — сказал Мишка. — Смотри: сорок градусов! Ты слишком толстую книжку подложил.

Я поскорее вынул эту книгу и положил другую, потоньше.

Ртуть в градуснике постояла на месте и начала опускаться. Опустилась до тридцати девяти градусов и поехала ещё ниже.

— А эта книжка слишком тонкая, — говорит Мишка. — Сейчас я тетрадку принесу.

Он быстро принёс тетрадь и сунул её под лампу. Ртуть стала опять подниматься, дошла до тридцати девяти градусов и остановилась.

Мы не отрываясь смотрели на градусник. Ртуть спокойно стояла на месте.

— Ну вот, — прошептал Мишка, — теперь такая температура должна держаться двадцать один день. Удержим?

— Удержим, — говорю я.

— Смотри, если не удержим, то всё пропало.

— Почему не удержим? Удержим!

Мы сидели возле инкубатора до конца дня. Даже уроки стали делать на кухне. Градусник всё время исправно показывал тридцать девять градусов.

— Хорошо идёт дело! — радовался Мишка. — Если всё обойдётся благополучно, то через двадцать один день у нас будут цыплята. Целых двенадцать штук. Весёлая будет семейка!

Температура падает

Не знаю, как остальные ребята, но я в воскресенье люблю подольше поспать. В школу не нужно идти, спешить некуда. Раз в неделю можно поваляться в постели. Ничего плохого в этом нет, я думаю. Как раз на другой день было воскресенье, но я почему-то проснулся рано. Солнышко ещё не взошло, но на дворе уже было светло. Я решил полежать ещё немного и вдруг вспомнил про инкубатор. Меня как будто подбросило на постели.

Я быстро оделся, побежал к Мишке и принялся звонить у двери. Мишка сейчас же отворил дверь и зашипел на меня:

— Тссс! Всех перебудишь! Утро, а он тут трезвонит как угорелый.

Он был ещё не одет: в нижней рубашке и босиком.

— Но ведь ты уже встал? — говорю я.

— «Встал»! — буркнул Мишка. — Ещё и не ложился.

— Почему?

— Да всё из-за него, из-за инкубатора.

— А что с ним случилось?

— Да всё падает.

— Почему же он падает? Мы ведь его прочно установили.

— Да не инкубатор падает, голова! Температура, говорю, падает.

— А температура почему падает? — спрашиваю я у Мишки.

— Спроси у неё! Я лёг спать, всё было в порядке, только я долго не мог заснуть. Всё лежал и мечтал о цыплятах. Потом думаю: «Дай-ка пойду посмотрю, как там инкубатор работает». Прихожу на кухню, смотрю... Батюшки-матушки — тридцать восемь с половиной градусов! Я поскорей подложил под лампу ещё одну тетрадку. Подождал. Температура поднялась до тридцати девяти градусов. «Ну, думаю, хорошо, что я не заснул, а то погибли бы наши цыплята». Решил посмотреть, что дальше будет. Сажу, значит, жду. Час, значит, жду, два жду — температура нормальная держится. Мне надоело, понимаешь, без дела сидеть. Взял я книжку и стал читать потихоньку. Зачитался и забыл про градусник. Вдруг смотрю — снова тридцать восемь с половиной градусов. Опять на полградуса упала! Я скорее ещё одну тетрадку под лампу. Температура опять выровнялась. Вот видишь, сейчас пока держится, а что дальше будет, не знаю.

— Ты теперь ложись спать, а я пока подежурю у инкубатора, — предложил я.

— Куда теперь спать! — говорит Мишка. — Уже на дворе утро.

Он вернулся потихоньку в комнату, принёс свою одежду и принялся одеваться. Надел брюки, рубашку, зашнуровал ботинки, потом лёг на кушетку и захрапел. «Ну, — думаю, — пусть поспит. Человек ведь не может так, чтоб совсем не спать». Я уселся возле инкубатора и стал следить за градусником.

Потом мне стало скучно, я взял книжку про птицеводство и стал читать, как нужно следить за инкубатором. В книжке говорилось о том, что если яйца будут лежать в инкубаторе неподвижно, то зародыши в них могут прилипнуть внутри к

скорлупе. От этого получаются кургузые, кривобокие, недоразвитые цыплята и даже задохлики, то есть совсемдохлые. Для того чтобы зародыши не прилипали внутри к скорлупе, яйца в инкубаторе нужно через каждые три часа переворачивать на другую сторону.

Я поскорее открыл инкубатор и начал переворачивать яйца на другой бок.

Тут Мишка проснулся, увидел, что я открыл инкубатор, и как закричит:

— Ты что там делаешь, а?

Я испугался от неожиданности и чуть не уронил яйцо.

— Ничего, — говорю.

— Как — ничего? Ты зачем инкубатор открыл? Сказано тебе, что нужно двадцать один день ждать! Может быть, ты думаешь, что цыплята на другой день выведутся?

— Ничего я не думаю... — говорю я и хочу объяснить, что яйца нужно переворачивать через каждые три часа.

Но Мишка ничего слушать не хочет и орёт во всё горло:

— Закрой, говорят! Что за наказание! Уж на минуточку заснуть нельзя! Чуть только заснёшь, так он сейчас же в инкубатор лезет, чтоб посмотреть на яйца!

— Да зачем мне на них смотреть? — говорю я.

Тут Мишка подскочил и закрыл крышку, но я всё же успел перевернуть все яйца. На крик пришли Мишкины папа и мама.

— Что тут за шум? — спрашивают.

— Да вот этот умник открыл инкубатор, — говорит Мишка.

Тут я стал объяснять, что нужно переворачивать яйца, так как могут получиться задохлики.

— Какие задохлики? — кричит Мишка. — Почему у курицы не получаются задохлики?

— Курица всегда переворачивает яйца, когда высиживает цыплят. — сказала Мишкина мама.

— Откуда она знает, что яйца нужно переворачивать? Курица глупая, — говорит Мишка.

— Не такая уж глупая, — ответила мама.

Мишка задумался.

— А я ведь и сам видел, как наседка переворачивала яйца! — сказал наконец он. — То-то я думал, зачем она ворочает их своим носом?

Мишкин папа засмеялся.

— Эх, ты! — сказал он. — Разве у курицы нос?

— Ну клюв. Какая разница — нос или клюв?

Температура повышается

Часам к десяти ртуть в градуснике почему-то поднялась на полградуса, так что на этот раз нам пришлось вытащить одну тетрадку и опустить лампу.

— Что за история с этой температурой? — удивлялся Мишка. — Ночью она всё опускалась, а теперь почему-то полезла вверх.

До обеда нам ещё раз пришлось опустить лампу, так как температура опять повысилась.

После обеда Мишка прилёг на кушетке и снова заснул. Мне было скучно одному сидеть — я принёс свой альбом для рисования и принялся рисовать Мишку, как он спит на кушетке. Спящих легче всего рисовать, потому что они лежат спокойно и не шевелятся.

Тут к нам пришёл Костя Девяткин. Он увидел, что Мишка спит, и спрашивает:

— Что это у него, сонная болезнь?

— Нет, — говорю, — это он так просто спит.

Костя принялся тормошить Мишку за плечо и как закричит:

— Вставать пора!

Мишка вскочил как ошпаренный.

— А? Что? Уже утро? — спрашивает.

— Какое утро? — засмеялся Костя. — Скоро вечер уже. Вставай скорее, пойдём гулять. Посмотри, солнышко светит! Весна! И воробьи поют.

— Нам гулять теперь некогда. У нас дело, — говорит Мишка.

— Какое дело?

— Солнышко светит! Весна! И воробьи поют.

— Очень, брат, важное дело.

Мишка подошёл к инкубатору, взглянул на градусник и как закричит на меня:

— А ты что тут сидишь, как коза на базаре? Не видишь, что делается!

Я посмотрел на градусник — опять тридцать девять с половиной градусов!

Мишка поскорее понизил лампу.

— Если б я не проснулся, ты, наверно, до сорока бы догнал! — продолжал кричать он.

— Я же не виноват, что ты спишь всё время.

— А я виноват, что я ночью не спал?

— Ну и я, — говорю, — не виноват.

Костя увидел инкубатор и спрашивает:

— Что это вы, опять паровую машину делаете?

— Что ты! Разве паровая машина такая?

— А что это?

— Угадай.

— Гм... — сказал Костя и почесал затылок. — Наверно, паровая турбина.

— Нет, не угадал.

— Ну, тогда какой-нибудь реактивный двигатель.

Мы с Мишкой рассмеялись:

— Сто лет будешь гадать — не догадаешься!

— Что же это такое?

— Инкубатор.

— Ах, инкубатор! Вот оно что! А что он делает, этот инкубатор?

— Как — что? — удивился Мишка. — Цыплят выводит.

— А, понимаю, понимаю! Из чего же он их выводит?

— «Из чего»! — фыркнул презрительно Мишка. — Из яиц, конечно. Из чего же ещё?

— Ах, из яиц! Ну конечно! Он вместо курицы их высиживает. Это я знаю, только я думал, что он не инкубатор, а индюкатор или курбюратор — забыл, как называется. Он, значит, называется инкубатор... А где же яйца?

— Яйца вот здесь, в коробке.

— А ну покажи.

— Ну, уж если каждому показывать, то наверняка никаких цыплят не получится! Подожди, когда наступит время переворачивать яйца, тогда и увидишь.

— Когда же вы будете переворачивать?

Мы с Мишкой стали высчитывать, и оказалось, что яйца нужно будет переворачивать в восемь часов вечера.

Костя остался ждать. Мишка принёс шахматы, и мы стали играть. Только если сказать по правде, то играть втроём в шахматы — это самое последнее дело, потому что играть могут только двое, а третий сидит и подсказывает то одному, то другому. Из этого никогда ничего хорошего не получается. Если ты выиграешь, то тебе говорят, что ты выиграл потому, что тебе помогали. А если проиграешь, то над тобой смеются и говорят, что ты проиграл, несмотря на то что тебе подсказывали. Нет, лучше всего играть в шахматы вдвоём, когда никто не мешает.

Наконец пробило восемь часов. Мишка открыл инкубатор и стал переворачивать яйца. Костя сосчитал их и говорит:

— Одиннадцать яиц. Значит, одиннадцать цыплят будет?

— Как — одиннадцать? — удивился Мишка. — Ведь было двенадцать! Неужели одно яйцо кто-то стащил? Что за наказание! Не успеешь заснуть, как яйцо стащат!.. А ты что тут смотрел? — набросился он на меня.

— Да я, — говорю, — никуда не уходил. Надо пересчитать: может, Костя просто ошибся.

Мишка принялся пересчитывать яйца, и у него получилось тринадцать.

— Ну вот! — заворчал он. — Теперь даже лишнее одно оказалось. Кто его сюда сунул?

Тогда я сосчитал яйца, и получилось ровно двенадцать.

— Эх, вы, — говорю, — арифмометры! Двенадцать яиц сосчитать не могут!

— Пойдите, — говорит Мишка. — Совсем вы меня запутали! Я одно яйцо не перевернул, только не помню какое.

Он задумался, а тут прибежала Майка, высмотрела в инкубаторе самое большое яйцо и говорит:

— Вот из этого вот яйца когда выведется цыплёнок, мой будет.

Мишка рассердился и вытолкнул её за дверь:

— Если ты ещё хоть раз придёшь мешать нам, никакого цыплёнка не получишь!

Майка расхныкалась:

— Там мои чашечки стоят! Я имею право смотреть!

— Вот я тебе покажу, какое у тебя право! — сказал Мишка и закрыл дверь.

— Что же теперь делать? — говорю я. — Может, снова перевернуть все яйца?

— Нет, лучше не надо, а то перевернём опять на ту сторону, на которой они уже лежали. Пусть лучше одно неперевернутое лежит. В следующий раз надо внимательнее быть.

— А вы поставьте на яйцах отметки, вот и будет видно, какое яйцо перевернуто, какое нет, — предложил Костя.

— Какие ещё отметки? — спросил Мишка.

— Поставь просто крестики.

— Нет, я лучше номера напишу.

Мишка взял карандаш и написал на всех яйцах номера — от первого до двенадцатого.

— Теперь, когда будем переворачивать, все номера будут снизу, а в следующий раз номера опять будут сверху. Так и пойдёт без ошибок, — сказал Мишка и закрыл инкубатор.

Костя собрался уходить. Мишка ему говорит:

— Только ты в школе никому не рассказывай, что у нас инкубатор.

— Почему?

— Ребята станут смеяться.

— Что ж тут смешного? Инкубатор — очень полезная вещь. Над чем тут смеяться?

— Знаешь, какие ребята: скажут — мы, как наседки, высиживаем цыплят. А вдруг ничего не выйдет? Тогда совсем засмеют.

— Почему же не выйдет?

— Мало ли что может случиться... Это ведь трудное дело. Может быть, мы что-нибудь не так делаем. Так что ты помолчи.

— Ладно, — ответил Костя. — Не беспокойтесь, я буду молчать как рыба.

Майна дежурная

— Ну как, всё в порядке? — спросил я на следующее утро Мишку.

— В порядке. Только температура опять всю ночь понижалась.

— Ты опять, значит, всю ночь не спал?

— Нет. Теперь я стал хитрый! Я положил под подушку будильник, и он меня будил через каждые три часа.

— Почему же температура понижалась? Днём она повышалась, — говорю я.

— Я знаю, в чём дело, — говорит Мишка. — Ночью всегда прохладнее, и инкубатор охлаждается больше, а днём становится теплее, поэтому днём температура повышается, а ночью понижается.

— Как же нам быть? — спрашиваю я. — Мы ведь в школу уйдём. Кто будет следить за градусником?

— Может быть, попросить Майку?

Мишка позвал Майку, и мы стали просить её, чтобы она подежурила у инкубатора, пока мы будем в школе.

— Вчера за дверь вытолкали, а сегодня сами просите! Вот не буду дежурить! — сказала Майка.

— Послушай, — говорю я, — ведь цыплята погибнут. И твой цыплёнок погибнет. Мы ведь не для себя просим, а для цыплят.

Тогда она согласилась. И я принялся объяснять ей, что нужно делать.

— Вот это градусник, — сказал я. — Ртуть должна стоять точно на тридцати девяти градусах. Вот видишь две цифры: три и девять. Запомнишь?

— Запомню.

Чтоб она не забыла, я взял красный карандаш и отметил на градуснике, где должна находиться ртуть.

— Смотри хорошенько, не напутай, — говорю я. — Как только ртуть поднимется хоть чуточку выше, ты сейчас же вытащи из-под лампы одну тетрадку, тогда лампа опустится и ртуть тоже опустится в градуснике. Понятно?

— Понятно.

После этого я научил её переворачивать яйца и велел, как только пройдёт одиннадцать часов, открыть инкубатор и перевернуть все яйца.

Майка всё поняла. Я заставил её повторить задание. Она повторила всё правильно, и мы с Мишкой отправились в школу.

— Ну как, инкубатор действует? — спросил Костя, как только мы пришли в класс.

— Тише! — зашипел на него Мишка и оглянулся по сторонам.

— Да я ведь шёпотом спрашиваю.

— «Шёпотом, шёпотом»! — проворчал Мишка. — Орёт на весь класс.

— Ну молчу, молчу... А может быть, можно рассказать ребятам, а?

— Я тебе расскажу! Тогда и не приходи к нам. Мы тебе по дружбе сказали, а ты...

— Ну молчу, молчу. Знаешь, что я придумал? Я скажу на уроке естествознания Марье Петровне, что вы устроили инкубатор. Марья Петровна похвалит вас.

— Попробуй только! Ведь сейчас же все ребята услышат.

— Ну молчу, молчу. Как рыба молчу!

Костя зажал рот рукой и отошёл. Видно было, что язык у него так и чешется и ему хочется рассказать кому-нибудь про наш инкубатор.

Начались уроки. Мишка всё волновался. Ни минуты не мог посидеть спокойно.

— А вдруг Майка без нас что-нибудь спутает?

— Что ж она может спутать?

— Ну, не уследит за градусником.

— Я ведь ей всё хорошо объяснил.

— А вдруг ей надоест сидеть дома и она пойдёт гулять?

— Зачем же она пойдёт, раз обещала сидеть?

— А вдруг она вытащит из инкубатора свои чашки?

— Не вытащит.

— А вдруг лампочка перегорит? Что тогда делать?

На уроке естествознания Марья Петровна услышала, что мы с Мишкой всё время разговариваем, и рассадил нас на

разные парты. Мишка сидел мрачный как туча и поглядывал на меня с другого конца класса. А тут Костя приложил ко рту руку и громко прошептал:

— Слушай! Я скажу Марье Петровне про инкубатор.

Мишка заёрзал на своём месте и прошипел:

— Вот я тебе скажу, изменник!

Но Костя уже поднял руку.

— Что ты хочешь сказать? — спросила Марья Петровна.

Мишка пригрозил Косте кулаком.

— Марья Петровна, а что такое инкубатор? — задал вопрос Костя.

Марья Петровна начала рассказывать про инкубатор. Она сказала, что люди уже давно научились выводить цыплят без наседок, нагревая до определённой температуры яйца. Ещё в древнем Египте и Китае, две тысячи лет назад, люди устраивали инкубаторы и выводили цыплят. Учёные, делая раскопки, находят в земле помещения, в которых древние египтяне устраивали свои инкубаторы. Конечно, тогда инкубаторы были небольшие и цыплят в них выводилось немного, но теперь у нас есть такие инкубаторы, в которые закладывают по несколько тысяч яиц.

— А у меня есть два знакомых мальчика, — сказал Костя. — Они сами сделали инкубатор. Как вы думаете, выведутся у них цыплята или нет?

— В самодельном инкубаторе получить цыплят можно, только это очень трудное дело, — сказала Марья Петровна. — В фабричных инкубаторах есть разные приспособления, которые регулируют температуру и влажность, а если инкубатор самодельный, то за всем надо внимательно следить. Если ребята старательные и дисциплинированные, то цыплята у них выведутся, а если такие, как наши Миша и Коля, то ничего не получится.

— Почему это у нас не получится? — не выдержал Мишка.

— Потому что вы недисциплинированные: даже в классе не можете как следует посидеть, — сказала Марья Петровна и стала продолжать урок.

После уроков нас задержал Митя Смирнов и сказал, чтоб мы шли дежурить в живом уголке.

— Что ты, что ты! — замахал Мишка руками. — Какой там живой уголок! Нам некогда.

— Вам всегда некогда! Записались в кружок, а не ходите. Сейчас самое горячее время. Весна! Надо скворечни делать.

— Мы потом будем делать скворечни.

— Когда — потом? Скоро прилетят птицы.

— Не прилетят.

— Как так — не прилетят? Птицы не станут вас ждать.

— Ну немножечко-то подождать можно, — сказал Мишка. И мы побежали домой.

Дома всё оказалось в порядке. Лампочка не перегорела, температура была нормальная.

Майка исправно сидела у инкубатора. Мы похвалили её и отпустили гулять.

Всё пропало

С тех пор у нас потекла настоящая трудовая жизнь. Днём и ночью нужно было следить за температурой и каждые три часа переворачивать яйца. Вода в консервной банке и деревянных чашечках быстро испарялась, так что часто приходилось подливать свежую воду. Дело как будто нетрудное, но всё время приходилось быть настороже. Как только зазеваешься, так сейчас же что-нибудь случится: или температура подскочит, или забудешь перевернуть яйца. Нельзя было ни на минуту забывать об инкубаторе.

Особенно трудно приходилось Мишке, потому что ему нужно было следить за инкубатором ночью. От этого он не высыпался и по целым дням ходил сонный, как осенняя муха. После обеда он часто засыпал на кушетке в кухне, и я всегда рисовал его, пока он спал.

Так прошло пять дней и пять ночей. На шестой день Мишка не выдержал и нечаянно заснул на уроке. За это ему досталось от Надежды Викторовны, и весь класс над ним смеялся.

Конечно, Мишке было обидно. Каждый любит посмеяться над кем-нибудь, но никто не любит, когда смеются над ним самим.

Всё было бы ничего, но как раз в этот день я принёс в школу свой альбом, чтобы показать ребятам, как я рисую. Ребята увидели рисунки и догадались, что у меня нарисован Мишка, который спал в самых разных позах: и лёжа, и сидя, и чуть ли не стоя.

— Да ты у нас прямо чемпион по спанью! — сказал Мишке Лёша Курочкин.

— Мировой рекордсмен! — подхватил Сеня Бобров. — Спит, как лошадь, двадцать четыре часа в сутки!

Альбом пошёл по рукам. Все рассматривали его и помирали со смеху.

— Ты зачем притащил сюда этот идиотский альбом? — напустился на меня Мишка.

— Откуда же я знал, что ребята станут смеяться? — говорю я.

— Не знал! Нарочно, должно быть, подстроил, чтоб надо мной весь класс потешался! Хорош друг! Знать тебя не хочу больше!

— Честное слово, я не нарочно! Если б я знал, что так выйдет, не рисовал бы тебя, — оправдывался я.

Но Мишка дулся на меня весь день. Вечером он сказал:

— Вот возьми инкубатор и подежурь ночью, тогда узнаешь, как рисовать на меня карикатуры.

— Ну что же, — говорю я, — ты уже пять ночей отдежурил, теперь я отдежурю пять ночей. Будем дежурить по очереди.

Мы перенесли инкубатор ко мне, и с тех пор начались мои мучения.

С вечера я клал под подушку будильник, и ночью он начинал мне в самое ухо трещать. Я вставал, как лунатик, шёл на кухню, проверял температуру, переворачивал яйца и возвращался обратно. Часто я не мог сразу заснуть и долго ворочался на постели, а как только начинал засыпать, будильник снова трещал, и я готов был разбить его вдребезги, чтоб он не мешал мне спать. Каждое утро я просыпался измученный и насилу вставал с постели. Одевался, как будто во сне, и даже не понимал, что я делаю: штаны начинал надевать через голову, рубашку напяливал вместо штанов.

Один раз я даже перепутал ботинки и надел на правую ногу левый ботинок, а на левую — правый и в таком виде явился в класс.

Ребята заметили это и стали смеяться. Пришлось мне переобуваться во время урока.

Но самое большое несчастье произошло на десятую ночь. То ли я забыл завести будильник, то ли не слышал, как он прозвонил. С вечера я лёг и проснулся утром, когда было уже совсем светло. Сначала я даже не понял, что случилось, потом вспомнил, что ни разу не вставал ночью, и как ошпаренный бросился к инкубатору. Градусник показывал тридцать семь градусов. На целых два градуса меньше, чем нужно! Я поскорее сунул под лампу пару тетрадей и тут же подумал:

«Зачем я это делаю? Всё равно яйца остыли, и теперь, наверно, уже всё пропало! Десять дней мы трудились без отдыха; в яйцах, должно быть, развились большие зародыши, а теперь вот я всё это погубил!»

От досады мне хотелось отколотить самого себя, и я стукнул себя кулаком по макушке.

Ртуть в градуснике медленно поднималась и постепенно дошла до тридцати девяти градусов. Я печально смотрел на градусник и размышлял про себя:

«Ну вот, температура нормальная, яйца снаружи такие же, как и прежде, а внутри в них уже, наверно, нет жизни, и никогда из них не выведутся цыплята!»

Потом я стал думать, что, может быть, ничего опасного не случилось. Может быть, зародыши ещё не успели погибнуть. Но как узнать об этом? Единственный способ узнать это — продолжать нагревать яйца, и, если на двадцать первый день из них не выведутся цыплята, значит, они погибли. А может быть, они и не погибли. Об этом я узнаю только через одиннадцать дней.

«Вот тебе и получилась весёлая семейка! — горевал я. — Вместо двенадцати цыплят, наверно, ни одного не будет!»

Тут пришёл Мишка. Он посмотрел на градусник и весело сказал:

— Красота! Температура нормальная. Дело чудесно идёт! Теперь моя очередь по ночам дежурить.

— Нет, лучше я сам буду дежурить, — говорю я. — Зачем тебе мучиться напрасно?

— Почему — напрасно?

— А вдруг цыплята не выведутся?

— Ну что ж, если не выведутся... Не должен же ты один мучиться: раз мы друзья, то всё пополам.

Я не знал, что сказать Мишке. У меня не хватило смелости ему признаться, и я решил молчать, хотя это, конечно, свинство.

Сбор отряда

Костя ежедневно заходил к нам, а потом рассказывал ребятам, как идёт дело с высиживанием цыплят. Только он не говорил, что это мы с Мишкой устроили инкубатор. Он сочинил, что это какие-то другие ребята, из другой школы.

Однажды Витя Смирнов сказал:

— Ты бы познакомил меня с этими ребятами.

— А зачем тебе?

— Просто интересно посмотреть, что это за ребята такие. Вот нам бы таких в юннатский кружок! У нас сразу бы работа пошла. А то с такими ребятами, как Миша и Коля, ничего хорошего не выходит: дежурить не хотят, деревья нужно было сажать — не пошли, скворечен не делают...

— А они тоже деревьев не сажали, — сказал Костя и подмигнул нам с Мишкой.

— Ну, они — это другое дело: у них и без деревьев забот небось по горло.

Витя и не догадывался, что Костя рассказывал про нас с Мишкой.

А у нас на самом деле было по горло забот: из-за этого инкубатора мы совсем запустили уроки и получили по арифметике двойки.

Меня вызвал Александр Ефремович и за то, что я не сумел решить задачу, поставил двойку.

Потом он вызвал Мишку и поставил ему двойку с плюсом. Конечно, мы урока не знали, но всё-таки было как-то обидно получать плохие отметки.

— Тебе ещё не так обидно, — говорил Мишка, — у тебя просто двойка, а у меня двойка с плюсом.

— По-моему, двойка с плюсом всё-таки лучше, чем просто двойка, — говорю я.

— Ничего ты не понимаешь! Ну скажи, если к двойке прибавить плюс, разве от этого она станет тройкой?

— Нет, она так и останется двойкой.

— Для чего же ставится плюс?

— Не знаю.

— А я знаю. Плюс ставят для того, чтобы ты не думал, что тебя напрасно обидели. Вот — даже плюсика для тебя не пожалели! На сколько ответил, столько и поставили.

— Что же тут обидного?

— Как «что обидного»? Обидно то, что тебя считают глупым. Умному человеку можно поставить просто двойку — он и так поймёт, что ничего не знает, а глупому нужно поставить двойку с плюсом, чтоб он не воображал, будто его обижают напрасно. То-то и обидно, что тебя считают глупым. А то ещё бывает двойка с минусом, — говорил Мишка. — Какой здесь смысл? Двойка означает, что ты ничего не знаешь. А разве можно знать меньше, чем ничего?

— Нельзя! — согласился я.

— Вот видишь! — обрадовался Мишка. — Двойка с минусом означает, что ты не только ничего не знаешь, но и не хочешь ничего знать. Если ты просто не выучил урока, тебе поставят двойку, а если ты известный лодырь, то тебе нужно закатить двойку с минусом, чтобы ты почувствовал. А то ещё бывает единица... — продолжал разглагольствовать он.

Но ему так и не удалось рассказать о единице, потому что Александр Ефремович рассадил нас на разные парты.

На последней перемене Женя Скворцов сказал:

— После уроков останьтесь, ребята! Будет сбор отряда.

— Мы не можем: нам некогда, — сказали мы с Мишкой.

— Нужно остаться, — сказал Женя, — будет о вас вопрос.

— Почему о нас? Для чего о нас вопрос ставить? Что мы такое сделали?

— На отряде поговорим, — сказал Женя.

— Ишь ты! — сказал Мишка. — Что это ещё такое: не успеешь получить двойку, как уж о тебе вопрос! Думает, он председатель отряда, так может обо всех вопросы ставить! Ничего, вот он получит когда-нибудь двойку, пусть и о себе ставит вопрос.

— Он не получит: он хорошо учится, — говорю я.

— А ты чего его защищаешь?

— Да я не защищаю.

— Вот, придётся теперь оставаться! — говорит Мишка.

— Ничего, — говорю я. — Майка за инкубатором посмотрит.

После уроков мы остались на сбор отряда.

— Сегодня у нас вопрос об успеваемости и дисциплине, — сказал Женя Скворцов. — За последнее время некоторые ребята недисциплинированно ведут себя на уроках: вертятся, разговаривают, мешают другим. Особенно отличаются этим Миша и Коля. Их уже несколько раз рассаживали за это. Куда это годится? Это ведь безобразие! А сегодня совсем отличились: получили по двойке.

— И совсем не по двойке! У меня двойка с плюсом, — сказал Мишка.

— Невелика разница! — ответил Женя. — У вас и по другим предметам стали отметки хуже.

— У нас по другим нет двоек, только по русскому у меня тройка, — ответил Мишка.

— У него тройка с минусом, — подсказал Ваня Ложкин.

— А ты не лезь, когда не спрашивают! — сказал Мишка.

— Почему — не лезь? Я имею право высказываться: у нас сбор отряда.

— Так возьми слово и высказывайся.

— И возьму! Думаешь, не возьму!.. Ребята, я считаю, что у них плохая успеваемость потому, что они не учат дома уроков. Им что-то мешает учиться. Пусть они скажут, что им мешает.

— Ну, что вам мешает учиться? — спросил Женя Скворцов.

— Ничего нам не мешает, — ответил Мишка.

— Я знаю, что им мешает, — сказал Лёша Курочкин, —

они разговаривают и не слушают уроков, а дома тоже плохо готовятся. По-моему, их надо навсегда рассадить, чтоб они не разговаривали.

— За что нас рассаживать? — сказал Мишка. — Мы дружим... За то, что мы дружим, нас рассаживать?

— А что с вами делать, если вам дружба во вред? — сказал Сеня Бобров.

Тут Костя вступился за нас:

— Разве дружба бывает во вред? Дружба никогда не во вред.

— А у них такая дружба — что один, то и другой: один разговаривает, и другой разговаривает; один не хочет делать уроки, и другой тоже; один получил двойку, и другой тут же. Рассадить их, и дело с концом! — сказал Витя Смирнов.

— Пойдите, ребята, — сказал Костя. — Рассадить всегда успеем. Может быть, им помочь надо? Может быть, им делать уроки некогда?

— Почему же им некогда?

— Ну, может быть, у них важное дело какое-нибудь.

— Какое это важное дело? — засмеялся Сеня Бобров.

— А может быть, они инкубатор делают!

— Они? Инкубатор? — удивился Сеня.

— А ты что думаешь? Может быть, они ночей недосыпают — за температурой следят! Может быть, они целый день трудятся, а мы их ругаем! Может быть...

— Да что ты «может быть» да «может быть»! — рассердился Женя. — Что они, на самом деле инкубатор сделали?

— Сделали, — сказал Костя.

— Это они с тех ребят собезьянничали, про которых ты рассказывал, — сказал Витя.

— Нет, — сказал Костя, — это они и есть те ребята, про которых я говорил.

— Они?

— Ну да.

— Да ведь ты говорил, что они в другой школе!

— Ну, это я так говорил.

Тут все обступили нас с Мишкой:

— Так это вы сделали инкубатор?

А Витя Смирнов сказал:

— Это безобразие! Так настоящие юннаты не поступают! Сделали инкубатор и молчат... Эта работа ведь всех ребят интересует. Чего вы секретничаете?

— Да мы думали — вы будете смеяться, — говорим мы с Мишкой.

— Над чем же тут смеяться? Что тут смешного? Наоборот, мы бы помогли вам. Устроили бы дежурство. Вам бы легче было и учились бы лучше.

— Ребята, — сказал Вадик Зайцев, — давайте возьмём шефство над инкубатором.

— Правильно! — закричали все.

Витя сказал, что зайдёт к нам после обеда, мы составим список дежурных и условимся насчёт шефской работы.

На этом сбор отряда закончился.

Шефская работа

После обеда у нас на кухне собрался почти весь юннатский кружок. Мы показали ребятам наш инкубатор, рассказали, как производится нагревание, как мы проверяем температуру, как переворачиваем яйца. Потом мы стали обсуждать, как организовать дежурство. Витя Смирнов предложил написать правила для дежурных. Вот какие у нас получились правила.

Двое дежурных приходят в назначенный день после школы, получают от нас с Мишкой указания, что нужно делать, и остаются возле инкубатора до конца дня. Обедать и делать уроки дежурные ходят по очереди. Дежурные обязаны следить, чтобы мы с Мишкой не вертелись возле инкубатора, а делали вовремя уроки.

Потом Витя составил список дежурных и назначил, кому какого числа дежурить. Этот список мы повесили на стенку.

— А почему нас нет в списке? — говорит Мишка. — Мы ведь тоже хотим дежурить.

— Так ведь вам придётся следить за инкубатором ночью, — сказал Витя, — ночью-то некому будет дежурить.

После этого Женя выпроводил от нас всех ребят.

— Можете уходить, ребята, — сказал он. — Останутся только дежурные, а остальным нечего мешать.

Ребята разошлись. Остались дежурные Женя и Витя да мы с Мишкой.

— И вы уходите, — сказал нам Женя.

— Куда же нам уходить? — говорим мы.

— Идите делать уроки.

— А вдруг тут что-нибудь случится!

— Ничего не случится. Если что-нибудь случится, я вас позову.

— Ну, так позови обязательно.

Пришлось нам с Мишкой засесть за уроки. Мы сделали упражнение по русскому, выучили географию и по арифметике решили одну задачу, а другая оказалась трудная. Мы её на потом отложили и явились на кухню.

— Ну, чего вы пришли? Вам ведь сказано, чтоб вы занимались!

— А мы уже всё сделали.

— Ну-ка, покажите тетрадки.

— Что это ещё за проверка? — говорит Мишка.

— Ну, мы ведь взяли над вами шефство — значит, всё нужно проверить.

Мы принесли тетрадки.

— Почему же только одну задачу решили? Две ведь задано.

— Мы другую потом решим.

— А потом вот забудете и явитесь в школу с пустыми тетрадями.

— Почему — с пустыми? По одной задачке всё-таки сделали.

— Уж если делать, то до конца, — сказал Женя. — Знаете пословицу: «Кончил дело — гуляй смело».

Пришлось нам вернуться и засесть за задачу. Но она у нас всё не сходилась с ответом. Мы пробились над нею с час и вернулись на кухню.

— Не выходит задачка, — говорит Мишка. — Мы всё правильно сделали, а с ответом не сходится. Наверно, в книжке ответ неправильный.

— Нечего тут на книжку пенять! — говорит Женя.

— Честное слово, у меня уже был случай, когда в книжке оказался ответ неверный.

— Не может быть! — говорит Женя. — Сейчас проверим. Он пошёл с нами в комнату и стал проверять задачу. Бился, бился — всё правильно, а ответ не сходится.

— Вот видишь, я говорил! — радовался Мишка.

Но Женя сказал, что не сойдёт с места, пока не найдёт ошибку. Стал проверять снова и наконец нашёл.

— Вот она, — говорит. — Семью семь сколько, по-вашему, будет?

— Сорок девять.

— А у вас что написано? Двадцать один!

Он исправил нашу ошибку, и всё получилось правильно.

— Это у вас от невнимательности, — сказал он и вернулся к инкубатору.

Мы переписали задачку начисто и пошли на кухню.

— Мы уже всё сделали, — говорим мы.

— Ну, тогда идите гулять. На воздухе тоже бывать полезно.

Мы с Мишкой обиделись и пошли во двор.

Погода была хорошая. Ребята во дворе затеяли игру в волейбол, мы тоже присоединились к ним, а потом зашли к Косте Девяткину, а к нему пришёл Вадик Зайцев, и мы вчетвером до самого вечера играли в лото и другие разные игры.

Домой мы вернулись поздно и застали на кухне, кроме Жени и Вити, Ваню Ложкина. Он, оказалось, отпросился у мамы дежурить на ночь.

— Что же это такое, — говорит Мишка, — значит, теперь нам вовсе никогда не придётся дежурить! Сегодня ты, а завтра другой кто-нибудь отпросится. Я так не согласен!

— Ну ладно, — сказал Витя, — я вас запишу в список наравне с остальными.

И приписал нас в список самыми последними.

Мы с Мишкой начали высчитывать, когда наша очередь будет дежурить, и оказалось, что нам попало самое счастливое дежурство, то есть на двадцать первый день. Как раз в тот самый день, когда цыплята выведутся!

Последние приготовления

Наконец-то мы с Мишкой вздохнули свободно! Раньше мы были как будто привязанные к инкубатору. Нам приходилось постоянно думать, как бы не прозевать чего-нибудь, и всё время быть начеку. Всякое другое дело было для нас помехой, и ничто нам не лезло в голову. Зато теперь работа прекрасно шла и без нас.

Мы стали активно работать в юннатском кружке: дежурили в живом уголке, сделали две скворечни и повесили их у нас в саду на деревьях, работали на пришкольном участке — сажали цветы и деревья. А самое главное то, что теперь мы исправно делали уроки. И моя и Мишкина мама видели, что мы стали лучше учиться, и они были довольны, что к нам приходят ребята и помогают следить за инкубатором.

На занятии кружка юннатов Марья Петровна рассказала нам, как подготовиться к приёмке новорождённых цыплят, и посоветовала посеять какую-нибудь траву, чтобы у наших цыплят был свежий зелёный корм. Она сказала, что лучше всего посеять овёс, потому что он очень питательный и быстро растёт.

Все стали думать, где бы достать овса.

— Надо поехать на птичий рынок, — предложил Ваня Ложкин. — Там продаётся разный птичий корм. Может быть, и овёс есть.

После уроков Ваня и Женя поехали на птичий рынок и часа через два вернулись с полными карманами овса.

— Купили? — обрадовались мы.

— Что вы! Разве его где купишь? Овса нигде нет. Мы обошли весь рынок — всё продаётся: и конопля, и просо, и репейное семя, а овса нет. Мы уже хотели ехать домой, но решили пойти посмотреть на кроликов. Пришли туда, а там стоит лошадь и ест овёс прямо из мешка. Ну, мы и попросили немного овса.

— Как, у лошади попросили? — удивился Мишка.

— Да не у лошади, голова! У колхозника. Он на этой лошади привёз кроликов продавать. Хороший колхозник попался! Только сначала не хотел давать овса. «Зачем вам овёс?» —

спрашивает. А мы говорим: «Для цыплят». Он говорит: «Цыплят овсом не кормят». Тогда мы объяснили ему, что хотим посеять овёс, чтоб из него трава выросла. Тогда он говорит: «Берите». Ну, мы и набрали в карманы.

Ваня и Женя высыпали из карманов овёс.

Мы быстро сколотили из фанеры два плоских ящика, насыпали в них земли, налили воды и размешали так, чтоб получилась как будто жидкая грязь.

Потом набросали прямо в эту грязь зёрен овса, ещё раз хорошенько перемешали и поставили ящики под печку, чтобы зёрнам было теплее.

Марья Петровна рассказала нам, что зёрна растений, так же как яйца птиц, — живые существа. Жизнь тоже дремлет внутри зерна, но, когда зерно попадает в тёплую, влажную землю, жизнь пробуждается в нём и начинает развиваться. Как и всякие живые существа, зёрна могут умереть, и такие зёрна уже не могут взойти.

Мы очень боялись, как бы наши зёрна не оказались такими «мёртвыми», и поминутно заглядывали в ящики. Прошло два дня — зёрна не прорастали. На третий день мы заметили, что земля в ящиках потрескалась и как-то подозрительно вспучилась.

— Что это? — удивился Мишка. — Кто это тут навредил? Кто расковырял землю?

— Никто не ковырял! — ответил ему Лёша Курочкин, который в этот день был дежурным вместе с Сеней Бобровым.

— Почему же земля словно вспаханная? — закричал Мишка. — Это вы, наверно, тут ковырялись, чтоб посмотреть на зёрна!

— Да не ковырялись мы, — говорит Сеня. — Зачем нам на них смотреть?

Я приподнял комочек земли и нашёл под ним овсяное зёрнышко. Оно сильно разбухло и лопнуло, а на кончике его виднелся белый росток. Мишка тоже вытащил из-под земли набухшее зёрнышко с белым ростком. Он долго рассматривал его и вдруг закричал:

— А, понимаю: это они сами расковыряли землю!

— Кто «они»?

— Зёрна! Они ожили и лезут уже из-под земли. Смотри, как земля вспучилась. Им там, под землёй, становится тесно.

Мишка побежал звать ребят, чтоб показать им, как прорастают зёрна. Мы с Лёшкой вытащили из-под земли ещё несколько зёрен. Все они уже начали прорасти. Скоро прибежали остальные ребята. Каждому хотелось взглянуть на зёрна.

— Смотрите, ребята, — сказал Витя, — зёрна лопаются, и из них как будто выклёвывается овёс.

— А что ты думаешь? — ответил Мишка. — Овёс ведь тоже живой: только он вырастет и будет стоять на месте: а когда выклюнутся наши цыплята, они будут бегать, пищать и просить у нас кушать. Вот увидите, какая у нас будет весёлая семейка!

Самый тяжёлый день

Работать в компании было весело, и последние дни прошли быстро. Наконец наступил двадцать первый день. Это было в пятницу. У нас всё уже было приготовлено к приёму молодняка. Мы отыскали в сарае большую кастрюлю и сделали из неё грелку, то есть выложили её внутри войлоком, чтобы цыплятам в ней было тепло. Теперь эта грелка стояла на чугунке с горячей водой — на случай, если цыплёнок выведется, чтоб сейчас же посадить его в грелку.

Накануне мы с Мишкой хотели совсем не ложиться спать, но в эту ночь Вадик Зайцев отпросился у мамы, и она разрешила ему дежурить у инкубатора.

— Какой же я буду дежурный, если вы будете сидеть возле меня всю ночь? — сказал Вадик. — Уж вы, пожалуйста, лучше идите спать.

— А вдруг цыплята начнут выводиться ночью?

— Что ж тут такого? Если цыплёнок выведется, я его бац в кастрюлю, и пусть себе сохнет.

— Как это «бац»? — говорю я. — С цыплятами нужно бережно обращаться!

— Я буду бережно, не беспокойтесь. А вы лучше ложитесь спать. Завтра ведь ваше дежурство. Как вы будете дежурить, если не выспитесь ночью?

— Хорошо, — говорит Мишка. — Только ты, пожалуйста, разбуди нас, если цыплята начнут выводиться. Мы ведь столько дней ждали этого момента!

— Ладно, разбужу, — согласился Вадик.

Мы отправились спать, только я в эту ночь долго не мог заснуть, так как очень тревожился о цыплятах. Наутро я проснулся с рассветом и сейчас же побежал к Мишке. Мишка тоже уже встал. Он сидел возле инкубатора и внимательно осматривал яйца. Он увидел меня и сказал:

— Ещё ни одной наклёвки не видно.

— Сейчас, наверно, ещё рано, — ответил Вадик. — Они позже начнут наклёвываться.

Вадик скоро ушёл домой, потому что ночь уже кончилась и теперь начиналось наше дежурство. Когда он ушёл, Мишка решил ещё раз осмотреть все яйца. Мы стали переворачивать их и осматривать со всех сторон — нет ли в каком-нибудь яйце маленькой дырочки, которую должен продолбить изнутри цыплёнок. Но все яйца оказались целы. Мы закрыли инкубатор и долго сидели молча.

— А что, если разбить яйцо и посмотреть, есть там цыплёнок или нет? — говорю я.

— Сейчас ещё нельзя разбивать, — сказал Мишка. — Цыплёнок ещё пока дышит через кожу, а не лёгкими. Как только он начнёт дышать лёгкими, он сейчас же пробьёт скорлупу сам. Если же мы разобьём раньше, то цыплёнок погибнет.

— Но цыплята в яйцах уже должны быть живые, — говорю я. — Может быть, можно услышать, как они там шевелятся?

Мишка достал яйцо и приложил его к уху. Я наклонился поближе и тоже стал прислушиваться.

— Тише! — заворчал на меня Мишка. — Сопит тут, как лошадь!

Я затаил дыхание. Стало тихо. Только слышно было, как тикают часы на столе. Вдруг зазвонил звонок. Мишка вздрогнул и чуть не уронил яйцо. Я скорее побежал открывать дверь. Это пришёл Витя. Он хотел узнать, не начали ли выводиться цыплята.

— Нет ещё, — сказал Мишка. — Ещё рано.

— Ну, я потом ещё перед школой зайду, — сказал Витя. Он ушёл, а Мишка снова взял яйцо и приложил его к уху. Он долго сидел, закрыв глаза, и старательно прислушивался. Наконец сказал:

— Совсем ничего не слышно.

Я взял яйцо и тоже послушал. В яйце была мёртвая тишина.

— Может быть, в этом яйце зародыш погиб? — сказал я. — Надо другие проверить.

Мы стали вынимать одно яйцо за другим и выслушивать их, но ни в одном яйце нам не удалось обнаружить никаких следов жизни.

— Неужели все зародыши погибли? — сказал Мишка. — Должен ведь хоть в одном яйце сохраниться.

Тут снова раздался звонок. Пришёл Сеня Бобров.

— Ты чего в такую рань поднялся? — спрашиваю я.

— Пришёл узнать, как цыплята.

— Цыплята ещё никак. Ещё слишком рано, — ответил Мишка.

Вслед за Сеней пришёл Серёжа:

— Ну как, есть уже хоть один цыплёнок?

— Какой ты нетерпеливый! — говорит Мишка. — Что ты хочешь, чтоб цыплята с самого утра выводились? Успеют ещё.

Серёжа и Сеня посидели немного и ушли. Мы с Мишкой снова стали выслушивать яйца.

— Всё пропало! — убивался Мишка. — Совсем ничего не слышно.

— А может, они там притаившись сидят?

— Зачем же они сидят притаившись? Им пора скорлупу долбить.

Тут пришли Юра Филиппов и Стасик Лёвшин, а за ними — Ваня Ложкин. Ребята стали собираться один за другим, так что под конец у нас получилось как будто общее собрание. Мы с Мишкой позвали Майку, объяснили ей, что нужно делать, если цыплята начнут выводиться без нас, и пошли вместе с ребятами в школу.

Как мы провели этот день в школе, нельзя рассказать. Это был самый мучительный день в нашей жизни.

Нам казалось, что кто-то нарочно растянул время и сделал уроки в десять раз длинней. Все мы очень боялись, что цыплята начнут выводиться, пока мы сидим в школе, а Майка без нас сделает что-нибудь не так, как нужно. Особенно длинным оказался последний урок. Время как будто остановилось совсем. Мы даже начали думать, что прозевали звонок. Потом нам стало казаться, что звонок испортился и поэтому мы не слышали его. Потом мы вообразили, что тётя Дуня забыла дать последний звонок и ушла домой и теперь нам придётся сидеть тут до завтрашнего дня, когда она снова вернётся в школу.

Ребята нервничали и шептались. Все посылали записочки Жене Скворцову и спрашивали, который час, но Женя, как на беду, в этот день забыл свои часы дома. В классе было шумно, а Александр Ефремович несколько раз просил восстановить тишину. Но тишина не восстанавливалась. Наконец Мишка поднял руку и хотел сказать, что урок уже кончился, но как раз в это время прозвонил звонок. Ребята сорвались с мест и бросились к двери. Александр Ефремович заставил всех сесть на свои места и сказал, что никто не должен выходить из-за парт, пока учитель в классе.

Потом он обратился к Мишке:

- Ты, кажется, что-то хотел спросить?
- Нет, я хотел сказать, что урок кончился.
- Но ты ведь до звонка поднял руку.
- А я думал, что звонок испортился.

Александр Ефремович только головой покачал, потом взял журнал и вышел из класса. Ребята гурьбой бросились в коридор и загремели вниз по лестнице. У выхода образовалась пробка, но мы с Мишкой успели проскочить первыми и помчались по улице во весь опор. За нами, растянувшись длинной вереницей, мчались остальные ребята.

Через пять минут мы уже были дома. Майка сидела на своём посту, у инкубатора, и шила своей кукле Зинаиде новое платье.

- Ничего не случилось? — спросили мы её.
- Ничего.
- А ты давно заглядывала в инкубатор?

— Давно, ещё когда переворачивала яйца.

Мишка подошёл к инкубатору и приготовился открыть крышку. Все ребята столпились вокруг. Они вытягивали шеи, приподнимались на цыпочки, а Ваня Ложкин взобрался на стул, чтобы получше видеть, и свалился оттуда прямо на Лёшку Курочкина и чуть не сбил его с ног. Мишка всё не решался открыть крышку. Он как будто боялся.

— Ну, открывай! Чего же ты медлишь? — не вытерпел кто-то.

Мишка наконец открыл инкубатор. Яйца по-прежнему спокойно лежали на дне, словно большие белые камешки. Мишка постоял над ними молча, потом осторожно перевернул их по одному и каждое осмотрел со всех сторон.

— Нет ни одной наклёвки! — печально объявил он.

Чья вина?

Ребята молча стояли вокруг.

— А может быть, и не будет этих наклёвок? — спросил Сеня Бобров.

Мишка развёл руками:

— Я ведь не курица! Откуда мне знать! Что я понимаю в наклёвках?

Тут ребята заговорили все разом, заспорили: одни говорили, что цыплята не выведутся; другие — что ещё, может быть, выведутся; третьи — что либо выведутся, либо нет. Наконец Витя Смирнов прекратил разговоры.

— Пока ещё рано спорить, — сказал он. — День ещё не прошёл. Надо продолжать работу, как раньше. А сейчас марш все по домам! У инкубатора останутся только дежурные.

Ребята разошлись по домам. Мы с Мишкой остались одни и ещё раз осмотрели все яйца, нет ли где хоть маленькой трещинки, но нигде не было никакой. Мишка закрыл инкубатор и сказал:

— Ничего, пусть будет что будет! Сейчас ещё рано волноваться. Подождём до вечера и, если ничего не будет, тогда начнём волноваться.

Мы решили не волноваться и терпеливо ждать. Но легче всего сказать — не волноваться! Мы всё-таки волновались и через каждые десять минут заглядывали в инкубатор. Ребята тоже беспокоились и поминутно приходили. У всех был один вопрос:

— Ну как?

Мишка уже не отвечал ничего, а только пожимал плечами в ответ, так что к концу дня он так и остался с поджатыми плечами, будто они были у него к ушам приклеены.

Наступил вечер. Ребята заходили всё реже и реже. Последним пришёл Витя и долго сидел у нас.

— Может быть, вы неправильно посчитали дни? — спросил он.

Мы снова стали считать дни, но оказалось, всё правильно. Сегодня был двадцать первый день, и вот он уже кончился, а цыплят не было.

— Ничего, — утешал нас Витя. — Подождём до утра. Может быть, они за ночь выведутся.

Я попросил у мамы разрешения ночевать у Мишки, и мы с ним решили не спать всю ночь.

Мы долго сидели у инкубатора. Разговаривать нам было не о чем. Теперь мы уже не мечтали, как прежде, потому что нам не о чем было мечтать. Скоро трамваи перестали ходить по улице. Стало тихо. За окошком погас фонарь. Я прилёг на кушетке. Мишка задремал, сидя на стуле, и чуть не свалился с него. Тогда он перебрался ко мне на кушетку, и мы заснули.

Наутро картина не переменилась. Яйца по-прежнему лежали в инкубаторе и все были целенькие. Внутри не было никакого шума.

Все ребята были разочарованы.

— Почему же так вышло? — спрашивали они. — Ведь мы, кажется, всё правильно делали!

— Не знаю, — говорил Мишка и разводил руками.

Один я знал, в чём дело. Конечно, зародыши погибли ещё тогда, когда я проспал ночью: они остыли, и жизнь оборвалась на полпути. Мне было очень совестно перед ребятами. Ведь это из-за меня они напрасно трудились! Но я не мог никому об этом сейчас сказать и решил признаться когда-нибудь

потом, когда этот случай немного забудется и ребята перестанут жалеть о цыплятах.

В школе в этот день нам было особенно грустно. Все ребята как-то сочувственно поглядывали на нас, будто над нами стряслась какая-то особенная беда, а когда Сеня Бобров вздумал, по привычке, назвать нас инкубаторщиками, то все на него набросились и стали стыдить. Нам с Мишкой даже было неловко.

— Пусть бы лучше ребята ругали нас, — говорил Мишка.

— За что же нас ругать?

— Ну, они столько работали из-за нас. Они имеют право сердиться.

После школы ребята наведались к нам, а потом уже весь день не приходил никто. Только Костя Девяткин иногда приходил. Он один ещё не разочаровался в инкубаторе.

— Вот видишь, — говорил Мишка мне, — теперь все ребята на нас рассердились. А за что на нас сердиться? С каждым может случиться неудача.

— Ты ведь сам говорил, что они имеют право сердиться.

— Имеют! Конечно, имеют! — отвечал с раздражением Мишка. — Ты тоже имеешь право на меня сердиться. Это я во всём виноват.

— Почему ты виноват? Никто тебя не винит. Ни в чём ты не виноват, — ответил я.

— Нет, виноват. Только ты не очень сердись.

— Да за что же сердиться?

— Ну за то, что я такой неудачливый. Такое уж моё счастье, что я всё порчу, к чему только ни прикоснусь!

— Нет, это я всё порчу, — говорю я. — Я сам виноват во всём.

— Нет, я виноват: это я погубил цыплят.

— Как же ты мог погубить их?

— Я тебе расскажу, только ты не очень сердись, — сказал Мишка. — Один раз я под утро заснул и не уследил за градусником. Температура поднялась до сорока градусов. Я поскорее открыл инкубатор, чтоб яйца остыли, но они, видно, уже успели испортиться.

— Когда же это случилось?

— Пять дней назад.

Мишка взглянул на меня исподлобья. Лицо у него было виноватое и печальное.

— Можешь успокоиться, — говорю я ему, — яйца испортились гораздо раньше.

— Как — раньше?

— Ещё до того, как ты проспал.

— Кто же их испортил?

— Я.

— Как?

— А я тоже проспал, а температура упала, и яйца погибли.

— Когда же это случилось?

— На десятый день.

— Что же ты до сих пор молчал?

— Ну, мне совестно было признаться. Я думал — может быть, это ничего и зародыши выживут, а они вот не выжили.

— Так, так, — пробормотал Мишка и сердито посмотрел на меня. — Значит, из-за того, что тебе совестно было признаться, все ребята должны были даром трудиться, а?

— Но я ведь думал, что как-нибудь обойдётся. Всё равно ребята сами бы решили продолжать дело, чтобы узнать, погибли зародыши или нет.

— «Сами решили»! — передразнил меня Мишка. — Вот и нужно было сказать, чтоб все вместе решили, а не решать самому за всех!

— Послушай, — говорю я, — что ты кричишь на меня? А разве ты сам сказал кому-нибудь, когда не уследил за температурой? Ты ведь тогда тоже решил за всех!

— Верно, — говорит Мишка. — Я свинья! Бейте меня!

— Никто тебя бить не собирается. А ребятам ты всё-таки не говори про это, — сказал я.

— Завтра же расскажу! Про тебя я говорить ничего не буду, а про себя расскажу. Пусть все знают, какая я свинья! Пусть это будет как наказание мне!

— Ну, тогда и я всё про себя расскажу, — говорю я.

— Нет, ты лучше не рассказывай.

— Почему?

— Ребята и так смеются, что мы с тобой всё вдвоём дела-

ем: и в школу ходим всегда вдвоём, и уроки учим вдвоём, и даже двойки получаем вдвоём. А теперь скажут: и на дежурстве проспали вдвоём.

— Ну и пусть, — говорю, — смеются. Что мне, легче будет, если только над тобой будут смеяться?

Когда погасла надежда

Печально закончился этот день, и опять наступил вечер. На кухне всё было по-прежнему: инкубатор продолжал нагреваться, лампочка продолжала гореть, но надежда у нас совсем погасла. Мишка молча сидел и вертел в руках яйцо. Мы долго думали, разбить его или пока подождать. Вдруг Мишка испуганно посмотрел на меня. Мне показалось, что он увидел позади меня что-то страшное. Я оглянулся. Позади ничего не было. Я снова взглянул на Мишку.

— Смотри! — прохрипел он и протянул мне яйцо, которое было у него в руках.

Сначала я не разглядел ничего, но потом заметил, что в одном месте яйцо треснуло и как будто бы надломилось изнутри.

— Что это? — говорю. — Может быть, ты сам ударил яйцо нечаянно?

Мишка отрицательно замотал головой.

— Тогда что ж это может быть? Наклёвка?

Мишка молча закивал головой.

— Почему ты так в этом уверен?

Мишка пожал плечами:

— Сам не знаю...

Я осторожно приподнял надломленную скорлупу ногтем. В яйце получилась дырочка. Из неё на минуточку высунулся жёлтенький носик цыплёнка и сейчас же спрятался обратно.

От радости мы с Мишкой не могли вымолвить ни одного слова и молча бросились обнимать друг друга.

— Вот так чудо! — закричал Мишка и залился счастливым смехом. — Ну, куда нам теперь бежать? Куда бежать?

— Поймай! — говорю. — Куда бежать? Зачем бежать?

— Ну, надо бежать, сказать ребятам!

Мишка бросился к двери.

— Пстой! — говорю. — Ты хоть яйцо оставь. Что ты, побежишь к ребятам с яйцом?

Мишка вернулся и положил яйцо в инкубатор. В это время к нам пришёл Костя.

— А у нас уже есть цыплёнок! — закричал Мишка.

— Врёте!

— Честное слово!

— Где же он?

— А вот посмотри!

Мишка открыл инкубатор. Костя заглянул в него:

— Где же цыплёнок? Тут одни только яйца.

А Мишка забыл, куда сунул яйцо с наклёвкой, и никак не мог отыскать его среди остальных яиц. Наконец он его нашёл и показал Косте.

— Братцы! Да там ведь самый настоящий цыплячий нос торчит! — закричал Костя.

— А ты думал, что мы тебе какой-нибудь фокус показываем?.. Конечно, настоящий!

— Сейчас, братцы! Вы это яйцо держите покрепче, а я побегу за ребятами! — закричал Костя.

— Беги, беги, а то ребята совсем уже перестали верить в цыплят. Никто и не зашёл за весь вечер ни разу.

— Да они все у меня сидят и всё ещё верят, только они боятся беспокоить вас и каждый раз меня посылают узнать, как дела.

— Почему же они боятся?

— Ну, они ведь понимают, что вам не до них. Вам-то небось и без ребят было тошно.

Костя бросился к двери, и мы слышали, как он застучал каблуками по лестнице.

— Батюшки-матушки! — закричал вдруг Мишка. — А я ещё маме ничего не сказал!

Он побежал звать маму, а я схватил яйцо и побежал показать своей маме.

Мама посмотрела и велела положить яйцо обратно в инкубатор, потому что оно может остыть и тогда цыплёнок простудится.

Я прибежал обратно к Мишке, смотрю — он скачет по кухне как угорелый, а мама и папа стоят и смеются.

Мишка увидел меня и закричал:

— Ты не видел, куда я сунул яйцо? Я весь инкубатор перерыл — нет нигде!

— Какое яйцо? — спрашиваю я.

— Ну какое... С цыплёнком!

— Да вот оно, — говорю.

Мишка увидел у меня в руках яйцо:

— Ах ты, растяпа! Схватил яйцо и убежал! А я тут ищу его.

— Тише! — сказала Мишкина мама. — Столько шума из-за одного яйца.

— Да ты посмотри, что за яйцо! Разве это простое яйцо? — ответил Мишка.

Мама взяла яйцо и стала разглядывать маленький клювик цыплёнка, который виднелся сквозь дырочку. Папа посмотрел тоже.

— Хм! — усмехнулся он. — Удивительное дело!

— Что же тут удивительного? — сказал с важностью Мишка. — Просто явление природы.

— Сам ты явление природы! — засмеялся Мишкин папа. — В цыплёнке, конечно, удивительного ничего нет, а вот удивительно, как он у вас получился. Я был уверен, что у вас из этой затеи ничего не выйдет.

— Почему же ты не сказал ничего?

— А зачем говорить? Я думал, что вам полезнее заниматься делом, чем бегать по улице.

Тут на кухню явилась Майка. Платье на ней было надето задом наперёд, ботинки — на босу ногу. Она уже легла спать, но услышала про цыплёнка и тоже захотела посмотреть, поэтому она очень спешила и оделась кое-как. Мы дали ей на минуточку подержать яйцо. Она стала заглядывать в дырочку одним глазом. В это время цыплёнок высунул клюв.

— Он меня клюнуть хотел! — закричала Майка. — Ишь ты какой! Не успел из яйца вылезти, а уже дерётся.

— Ну нечего тут на цыплят кричать! — сказал Мишка.

Он отнял у неё яйцо и положил в инкубатор.

Вдруг на лестнице послышался шум и топание ног. Кухня быстро наполнилась ребятами. Яйцо снова пошло по рукам. Каждому обязательно хотелось заглянуть в дырочку и увидеть цыплёнка.

— Братцы, — надрывался Мишка, — отдайте яйцо! Ему ведь надо в инкубаторе лежать — цыплёнок простудится.

Но никто не слушался. Насилу мы отняли у ребят это яйцо и положили в инкубатор.

— А на других яйцах нет наклёвок? — спросил Витя.

Мы принялись осматривать другие яйца, но наклёвок больше не было.

— Нет, только номер пятый наклюнулся, остальные яйца без наклёвок, — ответил Мишка.

— Может быть, они тоже наклюнутся? — говорили ребята.

— Ничего, — сказал Мишка, сияя от радости. — Если у нас выведется только один цыплёнок, я и то буду доволен. Всё-таки мы не даром трудились. Вот он, результат!

— Ребята, — сказал Сеня Бобров, — может быть, надо разломать скорлупу и выпустить цыплёнка на волю? Ему ведь тесно в яйце сидеть.

— Что ты! — ответил Мишка. — Нельзя скорлупу ломать. У цыплёнка кожа ещё слишком нежная, можно её поцарапать.

Ребята долго не расходились. Каждому хотелось увидеть, как цыплёнок выберется из яйца, но было уже очень поздно, и им пришлось уйти домой.

— Ничего, ребята, — говорил на прощание Мишка, — это ещё не всё! Наверно, кроме этого, и другие яйца наклюнутся.

Когда ребята разошлись, Мишка осмотрел ещё раз яйца и нашёл ещё на одном наклёвку.

— Смотри, — закричал он, — номер одиннадцатый наклюнулся!

Я посмотрел: яйцо номер одиннадцать тоже было с наклёвкой.

— Ах, какая досада, что ребята ушли! — говорю я. — Теперь уже поздно за ними бежать.

— Да, жалко! — пробормотал Мишка. — Ну ничего, завтра увидят уже готовых цыплят.

Мы сидели у инкубатора и упивались счастьем.

— Это только мы с тобой такие счастливые, — говорил Мишка. — Не каждому небось выпадает такое счастье!

Наступила ночь.

Все давно уже спали, но нам с Мишкой даже не хотелось спать.

Время бежало быстро. Часа в два ночи наклюнулись ещё два яйца: номер восьмой и десятый. А когда мы заглянули в инкубатор в следующий раз, то даже ахнули от изумления. Посреди яиц барахтался маленький новорождённый цыплёнок. Он пытался подняться на своих лапках, но всё время шатался и падал.

От счастья у меня захватило дыхание, сердце сильно забилося в груди.

Я поскорее взял цыплёночка в руки. Он был ещё мокренький и какой-то облезлый. Вместо перьев на нём были рыжие волосики, которые прилипли к его тонкой, нежной розовой коже. Мишка поскорее открыл кастрюлю, из которой мы сделали грелку.

Я посадил цыплёнка в кастрюлю. Мы подлили в чугунок горячей воды, чтобы цыплёнку было теплее.

— Теперь он высохнет, обогреется и станет совсем хорошим, — говорил Мишка.

Он вынул из инкубатора две половинки скорлупы, из которой вылупился цыплёнок, и сказал:

— Удивительно, как в такой маленькой скорлупе мог помещаться такой огромный цыплёнок!

А цыплёнок на самом деле казался огромным по сравнению с маленькой скорлупой, из которой он вылупился. Он ведь лежал в скорлупе скрюченный, с поджатыми лапками, с подвёрнутой головой, а теперь он расправился, вытянул шею и стоял на своих маленьких ножках. Мишка принялся рассматривать обе половинки скорлупы и вдруг как закричит:

— Да это ведь не тот цыплёнок!

— Как «не тот»?

— Ну, не тот, не первый! Первый наклюнулся номер пятый, а этот одиннадцатый.

На скорлупе в самом деле был номер одиннадцать.

Мы заглянули в инкубатор. Номер пятый по-прежнему лежал на месте.

— Что ж это он? — говорю я. — Раньше всех наклюнулся, а вылезать не хочет.

— Наверно, он слабенький и не может сам разломать скорлупу, — сказал Мишка. — Пусть полежит ещё и наберётся побольше сил.

Наша ошибка

За всеми хлопотами мы даже не заметили, как наступило утро. Взошло солнышко и стало светить в окно. На полу заиграли солнечные зайчики, и вся кухня наполнилась радостным светом.

— Вот увидишь, сейчас придёт кто-нибудь из ребят, — сказал Мишка. — Они не вытерпят!

Не успел он это сказать, как пришли сразу двое — Женя и Костя.

— Смотрите на чудо! — закричал Мишка и вытащил из кастрюли цыплёнка. — Вот оно, чудо природы!

Ребята стали рассматривать цыплёнка.

— А здесь ещё три наклёвки! — хвастался Мишка. — Смотрите: номер пятый, восьмой и десятый.

Цыплёнок, видно, очень боялся холода. Когда мы держали его в руках, он начинал беспокоиться, а когда сажали обратно в грелку, сейчас же успокаивался.

— А вы уже покормили его? — спросил Костя.

— Что ты, что ты! — ответил Мишка. — Его ещё рано кормить. Цыплят начинают кормить только на следующий день.

— А вы так и не спали всю ночь? — спросил нас Женя.

— Нет. Куда уж тут спать, когда такие дела пошли!

— Так вы ложитесь, а мы пока подежурим, — предложил Костя.

— А вы разбудите нас, если новый цыплёнок выведется?

— Конечно, разбудим.

Мы с Мишкой улеглись на кушетке и моментально заснули. По правде сказать, мне давно уже хотелось спать. Ребята разбудили нас часов в десять утра.

— Вставляйте смотреть чудо-юдо номер два! — закричал Костя.

— Какое «чудо-юдо номер два»? — не понял я спросонок и огляделся по сторонам.

Вся кухня уже была полна ребят.

— Вот оно, чудо! — закричали ребята и показали на грелку.

Мы с Мишкой вскочили и заглянули в кастрюлю. В ней оказалось уже два цыплёнка. Один из них был кругленький, пушистый и жёлтенький, как яичный желток. Совсем настоящий красавец!

— Какой замечательный! — говорю я. — Почему же наш первый такой облезлый?

Все засмеялись:

— Да это и есть ваш первый.

— Какой?

— Вот этот, пушистый.

— Да нет! Наш вот тот, голенький.

— Этот голенький только что вылупился. А первый уже обсох и стал пушистый.

— Вот так чудеса! — говорю я. — Значит, и второй такой будет, когда обсохнет?

— Конечно.

— А какой номер вылупился? — спросил Мишка.

— Как — какой номер? — не поняли ребята.

— Ну, у нас все яйца ведь пронумерованы, — объяснил Мишка.

— А мы и не посмотрели, из какого он номера вылез, — ответил Костя.

— Можно проверить по скорлупе, — сказал я. — Там ведь скорлупа осталась.

Мишка открыл инкубатор и как закричит:

— Батюшки! Да тут ещё два новорождённых!

Все, толкая друг друга, бросились к инкубатору. Мишка осторожно вынул из инкубатора двух новых цыплят и показал нам.

— Вот они, орлы! — с гордостью сказал он.

Мы усадили и этих цыплят в кастрюлю. Теперь их уже

— Вот они, орлы! — с гордостью сказал он.

было четверо. Они все сидели кучкой и жались друг к дружке, чтобы было теплее.

Мишка вытащил из инкубатора оставшуюся скорлупу и стал разбирать, какие на ней были написаны номера.

— Номер четвёртый, восьмой и десятый, — объявил он. — Только который из них какой?

Мы стали рассматривать трёх новых цыплят, но теперь уже нельзя было узнать, из какой скорлупы они вывелись.

— Все номера перепутались! — смеялись ребята.

— А номер пятый так и лежит в инкубаторе? — говорю я.

— Верно! — воскликнул Мишка. — Лежит! Что ж это он? Может быть, умер?

Мы достали яйцо номер пять из инкубатора и немного расширили наклёвку. Цыплёнок спокойно лежал в яйце и шевелил головкой.

— Живой! — обрадовались мы и положили яйцо обратно.

Мишка проверил оставшиеся яйца и обнаружил новую наклёвку, на третьем номере. Ребята смеялись и потирали от удовольствия руки.

— Вот как пошли дела! — радовались они.

Тут пришла Майка. Мы стали показывать ей цыплят.

— Вот этот мой! — сказала она и уже хотела схватить пушистого.

— Постой, — говорю я. — Зачем хватаешь? Ему сидеть надо в грелке, а то простудится.

— Ну, тогда я потом возьму. Только этот, пушистый, мой будет. Я не хочу голого.

В этот день было воскресенье. В школу никому не нужно было идти. Ребята весь день толпились у нас. Кто на стуле сидел, кто на кушетке. Мы с Мишкой сидели на самом почётном месте — возле инкубатора. Направо, возле плиты, стояла кастрюля с новорождёнными, на плите грелся чугунок с водой, на окне весело зеленел овёс в ящиках. Ребята шутили, смеялись, рассказывали разные интересные случаи из жизни.

— Почему же произошла задержка? — спросил кто-то из ребят. — Вы ведь ещё в пятницу ждали цыплят.

— Не знаю, — ответил Мишка. — В книге написано, что цыплята выводятся на двадцать первый день, а сегодня уже

двадцать третий. Может быть, в книге произошла какая-нибудь ошибка?

— Может быть, это у вас произошла ошибка? — говорит Лёша Курочкин. — Вы помните, когда заложили в инкубатор яйца?

— Мы заложили третьего числа. Это было в субботу, — говорит Мишка. — Это я точно помню, потому что на другой день было воскресенье.

— Послушай, — сказал Женья Скворцов, — у вас как-то нескладно получается: заложили яйца в субботу, а двадцать первый день наступил в пятницу.

— Правда! — подхватил Витя Смирнов. — Если вы начали в субботу, то и двадцать первый день тоже должен наступить в субботу. Ведь в неделе семь дней, а двадцать один день — это ровно три недели.

— Трижды семь — двадцать один! — засмеялся Сеня Бобров. — Так по таблице умножения получается.

— Я не знаю, как там у тебя по таблице умножения получается! — обиделся Мишка. — Мы не по таблице считали.

— Как же вы считали?

— А вот как, — сказал Мишка и начал загибать пальцы. — Третьего числа был первый день, четвёртого — второй, пятого — третий...

Так он дошёл до пятницы, и у него получился двадцать один день.

— Что же это? — говорит Сеня. — По таблице умножения двадцать первый день получается в субботу, а по пальцам — в пятницу. Как-то чудно!

— А ну покажи ещё раз, как ты считаешь, — сказал Женья.

— Вот, — сказал Мишка и снова начал загибать пальцы. — В субботу, третьего, — один день, в воскресенье, четвёртого, — два...

— Постой, постой! Неправильно! Если ты начал третьего, то третье число не надо считать.

— Почему?

— Потому что день ещё не прошёл. День прошёл только

четвёртого. Значит, ты должен начать счёт с четвёртого числа.

Тут мы с Мишкой поняли, в чём дело. Мишка подсчитал по-новому, и оказалось всё верно.

— Правильно, — сказал он. — Двадцать первый день наступил вчера.

— Значит, всё вышло как надо, — говорю я. — Ведь мы заложили в инкубатор яйца в субботу вечером, и первая наклёвка появилась в субботу вечером, то есть вчера. Как раз двадцать один день прошёл.

— Видишь, какое несчастье может произойти, если плохо знаешь арифметику, — сказал Ваня Ложкин.

Все засмеялись, а Мишка сказал:

— Из-за этой ошибки мы столько мучений перенесли! Если б мы не ошиблись, никто бы не мучился.

День рождения

К концу дня у нас в грелке сидело уже десять цыплят. Последним появился номер пятый. Он упорно не хотел вылезать из яйца, и нам пришлось наполовину обломать скорлупу, чтобы помочь ему выбраться. Если бы мы этого не сделали, то он так и остался бы в скорлупе до скончания веков. Он был помельче остальных птенцов и не такой крепкий — должно быть, оттого, что так долго сидел в яйце.

К вечеру в инкубаторе осталось только два яйца. Они сиротливо лежали посреди опустевшей коробки, и на них не появилось даже наклёвок. Мы продолжали нагревать инкубатор и не гасили лампу, но они даже не наклюнулись за ночь. Все новорождённые цыплята прекрасно провели ночь в кастрюле, а наутро мы их выпустили на пол. Все они были жёлтенькие, пушистые и отчаянно пищали. Они моргали своими глазёнками, жмурились от яркого света; одни уже крепко держались на своих маленьких ножках, другие падали, третьи пытались бежать, но тут же спотыкались. Иногда они тыкали клювиками в разные пятнышки на полу и даже в блестящие шляпки гвоздей.

— Миленькие! Да они есть хотят! — воскликнул Мишка.

Мы поскорее сварили вкрутую яйцо, нарезали его мелко и насыпали цыплятам. Но цыплята не догадывались, что яйцо можно есть. Мы давали им по кусочку яйца и говорили:

— Ешьте, глупые!

Но цыплята даже не смотрели на корм. В это время на кухню пришла Мишкина мама.

— Мама, они не хотят есть яйцо! — пожаловался Мишка.

— А ты поучи их.

— Как же их учить? Мы говорим им, а они не слушаются.

— Да разве так цыплят учат? Ты постучи по полу пальцем.

Мишка присел возле цыплят и стал стучать пальцем по полу там, где был насыпан корм. Цыплята увидели, что палец как будто клюёт на полу корм, и тоже стали клевать. Через минуту от яйца не осталось ни крошки.

Тогда мы поставили им блюдечко с водой, цыплята принялись пить воду. Их этому не нужно было даже учить. Потом они сбились на полу кучкой и прижались друг к дружке. Мы посадили их обратно в кастрюлю, чтобы им было теплее.

В этот день, как только Марья Петровна пришла в класс, все ребята бросились к ней навстречу и стали рассказывать, что у нас уже есть цыплята. Марья Петровна очень удивилась и обрадовалась.

— Значит, вас можно поздравить с днём рождения цыплят? — сказала она.

Все засмеялись, а Витя Смирнов сказал:

— А мы даже не отпраздновали день рождения цыплят! Давайте сегодня отпразднуем.

Все обрадовались и закричали:

— Давайте, давайте! Марья Петровна, а вы придёте на день рождения к нам?

— Приду, — улыбнулась Марья Петровна. — И подарок цыплятам принесу.

— Мы тоже принесём! — кричали ребята.

Вернувшись из школы, мы с Мишкой с нетерпением

ждали гостей. Нас очень интересовал вопрос: какие будут подарки?

Первым явился Сеня Бобров с букетом цветов.

— Что это? — сказал Мишка. — Ты зачем цветы при-
тащил?

— А подарок!

— Зачем же цыплятам такой подарок? Что они, есть бу-
дут эти цветы?

— Зачем есть? Будут смотреть и нюхать.

— Вот ещё выдумал! Цветов они не видели, что ли!

— Конечно, не видели. Давай-ка банку с водой. Увидишь,
как хорошо будет.

Мы налили в банку воды и поставили цветы в воду. Вслед
за Сеней явились Серёжа и Вадик. Они оба принесли по буке-
ту подснежников.

— Что это вы все сговорились приносить цветы? — насу-
пился Мишка.

— А тебе что, наши подарки не нравятся? — обиделся Ва-
дик. — Знаешь, дарёному коню в зубы не смотрят.

Мы поставили и эти цветы в воду.

Пришёл Ваня Ложкин и принёс полкило крупы овсянки.
Мишка посмотрел и покачал головой:

— Уж не знаю, будут ли они такую овсянку есть.

— А ты попробуй, — говорит Ваня.

— Нет, мы лучше подождём и спросим Марью Петровну.

Тут пришла Марья Петровна.

В руках у неё было что-то завёрнутое в газету. Она развер-
нула, и это оказалась бутылка. В бутылке было что-то белое.

— Молоко! — закричал Мишка. — А мы и не догадались
цыплятам молока дать!

— Это не молоко, а простокваша, — сказала Марья Пет-
ровна. — В первые дни цыплятам нужно вдоволь простоква-
ши давать. Они её очень любят.

Мы выпустили цыплят из грелки, принесли блюдечко и на-
лили в него простокваши. Цыплята принялись есть просто-
квашу.

— Вот это настоящий подарок цыплятам! — радовался
Мишка. — Надо знать, что цыплятам дарить.

Продолжали прибывать новые «гости». Пришли Витя и Женя и принесли пшена. Вслед за ними прибежал Лёша Курочкин с детской погремушкой в руках и закричал:

— Вот, не знал, что купить новорождённому! Иду по улице, смотрю — в киоске продаются детские погремушки. Ну, я и купил погремушку им.

— Додумался! — проворчал Мишка. — Кто же дарит цыплятам погремушки?

— Откуда же я знаю, что цыплятам дарить? Может быть, им погремушка понравится.

Он подскочил к цыплятам и начал над ними греметь погремушкой. Цыплята перестали есть простоквашу и начали задира́ть кверху головы.

— Смотрите! — кричал радостно Лёша. — Им погремушка нравится!

Все засмеялись. Мишка сказал:

— Ну ладно, не мешай им есть.

Я спросил Марью Петровну, можно ли кормить цыплят овсянкой. Марья Петровна сказала, что кормить цыплят можно всякой крупой, но только варёной.

— А как варить крупу? — спросил Мишка.

— Ну, сварите просто кашу.

Мы с Мишкой хотели уже начать варить кашу, но тут к нам пришёл ещё один «гость» — Костя Девяткин.

— А подарок принёс? — спросили его ребята.

— Подарок вот, — сказал Костя и вытащил из кармана два пирога.

— Вот так придумал! — засмеялись ребята.

— Ну, на день рождения всегда ведь бывают пироги, — оправдывался Костя.

— А с чем пироги? — спросил подозрительно Мишка.

— С кашей.

— С кашей?.. — закричал Мишка. — Так чего ж ты молчишь?

Он выхватил у Кости из рук пироги и стал выковыривать из них кашу.

— Постой! — сказал Костя. — Ведь и так видно, что они с кашей. Зачем пироги портить?

Но Мишка не слушал. Он выложил кашу на блюдечко и поставил перед цыплятами. Цыплята принялись клевать кашу.

Майка увидела, что все приносят подарки цыплятам. Она принесла красную ленточку, разрежала на кусочки и повязала каждому цыплёнку бантик вокруг шеи. Мы расставили вокруг цыплят банки с цветами, и у цыплят получился настоящий праздник. Перед ними в блюдечках стояло угощение: в одном блюдечке каша, в другом простокваша, в третьем чистая, свежая вода, а все цыплята были с красными бантиками — настоящие именинники! Костя хотел ещё угостить их травой, но Марья Петровна сказала, что цыплятам ещё рано давать зелёный корм; с этим лучше потерпеть до завтра.

Цыплята наелись, попили свежей водички. Мы сняли с них бантики и посадили обратно в грелку. Марья Петровна посоветовала нам отгородить для цыплят угол на кухне и поставить им чугунок с горячей водой, чтоб они возле него грелись.

— А лучше всего отвезти их куда-нибудь в деревню. В закрытом помещении цыплята часто болеют и могут умереть. Им обязательно нужен свежий воздух, — сказала Марья Петровна.

Мы показали Марье Петровне наш инкубатор, в котором осталось только два яйца.

— Из этих яиц, наверно, уже ничего не выйдет, — сказала Марья Петровна. — Но это не беда. У вас и так всё очень хорошо получилось. Вы потрудились на славу!

— А мы не одни трудились: с нами ребята работали, — сказал Мишка.

— Так и надо, — ответила Марья Петровна. — Будете дружными — никакие трудности вас не испугают.

— А я думал, что у нас совсем ничего не получится, так как один раз не уследил за температурой и яйца остыли, — сказал я.

— Зародыши могут выдержать довольно длительное охлаждение, — сказала Марья Петровна. — Ведь наседка не сидит всё время на яйцах. Раз в день она сходит с гнезда, для того чтобы покормиться, и яйца остывают. В инкубаторах тоже остужают яйца раз в день, чтобы зародыши развивались,

как в природных условиях. Но гораздо опаснее перегреть яйца.

— А я один раз перегрел, — говорит Мишка. — Температура поднялась до сорока градусов.

— Значит, ты вовремя спохватился, — объяснила Марья Петровна. — Длительный перегрев мог бы погубить зародыши.

Вечером мы разбили оба оставшихся яйца. В обоих оказались недоразвившиеся зародыши. Жизнь почему-то остановилась в них, и цыплята умерли не родившись. Может быть, это как раз и случилось от перегрева.

Мы потушили лампу, которая горела ровно двадцать три дня. Ртуть в градуснике медленно опустилась вниз. Инкубатор остыл. А у плиты в кастрюле копошилась наша «весёлая семейка» — десять пушистых жёлтеньких цыплят.

На волю

Наша «весёлая семейка» жила очень дружно. Цыплята чувствовали себя спокойно и хорошо, когда были все вместе. Но стоило только какого-нибудь из них унести от остальных, как он начинал тревожно пищать и бегать, стараясь отыскать своих братцев, и успокаивался только тогда, когда находил их.

Майка уже давно хотела забрать своего цыплёнка, но мы всё не позволяли ей. Наконец она всё-таки не послушалась и унесла его в комнату. Через полчаса она принесла его обратно и со слезами сказала:

— Я не могу больше! Он надрывает мне душу писком. Я думала, он привыкнет и не будет пищать, а он всё пищит, да так жалобно!

Она пустила цыплёнка на пол, и он со всех ног бросился к остальным цыплятам, которые держались стайкой и не отходили далеко друг от друга.

Мы отгородили на кухне угол. В углу постелили клеёнку и поставили на неё чугунок с тёплой водой. Сверху мы накрыли чугунок подушкой, чтоб вода не остывала слишком

быстро. Цыплята забирались под подушку и сидели вокруг чугунок, как вокруг курицы. Этот чугунок на самом деле заменял им мать — курицу.

Иногда мы выносили цыплят во двор, но там нам трудно было следить за ними: то собака появится, то кошка — со всех сторон грозила какая-нибудь беда. Цыплятам чаще всего приходилось сидеть дома, и мы очень боялись, что им не хватает свежего воздуха.

Особенно нас беспокоил один цыплёнок. Он был помельче остальных, и характер у него был какой-то задумчивый. Он мало бегал, часто сидел совсем молча и мало ел. Это был номер пятый, который позже всех вылупился из яйца.

— Хорошо бы отвезти наших цыплят в деревню, — сказал Мишка. — Боюсь, как бы они не заболели у нас.

Но нам жалко было расставаться с цыплятами, и мы со дня на день откладывали поездку.

Один раз утром мы с Мишкой пришли кормить цыплят. Цыплята уже узнавали нас и с радостным пискom бросались из-под чугунок к нам навстречу.

Мы поставили им тарелочку с пшённой кашей. Цыплята принялись клевать корм.

Они толкали друг дружку, прыгали через головы. Каждый старался опередить другого, а один даже залез с ногами в тарелку.

— А где же номер пятый? — спросил Мишка.

Номер пятый обычно толкся позади всех. Его, как самого слабого, цыплята отталкивали, и мы всегда кормили его отдельно. Иногда он и вовсе не хотел есть, а прибежал с остальными цыплятами, чтобы не оставаться одному. Но на этот раз его совсем не было. Мы пересчитали цыплят. Их оказалось девять.

— Может быть, он за чугуном спрятался? — сказал я и заглянул за чугунок.

Цыплёнок был там. Он лежал на полу, и я сначала подумал, что он просто прилёг отдохнуть. Я протянул руку и взял его. В руке у меня очутилось маленькое холодное тельце. Головка цыплёнка свесилась книзу и безжизненно моталась на тоненькой шейке. Номер пятый был мёртв.

Мы долго смотрели на него и от жалости не могли сказать ни слова.

— Это мы виноваты! — сказал наконец Мишка. — Надо было отвезти его в деревню. Он бы окреп там на чистом воздухе.

Мы похоронили цыплёнка во дворе под липой, а на другой день собрали всех остальных в корзинку и сказали, что повезём их в деревню. Все ребята пришли провожать цыплят.

Майка плакала и целовала на прощание своего цыплёнка. Ей очень хотелось оставить его у себя, но она боялась, что он будет скучать по своим братцам, и поэтому согласилась, чтобы мы отвезли его тоже в деревню.

Мы накрыли корзинку тёплым платком и пошли на вокзал. Цыплятам было тепло и уютно. Всю дорогу они сидели тихо и только иногда попискивали, перекликаясь между собой. Пассажиры с любопытством поглядывали на нас и, наверно, догадывались, что у нас в корзинке цыплята.

— Ну как, птицеводы, опять за яйцами приехали? — засмеялась тётя Наташа, когда увидела нас.

— Нет, — сказал Мишка. — Мы привезли вам маленьких цыплят, чтоб они у вас жили.

Тётя Наташа заглянула в корзинку:

— Батюшки! Где же вы набрали столько цыплят?

— Сами вывели в инкубаторе.

— Шутите! Наверно, в зоомагазине купили.

— Нет, вы ведь сами дали нам яиц месяц назад. А теперь эти вот яйца вернулись к вам в живом виде.

— Чудеса! — воскликнула тётя Наташа. — Вы, наверно, какими-нибудь животноводами будете, когда вырастете.

— Не знаю, — ответил Мишка.

— А вам не жалко расставаться с цыплятами?

— Жалко, — ответил Мишка. — Да вы ведь знаете: в городе им не житьё. Здесь у вас воздух свежий и чистый, и им будет здесь хорошо, а там им даже побегать негде. У вас они вырастут, и получатся из них настоящие куры и петухи. Куры будут нести вам яйца, а петухи будут петь песни. А у нас уже один цыплёнок умер, и мы похоронили его под липой.

— Ах вы мои бедные! — сказала тётя Наташа и обняла

— Ну, прощай наша

всё

аша весёлая семейка!

— Ну, прощай наша весёлая семейка!

нас с Мишкой. — Ну ничего, ничего! Один цыплёнок умер, что ж делать? Зато остальные будут жить.

Мы выпустили цыплят из корзины и долго смотрели, как они резвились на солнышке. Тётя Наташа сказала, что у неё заклохтала курица, и мы с Мишкой побежали в сарай посмотреть на наседку. Она сидела в лукошке, из которого торчало во все стороны сено. Курица строго глядела на нас, будто боялась, что мы отнимем у неё яйца.

— Вот и будут нашим цыплятам товарищи, — сказал Мишка. — Вместе им веселее будет.

Весь день мы провели с Мишкой в деревне. Ходили в лес, на реку, в поле. Когда мы приезжали в прошлый раз, на полях ещё ничего не росло, потому что это было совсем ранней весной. Только тракторы трещали вокруг и пахали чёрную землю. А теперь вся земля покрылась зелёными всходами: куда ни глянешь — до самого горизонта тянется зелёный ковёр.

А в лесу — вот где было раздолье! В траве копошились мурашки, букашки, в воздухе порхали бабочки, со всех сторон доносились голоса птичек. Так было хорошо, что не хотелось уезжать домой! Мы с Мишкой решили приехать сюда летом, построить на берегу реки шалаш и жить в нём как Робинзон.

Наконец мы вернулись к тёте Наташе и стали прощаться с ней.

Тётя Наташа дала нам на дорогу по куску пирога и сказала, чтоб мы приезжали к ней жить на каникулы. Мы вышли во двор и в последний раз посмотрели на наших цыплят. Они уже совсем привыкли к новому месту и бегали среди кустов и деревьев, наполняя воздух радостным пискom. Они по-прежнему держались дружной стайкой и пищали, должно быть, для того, чтобы тот, кто заблудился среди травы, мог найти остальных по писку.

— Ну, прощай, наша весёлая семейка! — сказал Мишка цыплятам. — Дышите тут воздухом, грейтесь на солнышке, закаляйте свои организмы, набирайтесь побольше сил. Живите между собой дружно, как и до сих пор жили. Помните, что вы все братья — дети одной матери... то есть тьфу! — дети од-

ного инкубатора, в котором все вы лежали рядышком, когда были ещё обыкновенными, простыми яйцами и ещё не умели ни бегать, ни говорить... то есть тьфу! — ни пищать... И нас тоже не забывайте, потому что это мы сделали инкубатор и, значит, это мы дали вам жизнь, которая такая хорошая и прекрасная...

Всё!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

МИШКИНА КАША	3
ДРУЖОК	13
ТЕЛЕФОН	30
БЕНГАЛЬСКИЕ ОГНИ	40
ТУК-ТУК-ТУК	56
ОГОРОДНИКИ	64
АВТОМОБИЛЬ	74
НАШ КАТОК	79
ВЕСЁЛАЯ СЕМЕЙКА. <i>Повесть</i>	90

Д Л Я М Л А Д Ш Е Г О В О З Р А С Т А

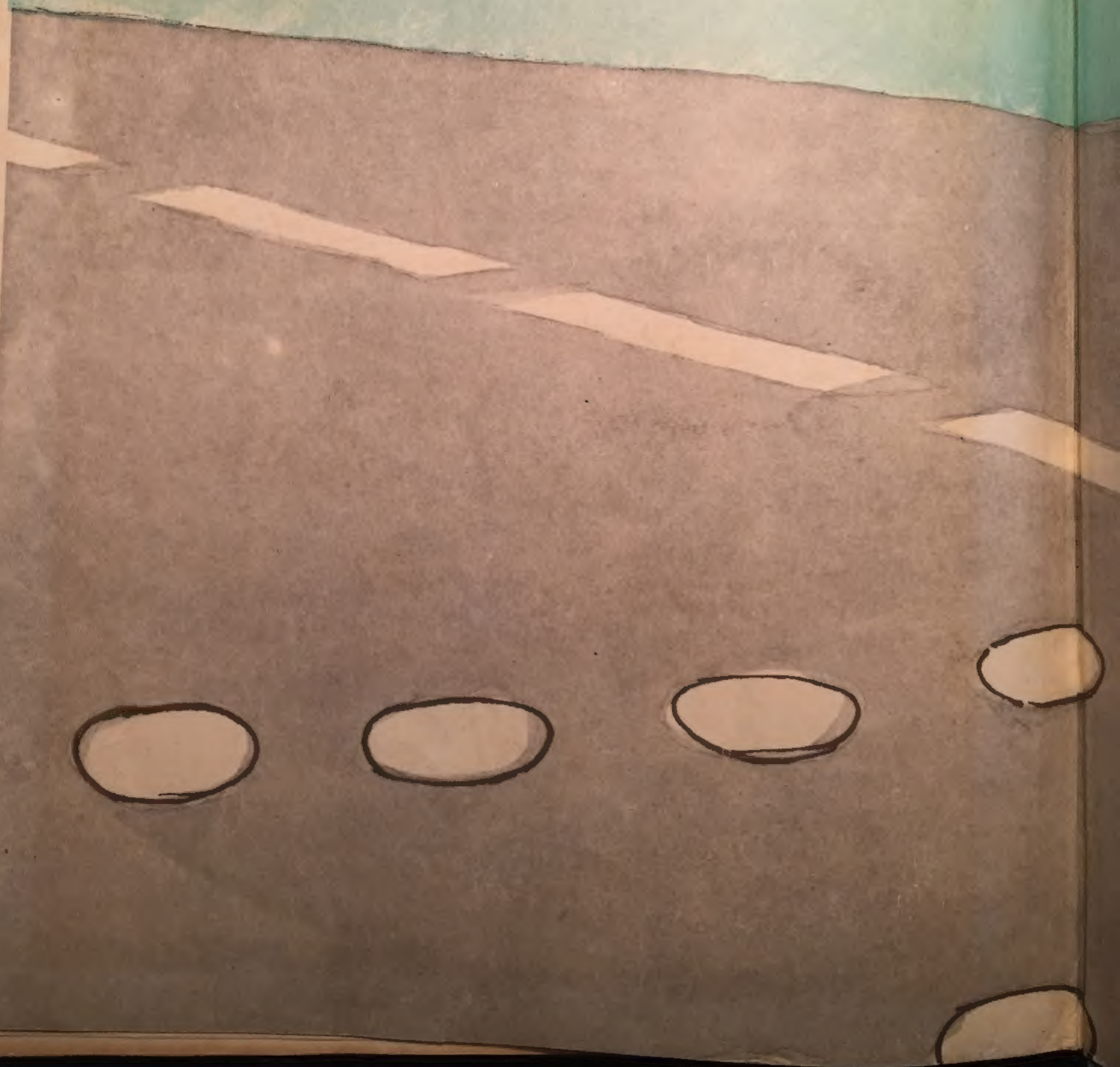
Николай Николаевич Носов

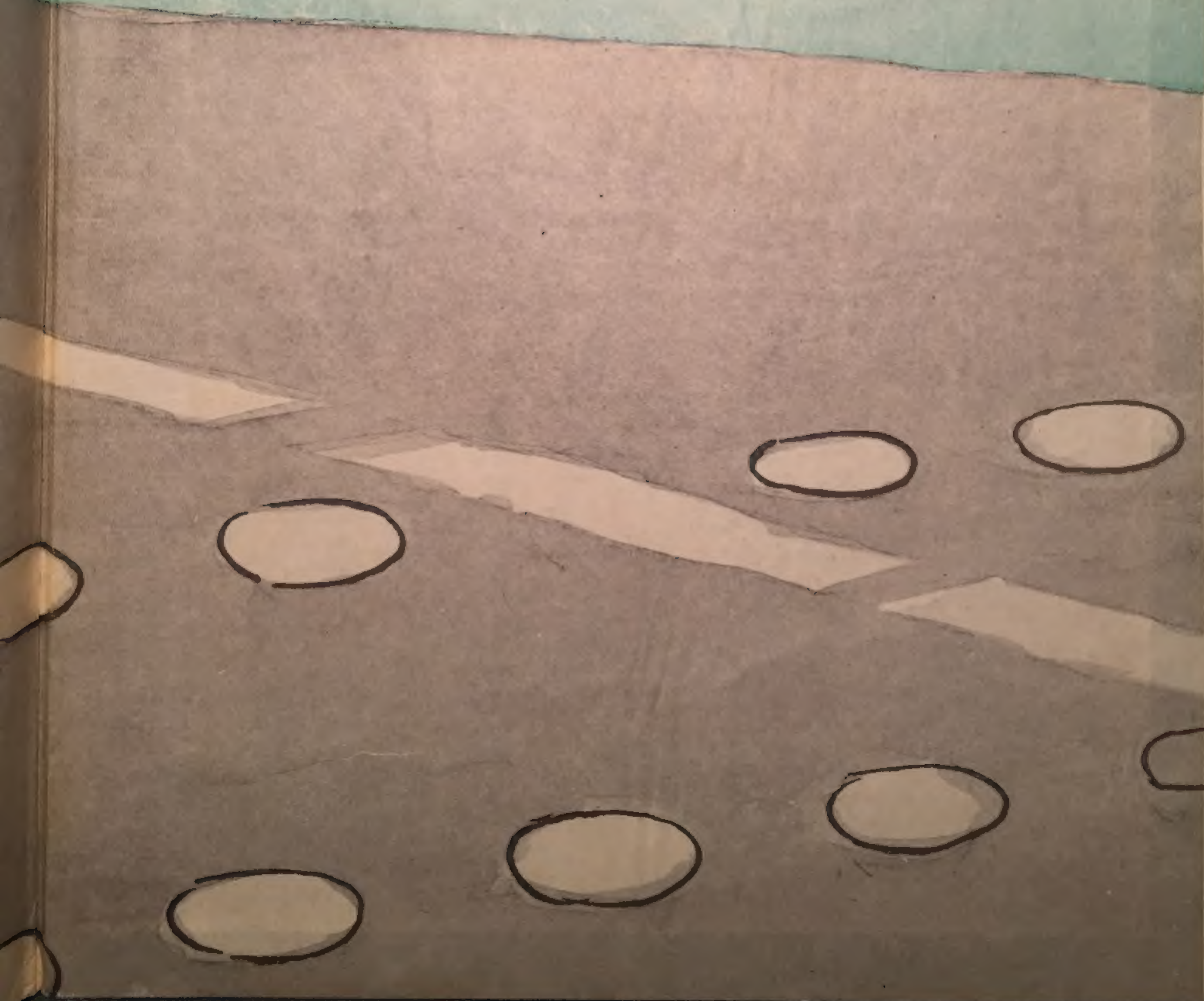
ВЕСЕЛАЯ СЕМЕЙКА

Повесть и рассказы

Ответственный редактор *Л. И. Гульбинская*. Художественный редактор *М. Д. Суловцева*. Технический редактор *Л. В. Гришина*.
 Корректоры *В. К. Мирингоф* и *Э. Н. Сигова*.
 Подписано к печати с диапозитивов 4 VII 1975 г. Формат 84×108 / 16.
 Бум. офс. № 1. Печ. л. 10. Усл. печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 9,86.
 Тираж 1 200 000 экз. Заказ № 1445. Цена 1 руб. 01 коп.
 Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература», Москва, Центр. М. Черкасский пер., 1.
 Отпечатано с диапозитивов Калининского полиграфкомбината детской литературы им. 50-летия СССР.
 Чеховский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Чехов Московской области.

10. 0112.

